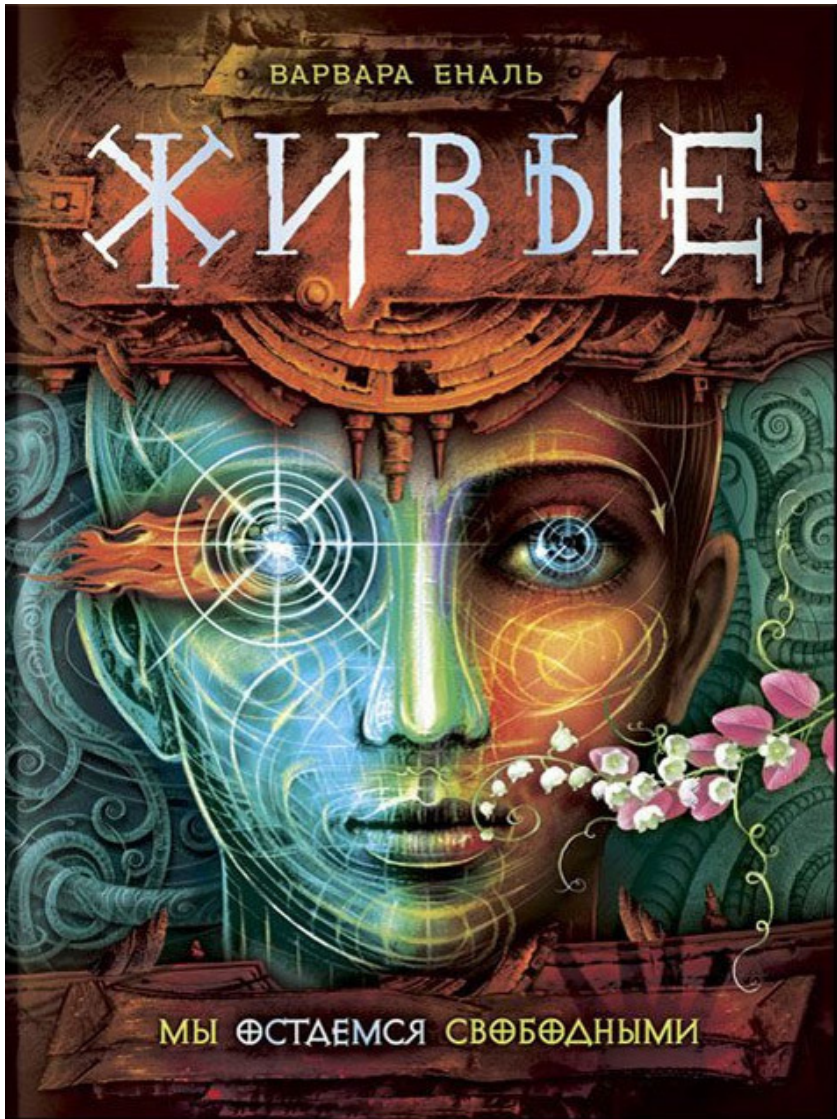

ВАРВАРА ЕНАЛЬ

ЖИВЫЕ

МЫ ОСТАЕМСЯ СВОБОДНЫМИ

Варвара Николаевна Еналь

Мы остаемся свободными

Серия «Живые», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18305808

Мы остаемся свободными : роман / В. Еналь.; Росмэн; Москва; 2016

ISBN 978-5-353-07603-2

Аннотация

Герои серии «Живые» Таис, Федор, Эмма, Колючий и их друзья сталкиваются с новыми угрозами, одерживают новые победы и переживают новые утраты. Мир детей, запертых на орбитальной станции Моаг, стремительно расширяется: еще вчера они не решались исследовать все закоулки родной станции, а сегодня отправятся в космос, а кое-кто даже попадет на Землю. Вчерашние противники могут стать союзниками, а новые враги окажутся сильнее и страшнее старых. Подростки становятся сильнее, мудрее: они стремительно взрослеют.

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	30
Глава 3	47
Глава 4	62
Глава 5	80
Глава 6	94
Глава 7	117
Глава 8	138
Глава 9	163
Глава 10	185
Глава 11	207
Конец ознакомительного фрагмента.	213

Варвара Еналь

Мы остаемся свободными

В серии «Живые» вышли книги:

1. Мы можем жить среди людей
2. Мы остаемся свободными

Часть 1

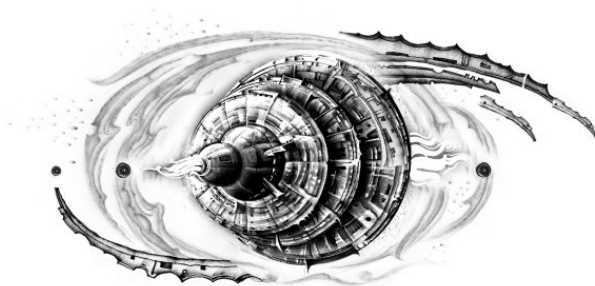
Людей здесь нет

*Вместо тепла – зелень стекла,
Вместо огня – дым.
Из сетки календаря выхвачен день.
Красное солнце сгорает дотла,
День догорает с ним.
На пылающий город падает тень.*

В. Цой. «Мы ждем перемен!»

Глава 1

Таис. Кладовки с продуктами и оружием

1

Страшные сны больше не снились. Ни раздвижные двери, ни темные коридоры, ни ожидание чего-то пугающего и неотвратимого. Ничего похожего и подобного.

Нет, по-прежнему в снах Таис оборонялась от визжащих и прыгающих фриков или убегала от стреляющего в спину пятнадцатого. Бывало, что неслась на магнитной доске и с

разбегу врезалась в стену, – такое тоже снилось. Даже полеты над Оранжевой магистралью появлялись в ее снах. Но все это было обычным, хоть малость и напряженным, неприятным и немного пугающим.

Зато в снах больше не было ощущения неотвратимости, приближения чего-то жуткого. Не было неизменного и четкого чувства, что кошмар непременно сбудется, что он близок и реален. Видимо, прошлое отпустило Таис. Потому что теперь стало известно, что на самом деле случилось на станции. Катастрофа прошлого была названа, озвучена, вытащена из темноты забвения. И потому уже не являлись из подсознания генетической памяти напоминалки, не заявляли о себе и не наводили чудовищный ужас, заставляющий просыпаться с криком посреди ночи.

Таис это нравилось. Будто свалилась с плеч тяжелая ноша, и стало гораздо легче и дышать, и спать.

А спала Таис теперь на Третьем уровне, в той самой каюте, где Андрей Шереметьев, отец Федора, оставил свое последнее сообщение. Роботы-лоны привели каюту в порядок, вычистили полы и диван с кроватью, постелили новое белье. Федор устроился на диване, рядом с мониторами. А Таис облюбовала широкую двуспальную кровать. Места на ней было сколько угодно, это вам не узкая койка на Первом уровне.

Сейчас-то все знали, что заброшенные базы Первого уровня предназначались для отряда спецназа, охраняющего станцию и сопровождающего крейсера. Там же были и ан-

гары для их катеров. Теперь уцелевшие бывшие спецназовцы погрузились в спячку в закрытой части Нижнего уровня – вирус превратил их в животных. Временами оттуда донолся протяжный вой, тоскливый и тяжелый. Но на верхнем, Третьем уровне его не было слышно.

Нижний уровень опять заблокировали. Закрыли на замки, выключили свет. И вспоминать о бывших базах больше никто не желал. Так распорядился Федор. Сказал, что делать там теперь нечего, что стая надежно заперта и что лучше всего будет, если в этих местах никто не будет лишний раз шататься.

– Мало ли что, – хмуро пояснил он, – лучше нам перестраховаться. Так что, все согласны?

С ним согласилась и Эмма, и Колька, и Егор. Машка лишь плечами пожала – она сразу же перебралась на Второй уровень, поближе к детворе, и сразу же включилась в работу с малышкой. Ее подопечные мальки – Вовка, Ромка и Кристинка – принялись ей помогать. Таис, когда спускалась вниз, на Второй уровень, видела, как Кристинка возится с совсем маленькими детками – играет с ними, качает на качелях или читает книжки.

Видимо, воспитание детей – это у Маши в крови. Призвание, можно сказать.

Нитка и Катя ей помогали.

Гибель мальчишек – Ильи и Валентина – еще долго не забудется. Еще долго они будут вспоминать своих любимых

парней, и горечь утраты еще долго будет гореть в их сердцах. Таис это очень хорошо понимала.

Она бы – так и вовсе не жила, если бы погиб ее Федор.

А возня с милой малышкой поможет девочкам вернуться к жизни. Эмма сказала то же самое. В этот раз Таис была с ней согласна.

Эмма тоже вернулась на Второй уровень, к своей сестренке и к любимому роботу Лоньке. Каждый день она поднималась в капитанскую рубку, работала с документами станции, помогала Федору разобраться в сервере Моага. Но для отдыха и общения она неизменно возвращалась вниз. И Колючий всегда держался около нее. Теперь-то Таис понимала, что он просто-напросто влюбился в Эмку.

Вот и отлично, вот и правильно.

Это гарантия того, что Колючий не превратится в животное. Самая верная гарантия.

Временами Таис одолевали навязчивые мысли. Вернее, навязчивые сомнения. А что, если все они ошибаются и любовь – вовсе не защита от превращений? Что, если на самом деле секрет вируса в другом? Тогда пропадал всякий покой и хотелось выть и метаться по закрытой станции. Тогда казалось, что все они обречены, что выхода нет и рано или поздно болезнь вернется.

Обычно из сомнений и тревог ее выводил Федор. Обнимал, прижимался губами к губам и тихо говорил:

– Ну разве мы животные, Тай? Разве мы фрики? Посмот-

ри сама, мартышка.

Губы его были мягкими и теплыми. И такими знакомыми и родными, что дух захватывало. Только объятия Федора и спасали. Он по-прежнему был невозмутим и уверен в себе, и, если Таис приставала с расспросами, неизменно отвечал, что доверяет своему отцу, что исследования профессора, найденные Эммой и Колькой, говорят о том же самом и что раз они до сих пор остались людьми, значит, фриками уже не станут.

– Поверь мне, Тай, – говорил он с легкой усмешкой и с головой погружался в сервер станции.

Работы там хватало. Эмма, Колька и Федор часами просиживали над файлами, пытаясь разобраться, какие программы были поставлены Гильдией и как они работают. Как говорил Федька, появилось много нового – такого, что дети станции не учили вовсе.

– Все-таки наша программа обучения безнадежно устарела, – выдала Эмма, в очередной раз закрыв файлы, в которых не смогла разобраться. – Надо просить Мартина, чтобы помог. Пусть разъясняет то, что знает сам.

– Да что он там знает... – хмыкнул ей в ответ Колька. – Ничего он не знает. Он лишь выполняет программы, он же сам не программист.

Таис в таких вещах не разбиралась вовсе. Поэтому ей пришлось пересчитывать склады с оружием, которых на станции оказалось прилично. И зачем? Зачем на станции столько ла-

зерных мечей, пистолетов, огнеметов и даже ракет с боеголовками? Вот вам и еще одна загадка.

А главное, сам Мартин в оружии разбирался плохо. Он понятия не имел, для чего нужны, к примеру, вот эти ряды ракет, которые Таис обнаружила в правом отсеке недалеко от шлюза номер три. О назначении лучевых пистолетов и мечей Мартин, конечно, знал. Но довольно приблизительно. Его доны-12 и лоны не умели обращаться с оружием, и только дополнительные программки, которые поставил Федор, немного изменили дело.

А раньше двенадцатые не были воинами, никогда. Рассматривая ряды боеголовок, Таис вдруг поняла, что роботы двенадцатого класса, те, что были созданы до попадания вируса на станцию, не умели воевать и не были запрограммированы на причинение вреда людям. А появившиеся после пятнадцатые как раз и были убийцами. Почему? Что изменилось на Земле? Почему стали вдруг производить роботов-убийц? Для чего? Для войны? С кем? С пиратами, нападавшими на крейсеры?

А от Гильдии между тем известий не было. Прошла одна семидневка с того момента, как Федор взял управление станцией в свои руки. Он действительно включил силовое поле и выслал Гильдии письмо, которое составил вместе с остальными штурманами. Довольно вежливое и деловое письмо. В нем не было никаких угроз, лишь предложение сотрудничества. Они предлагали и дальше заниматься выпуском про-

дукции, но Гильдия должна была и дальше высылать продукты и одежду, только теперь уже одежда должна была быть и больших размеров – для взрослых. И если на Земле были лекарства от вируса, следовало высылать и их.

Письмо буквально сочилось вежливостью и деловитостью. И никаких рассказов о жутких монстрах, пожирающих собственных детей. Даже строгой и своенравной Ритке, жившей раньше на Овальной базе, это письмо понравилось.

– Посмотрим, что они ответят теперь, – сказала она тогда.

Посмотреть до сих пор не довелось. Гильдия молчала как мертвая. Сегодня пошел восьмой день с отправки письма, а ответа нет. Сам файл письма Федор отослал через позывные Гильдии, по старому каналу. Оно должно было прийти в виде электронного файла, через межпространственную связь. Именно такой связью пользовался Эмкин профессор, когда отправлял свои письма. И адрес взяли у профессора, тот же самый, по которому приходили расписания прихода крейсеров.

Ответа не было. Мало того – крейсера перестали приходить. Ни одного корабля больше не подошло к станции. Ни тебе еды, ни одежды. А они-то все размечтались: вот, мол, оденутся, начнут работать. Вдруг Гильдия действительно примет их на работу?

Наивные и глупые. Что, если Гильдия вместо всяких там контейнеров с едой пришлет большую боеголовку? Другими словами, возьмет и подорвет всю станцию? Посчитает их

всех угрозой и предпримет радикальные действия?

Эту мысль Таис высказала сегодня утром, когда Эмма, как обычно, поднялась на Третий уровень для работы с Федором, а чуть позже появился и Колька, чьи волосы отросли и уже не торчали ежиком. Хотя его до сих пор по привычке называли Колючим.

– Ну да, – тут же хмыкнул Колька. – Семь дней они тупили, а на восьмой проснулись и пальнули в нас ракетой. Бжик – и Мо-аг развеялся в космосе черной пылью. Ты хоть думай иногда, Тай. Ваще-то сейчас не те времена, чтобы убивать людей и палить по ним ракетами. Да и станция стоит уйму деньжищ, поди построй замену. И продукция станции всегда была нужна, ее забирали каждые два дня. Они просто растерялись, не знают, что с нами делать. Совещаются и так далее. Может, показывают наше письмо на экранах и сообщают по всей Земле, что вот, мол, нашлись выжившие после чудовищного вируса...

– Ты сам думай, что говоришь, – ответил Федор и резко оттолкнулся ногой, разворачивая кресло на магнитной подошве. Глянул Колючему в лицо и продолжил: – Если мы – последствия их ошибок, то как раз об этом они и будут молчать. Теперь они сидят и думают, как получше убрать нас с дороги. Никто на Земле не должен узнать, что на Моаге есть дети, зараженные вирусом. А что, если это Гильдия наслала вирус на станцию, для того чтобы люди все умерли и производство значительно удешевилось?

– Тогда почему не убили уцелевших? И тогда почему, если они планировали удешевить станцию и снять расходы на людей, – почему они этого не сделали раньше, когда присылали сюда пятнадцатых? Ну, тогда, когда к ним улетел твой отец? Они до сих пор затрачивают на станцию много денег, поскольку содержат детей. Тут не вяжется одно с другим, – тут же возразила Эмма.

– Да, ты права. Если бы они хотели убрать людей со станции и поэтому наслали вирус, то тогда бы они запланировали полное форматирование станции, потому что Мартин не стал бы работать без детей. А они, когда у них появилась такая возможность, не стали форматировать, а просто загрузили программы, замыкавшие Мартина в круг и заставлявшие передавать пятнадцатилетних детей роботам, которые их убивали. А производство стало работать само по себе. Вот еще одна загадка, которую нам предстоит разгадать. – Федор наморщил лоб и почесал переносицу указательным пальцем.

Шрамы на его правой руке почти исчезли, лишь кое-где еще оставались широкие красные полосы. Но и они тоже скоро окончательно заживут. Правой рукой Федька действовал осторожно и немного медленно и говорил, что временами она побаливает. Неприятно ноет, особенно по вечерам. Зато трещина на щиколотке заросла довольно быстро: фиксатор сняли на шестой день, и Федька мог передвигаться без трости и совсем не хромая.

Пушистик обычно держался около Федора. Почему-то

именно его признал своим хозяином. Колька смешно называл его Пуком. Он не очень одобрял присутствие Пушистика и временами обещал, что животинка их всех сожрет.

– Схрамляет вас ваш Пук, вот увидите, – усмехаясь, говорил он, а сам в это время почесывал Пушистика за ушками, и тот смешно жмурился и вытягивал вперед мордочку.

И Федька тогда отвечал, что, мол, нечего тут ворчать, кто знает, может, Пушистик на самом деле является Колькиным братишкой. Младшим братишкой, а бросать родичей нехорошо.

– Ты посмотри, он даже ест точно так же, как ты. Сразу и помногу. Одна порода, Колька, – усмехался Федька.

Но Таис было не смешно. Ее до сих пор временами пробирала дрожь от одной мысли, что можно измениться и превратиться в монстра. Потому она хмуро забирала звереныша и уходила с ним в их с Федькой комнату. Нечего издеваться над животными. У Пушистика есть шанс вырасти хорошим и полезным зверем. А у детей станции есть шанс стать нормальными взрослыми. И этим шансом надо воспользоваться. Вот и все. И это вовсе не смешно.

В тот день утром Пушистик тоже лежал у ног Федора, пока тот рассуждал о действиях Гильдии. И когда последние предположения были высказаны и наступила тишина, зверек широко распахнул пасть, зевнул, облизал мордочку, поднялся и, тоскливо глянув на Таис, жалобно тявкнул. Издал такой странный звук, не похожий ни на вой, ни на мяуканье.

– Проголодался, – пояснила Таис и полезла в карман за конфетой. Шоколад Пушистик любил больше всего. Умил, точно это было мясо. Лопатень шоколада какой-то. – На, трескай, ненасытный поглотитель сладкого, – буркнула она, опускаясь на корточки рядом с Пушистиком.

– А еда, между прочим, скоро закончится. Может закончиться, – задумчиво протянула Эмма, глядя, как ест Пушистик.

– Да, крейсера же не приходят. Может, они просто решили утомить нас голодом? – предположил Колька.

В корабельную рубку заглянул Егор. Его пшеничные с едва заметным рыжеватым отливом вихры стояли дыбом над лбом, расстегнутая рубашка развевалась в стороны, на футболке смешно улыбался добродушный робот-уборщик. Детская футболочка эта совсем не вязалась с серьезными и хмурыми глазами Егора. Он спросил сразу, с порога:

– Как дела? Ответ был?

Федька покачал головой. Колька коротко сказал:

– Две дули.

Эмма пояснила:

– Сами ждем ответа. Тишина пока.

Таис промолчала, продолжая гладить Пушистика за ушами.

– А что вы говорили про голод?

– Это и так ясно. Если не приходят крейсера, нам неоткуда будет взять продуктов. Потому нам надо уже сейчас знать,

сколько у нас еды и где она находится. То есть пересмотреть все склады тут, на Третьем уровне, и подсчитать, что у нас есть. А еще внизу пересмотреть все кафешки и все автоматы. Надо, наверное, переходить в режим строгой экономии, чтобы растянуть продукты как можно дольше. И продолжать выходить на связь с Гильдией. Или с Землей.

– Тогда я пойду и посчитаю по кладовкам, что у нас есть. Сама. Хотя можно посмотреть и в программах, – сказала Таис.

– Надо и в программах посмотреть, отчеты ведь должны где-то быть. И самим посчитать. Надо знать наверняка, сколько у нас продуктов. И сколько у нас детей. Как мы будем их кормить?

– Тогда я пошла. Вчера я уже считала оружие, которое было в здешних каютах, и сносила его в один ангар. Та еще работка. Сегодня займусь продуктами.

– Я с тобой, – тут же вызвался Егор.

– Давай.

– Жанку позову только. Втроем быстро справимся.

– Можно и не быстро. Чем еще тут заниматься?

2

За все свои семнадцать лет Таис первый раз видела столько оружия в одном месте. Огромные упаковки с коробками разрывных патронов, зарядные трубки для бластеров андро-

идов донов-15, диски для больших лазерных пушек.

В нескольких пластиковых контейнерах хранились даже длинные автоматы для людей. Не лучевые, а обычные, старые, которыми пользовались еще до Эры Робототехники. Зачем все это нужно на мирной и спокойной станции, где производят роботов?

Этот вопрос немного беспокоил. Свербил, как заноза. Станция по-прежнему не давала ответов. Мартин это оружие не учитывал, его попросту не было в базе данных робота.

Жанка, заправив за уши короткие стрелки волос, старательно пересчитывала продукты в соседней кладовке, оружием она не интересовалась. Пальчики ее проворно летали над планшетом, занося данные в заранее начерченную сетку. Егор, раскрыв пачку печенья, жевал, крошил, отряхивал руки прямо под собственные кроссовки и даже умудрился кинуть обертку в угол одной из кладовок. Заметив прищуренный взгляд Таис, тут же ответил, махнув рукой:

– Фигня, роботы все равно уберут.

– Мальчик привык к нянькам, – буркнула в ответ Таис.

Сама она давно отучилась кидать вещи и мусор где попало. Давно отучилась рассчитывать на помощь роботов-уборщиков и потому от брошенной цветной обертки сразу же почувствовала привычное раздражение.

– Нечего мусорить! – Она наклонилась, подняла бумажку и сунула ее Егору в карман.

Тот, слегка пихнув ее в плечо, возмутился:

– Ты чего? Это же мусор, его робот уберет!

– Сам и уберешь. Нечего надеяться на роботов.

– Почему бы и не надеяться? – спокойно дернула плечиками Жанка и улыбнулась. – Роботы для того и созданы, чтобы убирать за людьми. Это их прямые обязанности.

Таис не стала спорить. Невозможно было логично объяснить ее недоверие к роботам. Да, теперь интеллект станции, который они называют Мартином, подчиняется им, подросткам, живущим в космосе. Да, теперь они полностью управляют этим интеллектом, и все роботы – лоны, доны-12 и доны-15 – послушны детям. Про маленьких уборщиков и садовников и говорить не стоит – эти и помыслить не могут о неповиновении.

Но слишком болючей была память о том, как всего несколько дней назад пятнадцатый стрелял в Таис. До сих пор еще немного ныло плечо и под кожей хорошо прощупывался твердый рубец шрама. Белый, тонкий, ровный. Он казался строгим напоминанием, важной отметиной, зарубкой на память. Чтобы всегда, всю жизнь помнить, какими опасными могут быть роботы.

И еще Таис помнила о погибшем Илье. Хотя своими глазами она не видела смерть друга, но зато слышала рассказы Эммы и Кольки-Колючего. Дон-15 убил Илью, хладнокровно и расчетливо. Потому что выполнял программы. Потому что так было заложено в его платах. Потому что для роботов нет никакой разницы, кого убивать. Они всего лишь делают

то, что в них заложено.

Егор, выразительно глянув на Таис, покрутил пальцем у виска, открыл следующую пачку – на этот раз с вафлями – и демонстративно швырнул обертку в угол.

Таис развернулась и вышла. Кинула через плечо:

– Считайте в этой кладовке, а я пойду в следующую.

На станции было три уровня. Нижний – тот самый, роковой, на котором находились пораженные загадочным вирусом члены экипажа. Когда-то они были родителями нынешних детей, а сейчас превратились в животных, мерзких, злобных и опасных. В животных, способных только убивать. Станцию поразил страшный вирус, от которого не было спасения никому, и все взрослые стали монстрами.

Почти все. Кроме тех, кто умел любить. Так определил эту ситуацию один из последних выживших, отец Федора – Андрей Шереметьев. Перед тем как покинуть станцию и отправиться за помощью, он оставил последнюю запись, в которой рассказал, что только тот, кто испытывает сильную привязанность, именуемую любовью, – только тот может избежать болезни. Вроде как благодаря этой эмоции вырабатываются специальные гормоны, блокирующие развитие вируса.

Запись Андрея Шереметьева удалось обнаружить всего несколько дней назад. А до этого все мучились одним главным вопросом. Вернее, даже двумя: почему интеллект станции убивает всех, кому исполнилось пятнадцать лет, и куда делись взрослые.

Оказалось, что взрослые превратились в зверей, а станция запрограммирована так, чтобы производство не прекращалось, а дети, достигшие пятнадцати лет, умерщвлялись. С большим трудом, а главное – с большими потерями – удалось взять в свои руки контроль над станцией. Теперь Моаг (так называлась станция раньше), или Мартин, полностью подчинялся Федору, Таис, Коле и Эмме. Им четверым в первую очередь.

Они стали главными штурманами станции. Даже раздобыли себе специальные штурманские нашивки со светящейся голограммой. Эмма носила их с потрясающей важностью и никогда не показывалась на Третьем уровне без этих штук.

А Таис это казалось сущей ерундой. И без нашивок ясно, кто тут главный.

Таис усмехнулась и толкнула рукой дверь в следующую кладовку. Теперь тут, на Третьем уровне, ничего не запиралось – так распорядился Федор. Для удобства и чтобы не тратить время на открытие замков с помощью флешки.

Третий уровень станции был командным. Главным. В здешние шлюзы крейсера доставляли продукты питания и одежду, отсюда же забирали упаковки с деталями будущих роботов и мощных компьютеров. На Третьем уровне находилось производство – то, ради чего была создана станция.

Здесь делали роботов и детали для них. Хотя сам цех никому еще видеть не довелось. Федор пытался взломать замки, но тщетно. Двери закрывались не на код, у них была ка-

кая-то незнакомая и странная программа, войти в которую не получалось. Мало того, в производственном цеху не было ни тепловых датчиков, ни видеокамер. Ничего, что могло бы дать хоть малейшее представление о том, что там происходит.

Мартин на все вопросы отвечал, что это не его компетенция и производством управляет не он.

– Тогда кто? – пытался понять Федор.

– Я этого не знаю. Моя задача и мой приоритет – это дети. Все остальное вне поля моих задач, за остальное я не отвечаю, – неизменно ровным голосом отвечал Моаг-Мартин.

Загадочные, высокие двери цеха находились в противоположной от кают стороне, рядом со шлюзами. И оттуда не доносилось ни звука. Как будто никакой работы там не велось вовсе.

Конечно, после того как Федор взял управление в свои руки, производство могло и остановиться. Но только внешне это никак не проявилось. Правда, большие и длинные контейнеры с деталями перестали появляться в коридорах перед ангарами, это да. Но остановилось ли производство, этого не мог знать никто.

Раньше ни Таис, ни Федор особенно не шастали в тех местах, около шлюзов. Потому что кладовых там не было, но зато постоянно находились многочисленные пятнадцатые, и это было опасно. Так что Таис понятия не имела, изменилось ли что-то в производстве или нет. Каким образом управля-

лось все за серыми двойными дверями? Кто там находился?

Проникнуть туда не удавалось, кода к дверям подобраться не могли. Оставалось только одно – пробовать их взломать, взорвать, снести, то есть просто механическим путем устранить преграду. Колючий так и собирался сделать, но всех отговорила Эмма.

– А если там какое-нибудь вредное производство, и поэтому людям туда доступа нет? Может, лучше не будем открывать то, что специально закрыто? А то мы с Колючим уже открыли один раз одну дверь, и хорошего из этого ничего не вышло.

Таис тогда быстренько согласилась с Эмкой, едва лишь вспомнила клятых фриков, выпущенных из ангаров Нижнего уровня. Прежде чем удалось загнать животинок обратно, погибло несколько детей.

Нет уж, в этот раз умная Эмма права. Лучше не соваться туда, куда их не пускают, иначе можно опять нажать смертельные неприятности. Хватит с них всей этой ерунды. Лучше пересчитать продукты, оружие и что там еще есть и попробовать снова выйти на связь с клятой Гильдией.

И Таис принялась пересчитывать ящики с крупами. Кажется, голодными они еще долго не останутся, слишком основательны запасы на Третьем уровне.

Управившись с подсчетами еще в двух кладовых (одежда, игрушки и посуда), Таис оказалась в узеньком коридорчике, выводящем прямым к внутреннему кругу с каютами. Сама станция представляла собой гигантский диск, потому главные коридоры в ней замыкались кольцом. Это казалось удобным, да и заблудиться при таком раскладе было не так просто.

Работа сделана почти наполовину. Сейчас бы поесть и отдохнуть. Остальное можно сделать после, ближе к вечеру или вообще завтра. И так уже ясно, что вещей и еды на станции полным-полно и можно не изводиться на мыло с мыслями, что все они умрут.

Конечно, Эмма тут же поднимет шумиху, начнет теревить поваров, чтобы сэкономили продукты, переписали рецепты: в общем, найдет себе занятие, чтобы не сохнуть со скуки. Ну и пусть. Таис возражать не станет.

Сама она уже пару дней как перестала лопать все подряд со скоростью голодающего. Привыкла к продуктовому изобилию, хотя ночами могла встать и сделать себе бутерброды и горячий кофе. Федька тогда смеялся и обзывал обжорой.

– Что, опять ночная вахта? Самый жор по ночам, да? – улыбался он, не отрываясь от экрана.

Он теперь слишком много времени проводил за файлами Мартина, как, впрочем, и Эмма.

Таис ему не отвечала. Да и что отвечать?

Просто приятно было встать среди ночи, прошлепать в столовую, открыть дверцу холодильника и увидеть ряд пластиковых баночек с соком, пакеты с творожком, бутылочки с йогуртом и прочие вкусные вещи.

Молоко и йогурт имели длительный срок хранения, и хранить их должны были в больших холодильных камерах, куда надо бы еще добраться и посчитать, сколько всего осталось.

Таис вздохнула, выключила планшет. Не сейчас. Позже.

Сейчас она просто отправится в столовую и поест. Что-нибудь вкусное. Можно открыть баночку с овощным рагу, заказать рассыпчатого пропаренного риса и парочку пирожков с брынзой. Отличный обед.

А после завалиться на диван и посмотреть какой-нибудь фильм. Пушистик, наловившись сладостей (этот обормот пожирал только сладкое, причем в огромных количествах), пристроится рядом, оближет мордочку узеньким языком и примется тереться о ноги. Глаза его при этом станут хитрющими, и Федька скажет, что зверюга страшно похож на Кольку, и, по всему виду, это действительно его брат.

Таис улыбнулась. Они даже временами называли Пушистика братаном.

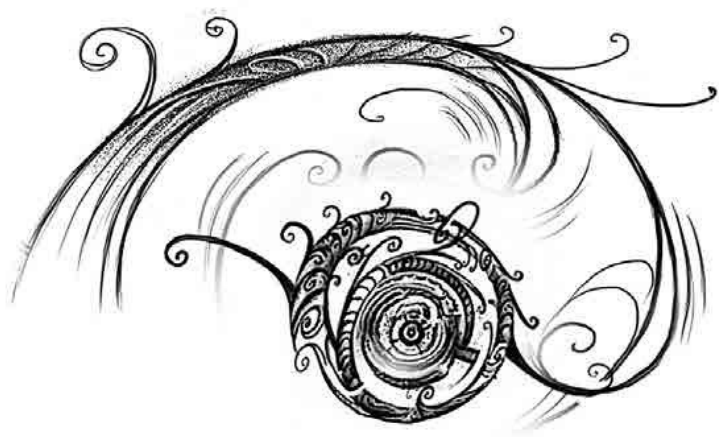
Четкие, сухие щелчки шагов заставили вздрогнуть. Они раздались слишком резко и совсем рядом. Таис резко присе-

ла, нырнула в небольшое углубление в стене и тут же выдохнула с облегчением. Пятнадцатый прошел мимо с абсолютнейшим равнодушием. Он двигался куда-то в сторону лифтов, а через пару минут вернулся оттуда, толкая перед собой пустые тележки.

Видимо, доставляли часть продуктов на обед, а пустую тару передали наверх. Хотя обычно это делают по утрам.

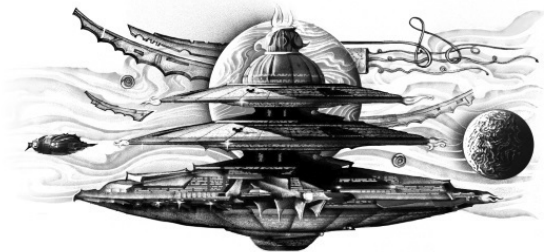
Пятнадцатый просто выполняет свою работу, он не опасен, он подчиняется Мартину, а Мартин теперь подчиняется Таис и Федору. Проводив взглядом высокую белую фигуру, Таис подумала, что еще долго будет вздрагивать, слышав шаги роботов. И лучше всего не иметь этих тварей рядом с собой на станции. Была бы ее воля – она бы избавилась от всех пятнадцатых. Да и от двенадцатых тоже.

Слишком опасны эти штуки.

Глава 2

Эмма. Новые запахи и новые чувства

1

Утро начиналось обычным гудком будильника. Выскакивала голограмма, появлялись радужные цифры, звучала тихая мелодия, и девичий голос сообщал, что пора вставать. Эмма сонно хлопала по голограмме, отключая ее, поворачивалась на бок и еще минуты три тянула, выпутываясь из дремоты.

Можно было, конечно, и не вставать по будильнику. Мож-

но было спать сколько угодно. Ночью смотреть фильмы и играть, днем отсыпаться, а к вечеру заниматься делом – как делали Таис и Федька. У тех никакого режима не было в помине, жили, как придется.

Только Эмме такой расклад дел не нравился вовсе.

Да, единственные взрослые на станции – это они, дети подземелья, как их раньше здесь называли.

Да, они стали почти легендой, к ним относятся с почтением, с придыханием, смотрят с восторгом. Слушаются и уважают. И Моаг считает их своими командирами и штурманами станции.

Но это не значит, что можно расслабиться и праздновать победу. Наоборот.

Для праздника и отдыха поводов не было вовсе.

На их плечи легло управление станцией и громадная ответственность за всех детей. За всех, даже за тех, кто все еще созрел в кувезах. Возможно, в их руках будущее человечества – а вдруг на Земле людей уже не осталось вовсе, – и потому их берегли на станции хотя бы до пятнадцати лет?

Так что сейчас они не играют, это не игра и не забава. Сейчас они действительно стали взрослыми, и потому надо постоянно быть наготове. Все держать под контролем, справляться с огромными задачами.

Детям надо учиться, как и раньше. Сейчас у всех каникулы, но следующий учебный год должен начаться вовремя, и все должны сесть за парты. Подрастут будущие первоклашки.

ки – и им следует устроить праздник, как это делали раньше.

Когда Эмма сказала об этом Таис, та взглянула удивленно – глаза светло-карие, почти желтые, кошачьи, – махнула рукой, дернула плечом и сказала, что все это полная фигня и что если начнется война, то всем будет не до уроков.

– Какая война? – не поняла ее Эмма.

– Гильдия нападет на нас, обстреляет с крейсеров. Тогда всем будет не до уроков. Поставим кого постарше к бойницам, кого помладше – патроны подавать. Вот и вся наука.

Эмма чуть не задыхнулась от возмущения, но, увидев, как ползут вверх уголки губ Таис, поняла, что это шутка. Глупая и неуместная. К мрачным шуткам детей подземелья Эмма до сих пор не могла привыкнуть.

– Воевать будут пятнадцатые, – вставил Федор, который только что зашел в рубку с пачкой печенья и подносом с двумя дымящимися кружками. – Тайка пошутила, Эм, не обращай на нее внимания. Занимайся делами. Давай ты будешь главным ответственным за Второй уровень и за детей. Мы с Таис отвечаем конкретно за оборону станции. Пусть Егор с Жанкой будут нашими помощниками, а Колька, Нитка, Маша и Катя – твоими. Тогда будет проще, тогда каждый будет знать свою задачу, и мы не будем путаться.

– Отлично. Так и сделаем. Только надо созвать собрание и определить приоритеты. И сделать список задач на ближайшее время, – тут же включилась в работу Эмма.

Таис шумно и демонстративно вздохнула, взяла на руки

мерзкую белую зверюгу, которую постоянно таскала за собой, и, поморщившись, выдала:

– Зачем, Эм? Нас тут совсем немного. Просто пойди и скажи это Кольке и остальным. Сама возьми себе в помощники детей – кого надо. У нас остаются Егор и Жанка. И все, и не надо никаких собраний.

– Вы просто ленитесь! – взорвалась Эмма. – Вам просто лень что-то делать! Сидите тут, играете в игры, смотрите фильмы и понятия не имеете, что творится на станции!

– Да ничего особенного не творится! – Таис резко откинула волосы назад, а зверек на ее руках открыл пасть и зашипел. – За всем следит Мартин. А если тебе хочется изображать шумную деятельность, чтобы почувствовать собственную важность, то пожалуйста. Никто тебе этого не запрещает. Вперед. Только нас с Федором не трогай, ладно?

– Девчонки, не начинайте снова. Вы же не фрики, чтобы ругаться. Пусть Эмма делает то, что считает нужным. А мы с Тай будем делать то, что сами считаем нужным. И всех это устроит, – миролюбиво протянул Федор.

Фраза «вы же не фрики» резанула по ушам. Эмма выдала глухим голосом: «Пусть так и будет» – и вышла из рубки. Уже потом, спускаясь на лифте, она зачем-то ощупывала щеки и снова поражалась обилию запахов, которые стали привычными, знакомыми и легко читаемыми. У себя в каюте она потрясла тяжеленькую белую баночку с таблетками, зачем-то нажала на кнопку и, получив белую пилюлю, напря-

женно уставилась на нее.

Она не фрик. Потому что принимает вот эти штучки. Пьет по одной каждый день. Еще их пьет Ритка – но та почти поправилась. Кто его знает, как овальным удалось выходить свою подругу и избавить ее от превращения в животное. Научили любить? Или что?

Ответов не было, во всяком случае Эмма до них не могла добраться. Не получалось. Не выходило. Не складывалась до конца картинка. Поэтому оставалась нервозность, беспокойство и сжирающий изнутри страх.

Страх, что белые пилюли закончатся или перестанут действовать и тогда Эмма превратится во фрика. На глазах у всех. И не помогут ни нашивки, ни строгая форма, которую время от времени она надевала. Не поможет ничто, потому что Эмма так до конца и не поняла, что значит «любить».

Для нее по-прежнему на первом месте оставался долг. Она *должна* заботиться о станции и о детях на ней. Она *должна* помогать Соне, *должна* быть доброжелательной к Коле.

Она *должна* быть человеком. Взрослым и разумным. И вот это «должна» было ясным, понятным и простым. Другие чувства были незнакомы.

Зато Коля-Колючий, который уверенно устроился в их с Соней каюте и занял свою старую комнату, Коля точно знал, что влюблен в Эмму. И временами можно было перехватить его взгляд – восхищенный, глуповатый, наивный. В этот мо-

мент его черные глаза просто горели, и Эмма была ему очень благодарна за то, что он хотя бы не упрекал ее в бесчувственности, не требовал взаимности, не ныл и не лез с обнимашками.

Вот этот момент – объятия – Эмма вообще не понимала. Какой от этого толк? Что это дает? Зачем так близко прижиматься к другому человеку? Во-первых, это неудобно и, может быть, даже неприятно. Во-вторых... Да хотя бы одежда мнется, вот что во-вторых. Видела Эмма и не раз, как Федор обнимает Таис. Он высокий, а Тайка – точно пигалица рядом с ним. Он обхватит ее одной рукой за талию или за плечи, а то и вовсе прижмется губами к губам. Вообще гадость какая-то. И куда они слюни девают, когда это делают?

Ничего подобного Эмма не испытывала и не собиралась испытывать. При мысли, что надо будет вот так прикасаться к губам Колючего, ей хотелось плевать. Этого еще не хватало. Она могла обнять Соню – Соня ребенок, ее положено обнимать и гладить по плечам и голове, этому учили донь-няньки, когда Эмма проходила практику в ясельных группах. Но прижиматься к взрослым людям?

Станным казалось все это и непонятным.

Поэтому сомнений не возникало: если Эмма кого-то и любит, то только саму себя. Себя она уважала, себе нравилась. И еще Соня была родным и немного близким человеком. Но – опять же – тут срабатывало слово «надо». *Надо* позаботиться о Соне. *Надо* вот сейчас встать, привести себя в по-

рядок, распорядиться насчет завтрака, составить расписание дня для себя и для Сони. Просто *надо* — и все.

И еще надо выпить пилюлю. Потому что иначе Эмма за парочку дней превратится во фрика. Она ведь никого не любит. Любовь к себе в данном случае не в счет.

Иногда Эмма вспоминала лицо Тайки, когда та отправилась выручать попавшего к фрикам Федора. Полоски слез на щеках, растрепанные волосы. И глаза. Большие, полные боли и каких-то еще чувств. Таких огромных, таких сильных чувств, что Эмма в тот момент ощутила их почти физически.

Тогда вообще все чувства были обострены до крайности, тогда все виделось более четко, более объемно. Мир тогда менялся на глазах. И лицо Таис стало символом перемен. Символом новой жизни.

Только в себе самой этих новых чувств, этих перемен Эмма не находила. Хотя отлично понимала, что, если бы Колючий попал в беду, пошла бы выручать его точно так же. Просто потому, что это «*надо*». Потому что «помогать друг другу — это наш долг».

2

После завтрака Эмма собиралась в ясли — ежедневная работа там действительно доставляла ей удовольствие. Водиться с малышкой Эмме нравилось. Четверо новорожденных требовали очень много забот — купание, кормление, переде-

вание.

В этом Эмме охотно взялась помогать Катя: ее удивляли и смешили малыши, и, таская их на руках, она приговаривала, что люди на самом деле бывают слишком маленькими.

— Ну разве это ножки? — удивлялась она, натягивая на девочек чистые ползунки. — Это же одно название, а не ножки. Представляешь, Эм, однажды они вырастут настолько, что станут ходить и бегать. Просто фантастика какая-то...

С этим Эмма могла согласиться. Крошечные розовые ступни малышей казались такими беспомощными, что не верилось в то, что однажды они бодро понесутся по оранжевому покрытию магистрали. И тем более не верилось, что сама Эмма тоже когда-то была такой маленькой и беспомощной. Интересно, кто ее носил на руках? Кто натягивал штанишки и носочки, кто пел песенки?

В любом случае тот, кто это делал, тоже имел очень слабое представление о любви и не научил маленькую Эмму любить. Ее учили только тому, что обязательства перед станцией надо выполнять. Потому так называемая любовь и осталась где-то за бортом. Оказалась настолько неясной и непонятной, что только специальные таблетки, которых осталось не так уж и много, помогали не превратиться во фрика.

Сегодняшний день обещал быть хорошим и добрым. Ничего незапланированного или выбивающего из колеи. Эмма это любила. Она не спеша приняла душ, после долго сушила волосы феном и укладывала. Долго подбирала сережки и

цепочку на шею. На короткое мгновение ей захотелось надеть приносящий удачу кулончик с божьей коровкой, Эмма даже чуть-чуть подержала его на ладони. Но потом представила, как радостно заулыбается Колька, увидев его, и положила кулончик обратно.

Это же Колючий дарил ей кулон, и он расценит это как особый знак внимания, как ответный жест. Будто бы Эмма тоже стала что-то испытывать к нему. Симпатию или еще что-то там.

А на самом деле Колька был как брат. Старший, бестолковый, шумный, находчивый. Но брат. Никаких особенных чувств, никакой дрожи в коленях и сумасшедшего сердцебиения. Ничего такого к братьям испытывать не полагалось – это Эмма знала совершенно точно.

С другой стороны, то, что Колючий влюблен, – очень даже хорошо для него самого. Это предохраняет его от превращения в монстра, потому следовало быть к нему доброй, снисходительной, ласковой и так далее. Чтобы не оттолкнуть, не огорчить.

Временами Эмма путалась во всех этих «надо». Их было столько, что к вечеру подкашивало от усталости и забот. Но жаловаться – Эмма не жаловалась. Наоборот.

Просыпаясь по утрам, выключая будильник и заглядывая на ходу в электронный ежедневник, она испытывала что-то похожее на удовлетворение и прилив энергии. Еще один день, полный труда и забот, еще одна возможность послу-

жить своей станции. Ведь все-таки – все-таки! – Эмма стала взрослой, начала работать на Третьем уровне, и даже получилось так, что она каждый вечер может возвращаться в любимую и привычную каюту, услышать ставшее таким родным ворчание лона, поболтать с Соней и посмеяться шуткам Колючего.

Все это у нее есть, и поэтому Эмма вполне справедливо полагала, что счастлива.

Если бы еще быть уверенной в том, что заветных таблеток хватит на всю оставшуюся жизнь...

Эмма влезла в новенькие серые бриджи, натянула просторную оранжевую футболку, заплела небрежную косу и перекинула ее через плечо. Вдевая в уши сережки, с наслаждением втянула запах горячего кофе и булочек с ванилью. Значит, Донька уже накрыл на стол. Что там остальные, встали?

Колючего приходилось будить. Вот и сейчас он лежал прямо на одеяле, клетчатая рубашка, которую он не потрудился даже расстегнуть, не то что снять, задралась, открывая полоску смуглой спины. На ногах – кроссовки, волосы взлохмачены. Наверняка играл до поздней ночи – вон на полу пристроено два планшета. Значит, делал большую голограммную проекцию и разыгрывал крупную баталию. Космический спецназ...

Эмма вздохнула, легонько потрясла Колючего за плечо и сказала, что пора вставать: уже утро и так далее. В ответ – хмурое мычание. Ладно, возможно, она вернется сюда после

завтрака и попробует еще раз. А пока бесполезно будить, все равно не встанет.

Второпях выпив кружку кофе и прожевав булочку, Эмма отмахнулась от шуток Лоськи: «Некогда» – и выскочила за дверь. Надо узнать, как прошла ночь в детском отделении, что запланировано на этот день в старших ясельных группах, как проходит подготовка к большому Празднику первоклассников – иными словами, надо сделать уйму важных и нужных дел.

3

Запахи рассказывали обо всем: о том, что буквально несколько минут назад здесь трудился робот-уборщик – у его плат был особый запах, к нему примешивалась еле уловимая нота нагретой пыли и мусора. После него пронеслось несколько детей – именно пронеслись, пробежали: Эмма могла поклясться, что чувствует слабый запах пота и даже вроде бы присутствие адреналина.

Она давно привыкла к этому и вошла во вкус. Словно окружающий мир стал более объемным, четким и понятным. Будто слетела с него серая пелена, и стало возможным полное погружение в действительность.

На самом деле это было здорово. На самом деле Эмма наслаждалась этим. Ее тело, гибкое и послушное, словно бы налилось новой силой, новой энергией. Ее пространство раз-

двинулось, ее взгляд на мир стал более четким и сфокусированным. Поэтому, спускаясь к Оранжевой магистрали, Эмма ощущала, как бурлит в жилах энергия, как легко и ловко работают мускулы, как умело справляется тело с физической нагрузкой.

Раньше Эмма не особенно увлекалась спортом, но сейчас уже третье утро подряд вставала на магнитную доску и делала парочку кругов по Оранжевой магистрали. Неслась вперед с потрясающей скоростью и даже не удивлялась, когда получалось без усилий удерживать равновесие и встраиваться в поворот, когда движение становилось частью самого ее существа, и для этого не надо было особенно напрягаться.

И сейчас она взяла первую попавшуюся доску там, где их оставляла на ночь неутомленная ребятня, вытянула руль, улыбнулась и, оттолкнувшись, легко набрала скорость. В такие минуты она ни о чем не думала. Ни о долге, ни о предстоящих волнениях. Забывала даже о пилюлях в баночке. Моменты быстрой езды превратились в самые лучшие мгновения ее дня, самые стремительные, самые наполненные.

Сделав парочку кругов, Эмма спрыгнула недалеко от поворота, за которым начинались площадки детского сада, пристроила доску к специальному держателю, убрала за уши выбившиеся пряди волос, расправила футболку, достала из сумочки маленькое зеркало и всмотрелась в свое лицо.

Она изменилась, конечно. Не внешне – снаружи была все та же красивая девочка с пронзительно-синими глазами и

аккуратными точками веснушек на носу и щеках. Но внутри Эммы все больше и больше стала проявляться какая-то новая натура. Та самая, что безошибочно различала запахи, быстро реагировала на события и с удовольствием погружалась в бешеную езду по магистрали.

И Эмме нравились эти перемены. Конечно, нравились. Это было чем-то новым, необычным и интересным. С одной стороны, она утешала себя тем, что это наступила взрослость и все перемены с ней произошли именно потому.

Но интуиция, внутренний голос, который в последнее время стал звучать особенно сильно, с холодной уверенностью утверждал, что на самом деле это результат воздействия вируса, все еще живущего в организме Эммы. Это он вплел в ее чувства собственные представления о жизни, он добавлял в кровь дикую энергию, а в обоняние – удивительную тонкость. Вирус становился ее неотъемлемой частью, и временами Эмма слишком ясно понимала это.

4

Что в саду приготовлено на завтрак, стало ясно, едва за спиной закрылись самораздвижные двери. Овсяная каша, омлет, печенье с изюмом и бутерброды с творожком – это уже для старших детей. Здесь все еще изобилие еды, но надо будет сегодня поговорить с Мартином, обсудить экономию продуктов.

Мартин стал главным советчиком Эммы. Как ни странно, они очень хорошо понимали друг друга и почти всегда приходили к единому мнению. Вот и сейчас Мартин нашелся в комнате для самых младших – лично помогал с утренней кормежкой.

Эмма тут же забрала у одного из роботов мальчика Сеню, устроила его на руках, погладила по черненькой макушке, отчего тот притих на мгновение и удивленно открыл рот, и сунула ему бутылочку. Сеня принялся сосать с удвоенной энергией, смешно вытягивая губы и захлебываясь.

– Жадный какой, подожди, у тебя же никто ничего не отбирает. Вот глупый, – ласково проговорила Эмма и поудобнее устроилась в кресле.

Новорожденным требовалась особая забота, и поэтому сюда приходили помогать Катя и еще одна девочка по имени Лиза. Лизе вот-вот должно было исполниться пятнадцать, и она жила на другой стороне магистрали, если считать от каюты Эммы. Посещала другие классы и входила во вторую группу. Ее выпускной, как, впрочем, и у остальных ребят из ее группы, должен был быть чуть позже, после Праздника первоклассников, и Эмма продумывала, как бы его получше устроить.

Эту группу подростков, в которой было шестеро человек, Эмма знала довольно плохо, ей не приходилось с ними пересекаться. Лиза сама предложила помощь с новорожденными, и это было кстати. Сейчас она появилась первой, энер-

гично затопала ногами в коротком коридорчике, просунула голову в дверной проем и весело проговорила:

– Здравствуйте!

К Эмме она почему-то обращалась с подчеркнутым уважением и только на «вы». Звучало непривычно, но Эмма не поправляла. Все-таки надо было признать, что такое почтение оказалось приятным.

Лиза почему-то напоминала зайчика, так и хотелось обратиться к ней со словами: «Послушай, Зая». Эмма пару раз даже так и сказала. Уголки зеленых глаз у Лизы чуть приподнимались – эдакий миндалевидный разрез, носик был маленьким и немного остреньким, а верхняя губа слегка открывала крупные белые зубы. Прическа у Заи была самая новомодная – во второй группе многие девочки носили похожую. Короткое каре с длинными передними прядями, выкрашенными в контрастный цвет. У русоволосой Лизы передние пряди отливали красной рыжиной и подчеркивали прямые линии ее прически. Рыжие линии на светло-коричневом. В сочетании с зеленою глаз все это выглядело ярко и экзотично.

Эмма не любила вторую группу – дети там обучались преимущественно техническим наукам, туда попадали те, у кого тесты на интеллектуальный уровень показывали не самый высокий процент. Тамошние дети считались шумными, недисциплинированными и бестолковыми. Так, по крайней мере, думала Эмма.

Но Лизка оказалась толковой – это в том, что касалось новорожденных. Управляться с ними у нее выходило довольно ловко. Вот и сейчас девчонка скинула трикотажную курточку с капюшоном, сполоснула под краном руки и замурлыкала над капризничающими малышками. Она умела успокаивать сразу двух. Обеих устраивала на пеленальном столике, обеим давала бутылочки, гладила животики и рассказывала какую-то ерунду.

Вот теперь почти порядок. Утренняя кормежка, взвешивание, переодевание малышни. Потом походить с ними, поносить на ручках, попеть песенки – другими словами, пара часов живого общения – и все будут свободны.

Эмма взглянула на настенные часы и вздохнула. Катя, как всегда, опаздывала.

Но вот наконец появилась и она. Еще больше похудевшая, побледневшая, она быстро взглянула на Эмму и принялась мыть руки. Не поздоровалась, не улыбнулась. И уж конечно, не извинилась за опоздание. Впрочем, опаздывать для нее было нормой еще в школьное время, нечего удивляться.

Второго мальчика-близнеца кормил дон-12. У него тоже получалось вполне себе неплохо, он даже повторял без конца надоевшую уже песенку:

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана...*

Видимо, прижилась здесь эта считалочка.

Двенадцатый находился в другом конце детской спальни, поэтому его бормотание, слабо напоминавшее пение, не очень-то мешало.

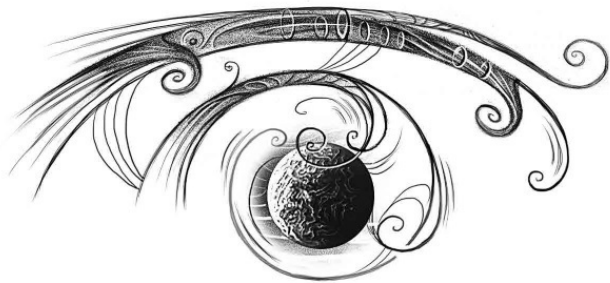
Зато Катя глянула в его сторону с каким-то нервным дерганьем, потом приблизилась к Эмме и тихо сказала:

– Я только что видела Илью.

Эмма нахмурилась, уточнила:

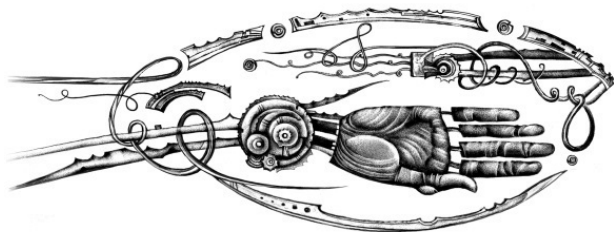
– Во сне, что ли?

– Нет. Здесь, в одном из коридоров. Это был Илья, я точно говорю. Ну хочешь, поклянусь? Хочешь, собственной жизнью поклянусь? Это не сон, это действительно был Илья, и он звал меня по имени.

Глава 3

Таис. Новая охота

1

В капитанской рубке центральное место занимал здоровенный овальный стол. Гладкая блестящая крышка его на самом деле была большим монитором, отвечающим за управление станцией, и вплотную примыкала к узкой блестящей стене, полной крохотных диодов, огоньков и различных крошечных кнопок. Белая узкая стена и была главным сервером, тем самым Моагом-Мартинном, искусственным интеллектом станции. Мартину подчинялись все роботы – и лоны, и до-

ны-12, и доны-15. А сам Мартин теперь подчинялся Федору Шереметьеву. В первую очередь ему.

Потом уже Таис, Эмме и Колючему – четверем штурманам, как они теперь себя называли.

– Вот это – сердце Мартина, – пояснил Федор.

Таис пробормотала тогда в ответ, что величина этого сердца вовсе не гарантирует глубоких чувств. Федька озадаченно кивнул, согласился, но тут же сказал, что от роботов чувства и не требуются, иначе отношения с ними будут слишком осложнены. От них нужно только послушание. И больше ничего.

– И еще чтобы ничего не глючило, – тут же добавил Колючий, и с ним нельзя было не согласиться.

На овальном столе находилось несколько мониторов, подключенных к компьютерам, через которые Федор получил доступ ко всем файлам станции и отправил послание Гильдии. Таис во всем этом разбиралась настолько плохо, что даже не пыталась соваться. Зато Федор просиживал за столом допоздна: читал, читал, читал. Разбирал какие-то программы, пытался добраться до управления производством.

– Ведь если это главный сервер, то все должно находиться в нем, – уверенно говорил он.

В это утро Таис встала поздно. Ей нравилось валяться на широкой кровати, раскинув ноги и руки, нравилась целая гора подушек и возможность тут же, не вставая, подключиться через планшет к большому монитору, висевшему напро-

тив. Обычно Таис включала музыку. Игры ее по-прежнему не интересовали, фильмы быстро нагоняли скуку, зато бодрые мелодии из прошлого настраивали на нужный ритм.

Колючий где-то откопал целый файл с записями старой-престарой группы под названием «Кино», и теперь Таис с утра и до вечера слушала бодрые, ровные ритмы.

От их с Федькой каюты до рубки было совсем недалеко. Через большой зал для отдыха, который по-прежнему грустно и торжественно пустовал, по коридору прямо. Выйти из жилого сектора – и тут же тебе двойные полупрозрачные двери, которые теперь не запираются вовсе, и Мартин широко распахивает их сам, едва к ним приблизится кто-то из ребят.

Таис, сунув в уши беспроводные наушники-капельки, прошлепала в рубку прямо в клетчатых пижамных штанах и смешных пушистых тапочках с заячьими мордочками. В одной руке – кружка с кофе, в другой – бутерброд с сыром. Навстречу ей попался лишь один двенадцатый и больше никого. Пустые коридоры Третьего уровня в эти утренние часы принадлежали только им с Федором, и это было здорово.

Белый моаговский сервер еле слышно гудел – совсем тихо, такое себе утробное урчание большого животного, замершего в сладкой дремоте и лишь время от времени дающего о себе знать. Федор спал прямо в кресле – разложил его, выдвинул под ноги мягкую подставку. Кисть правой руки свесилась почти до пола, волосы растрепались. Короткая серая

рубашка заметно помялась – на станции все еще не было новой одежды для взрослых, и Федька носил самые большие детские размеры, какие только удалось найти.

Таис поставила дымящуюся кружку прямо на потухшие мониторы Моага, откусила еще раз от бутерброда и, продолжая жевать, толкнула Федьку в плечо. Тот сонно двинулся, что-то промычал – лениво и расслабленно. Но потом резко поймал Таис за руку и притянул к себе. Миг – и совсем рядом оказалось заросшее редкой щетиной до боли знакомое и такое родное лицо.

– Как спала, мартышка? – ласково промурлыкал Федор.

Его руки были теплыми и сильными, а близость почему-то наполняла жаром грудь. Таис улыбнулась и спросила в ответ:

– Бутербродов хочешь? А кофе?

Спросила и поняла, что сейчас Федька думает вовсе не о бутербродах. Они вдвоем подошли к черте, за которой должны начаться какие-то другие отношения. Взрослые и ответственные. И Таис таких отношений почему-то боялась. Она вполне могла обниматься с Федором и прижиматься к его губам. Могла лежать рядом с ним, положив голову на плечо и вдыхая его запах. Могла чувствовать себя второй половиной Федора, единственным родным человеком – и это так и было.

Но что делать дальше – Таис представляла очень и очень смутно.

Зато отлично, видимо, знал Федька. Он неуверенно заво-

зился, почему-то смутился и спихнул Таис с себя.

– Давай, тащи кофе. И бутербродов мне побольше. Ночью сидел, наверное, часов до трех. Составил и отправил еще одно послание Гильдии, уже более жесткое. Не могу понять, почему они до сих пор молчат.

– Кто их знает. – Таис дернула плечом, преодолевая возникшую неловкость. – Может, они поменяли адрес, и все наши послания отправляются в пустоту?

– Тоже может быть. Но тогда почему не приходят крейсера? Ведь они перестали появляться тут как раз после отправки нашего послания.

– Не знаю. Понятия не имею. Сейчас будет еда.

Таис повернулась к монитору, провела по нему пальцем, включая плоскость овального стола, и тут же отдала распоряжение притащить завтрак в рубку.

Пусть роботы шевелятся, иначе какой смысл держать на станции такую кучу пятнадцатых? Им теперь вовсе делать нечего, большая часть глупо стоит, выстроившись в шеренгу, у входа в грузовые шлюзы. Таращатся перед собой, пялят круглые глаза, и становится жутко от одного вида такого количества роботов.

Устроившись на диване у Федьки за спиной, Таис заметила край тоненького, темно-синего планшета. Эта игрушка предназначалась для взрослых, такого цвета шукувины не водились на детском уровне. Его поверхность едва заметно поблескивала, отражая яркий верхний свет, но, едва Таис

дотронулась до планшета, зажглась слабым оранжевым светом, и на мониторе появилось меню какой-то игры.

– «Вояж», – прочитала Таис название и провела пальцем по пуску. – Это что? – повернулась она к Федору.

Тот подскочил, забрал планшет, выключил, швырнул куда-то за диван и уклончиво пояснил, что это так, просто игрушка, он хотел ее опробовать как-нибудь.

– Игрушка? Для взрослых? Ну-ка расскажи мне, чем это ты занимаешься по ночам! – Таис даже жевать перестала от удивления. – Во что ты играешь?

– В нас с тобой. Задал в программе героев, похожих на нас, и все. Путешествие по мирам, боевые приключения.

– Проблем не хватает, что ли?

Федор как-то криво усмехнулся, опустился рядом на диван и совершенно спокойно сказал:

– Да. Создал твой точный образ. И это сводит с ума, Тай. Ты знаешь... – Он замялся, посмотрел прямо и твердо и закончил фразу: – Я бы хотел, чтобы у нас были настоящие отношения. Не игрушечные. Ты понимаешь?

– Настоящий секс, что ли? С ума сошел? Это нереально. – Таис тут же подскочила, уперла руки в бока и добавила: – Это опасно. Это ненормально. Это вообще ненормально. Ты знаешь, как это происходит? Вообще какая-то ерунда. И еще... Еще от этого бывают дети. По-моему, на этой станции детей вполне хватает, и больше никаких новых не нужно.

– Ладно, не кричи. Я все понял. Я и так все понимаю. За-

будь, проехали. Где там наш завтрак? – И Федор, поднявшись, направился к двери, на ходу стягивая с себя рубашку.

В это время в комнату проник Пушистик и злобно зашипел. Короткий, с кисточкой, хвост его замотался в разные стороны, точно меховой веник.

– Пушистик голодный, кормить его надо, – напомнил Федор, обходя на всякий случай злую животинку.

– Знаю, – вздохнула Таис.

Уже давно было подмечено, что Пушистик добрел только после сладкого. Большое количество сладкой еды делало его спокойным, сытым и мурчащим. Потому Таис приспособилась стряпать для него сахарный сироп, добавлять туда много сливочного масла и шоколада. На такой приторной и адской смеси Пушистик толстел буквально на глазах.

Пришлось вернуться в каюту следом за Федором и, пока тот плескался в душе, готовить завтрак для Пушистика. Можно было, конечно, поручить это роботам, Таис иногда так и делала. Но сегодня ей почему-то стало вдруг грустно после разговора с Федькой, а лучшее средство от тоски – это чем-то занять себя. Чем-нибудь полезным и нужным.

Пушистик кинулся к своей миске так, словно неделю жратвы не видел. Зачавкал, уши на круглой башке смешно задвигались, загривок ошетинился.

– Будущее человечества, – усмехнулась Таис, глядя на него. – Лопать и получать удовольствие. Это все, что нужно.

– Ну да, – тут же согласился Федор, который уже выбрался

из душа и теперь стоял напротив, голый до пояса, и пытался расчесать мокрые волосы, – хлеба и зрелищ. Клич Древнего Рима.

– В Древнем Риме так говорили? – уточнила Таис.

– Чтобы чернь не поднимала восстаний, ей обеспечивали дешевую жратву и дешевые зрелища. Убийства животных и людей на арене, битвы гладиаторов. Мы это проходили по истории, ты должна помнить.

– Это было так давно, что даже страшно становится... – пробормотала в ответ Таис.

Федор не стал переспрашивать: что было давно? Уроки истории или Древний Рим? И так ясно, что и то и другое.

В этот самый момент на планшет Федора пришло срочное сообщение. Оно засвистело пронзительно и резко, после чего раздался напряженный голос Мартина:

– Штурманов в капитанскую рубку, срочно. Пришло важное сообщение. Штурманов в капитанскую рубку, срочно...

– Ответили, – буркнула Таис, подскочила и понеслась следом за Федором.

2

– Крейсер класса А, боевой, вмещающий в себя десяток боевых беспилотников. Он требует стыковки со станцией, Федор, – бесстрастно доложил Мартин.

– А сообщения? Они не оставили никаких сообщений?

– Ни одного. Они не выходят на связь, но их сигнальные огни требуют стыковки.

– А изображение его? Где увеличенное изображение? – заорал над ухом только что примчавшийся Колючий.

Таис поморщилась, слегка отодвинулась.

Мартин послушно выдал голограмму, на которой показал объект в большой и четкой проекции.

Таис в крейсерах не разбиралась, но все равно понимала, что эта штука боевая и опасная. Хотя, возможно, именно такие всегда прилетали на станцию, кто его знает. Наблюдать за крейсерами, забиравшими товар и привозившими продукты, не доводилось.

– Надо выйти с ними на связь. Чего они хотят? – решительно заявила Эмма.

– Они требуют стыковки. Ничего больше не объясняют. Это крейсер Гильдии, – уточнил Мартин. – Так они себя называли, такие у них опознавательные знаки. Через час рядом со станцией окажутся еще три боевых крейсера класса Ви, оснащенные тремя десятками беспилотников каждый. Это то, что я о них знаю.

– Значит, четыре крейсера. Зачем? – озадачилась Эмма.

– Это нападение, ребята. – Колька аж подпрыгнул, почесал макушку, обвел взглядом Федора, Таис и Эмму и еще раз повторил: – Это нападение. Клянусь своей башкой...

– Было бы чем клясться, – буркнула в ответ Таис.

От крейсеров не было никаких посланий – тишина эфира

поражала своей обреченной, строгой невозмутимостью. Ни тебе дружеского предложения сдаться, ни предупреждений: мол, если сейчас не впусите – откроем огонь.

Ничего. Тишина. Уверенность. Напор. Крейсера не сомневались, они приближались медленно, уверенно – на голограммной проекции, которую создал Мартин, они казались совершенными и прикольными игрушками и потому не наводили страха и ужаса. Но Таис знала, на что способна Гильдия. И наверняка крейсера были оснащены самым современным оружием.

– Мы можем дать отпор, Мартин? – резко спросил Федор.

– Мы можем какое-то время держать оборону, станция так и спроектирована. Нападения бывали и раньше, до появления вируса, – на крейсера нападали пираты. Силовое поле удержит, но на это уйдет слишком много энергии, это опустошит энергомодуль станции. Придется какое-то время сидеть в темноте и ждать подзарядки.

– Энергомодуль... – Эмма проговорила это задумчиво и рассеянно, потом спросила: – Как вырабатывается энергия на станции? За счет чего?

– Источником энергии является сама станция. Энергомодуль был установлен, когда завозили новых роботов. До этого у нас был свой генератор с ограниченной мощностью. Новый модуль позволил станции нарастить большие объемы производства, длительно заряжать роботов – одной зарядки хватает на семьсот двадцать часов.

– Мы ничего не учили про эти самые модули, – заметила Эмма. – Федь, ты что-нибудь знаешь об этом?

– Ничего, как и ты. Для меня это тоже откровение. Сейчас важно другое. Мы сможем выдержать удар, Мартин? Модуль выдаст нам достаточно энергии, чтобы держать силовое поле?

– Да. Энергии хватит, даже если все четыре крейсера ударят одновременно.

Крейсеры и ударили. Тонкими световыми лучами, целясь в одно место. Звонкий и мощный удар. Уж на что Таис была слаба в технике, но и она догадалась, что все это рассчитано на то, чтобы пробить силовую защиту. Длинные лучи выстроились в жуткие, ровные дороги, соединившиеся в одном месте. Они горели яростью и ненавистью. Тихой, молчаливой ненавистью.

Гильдия так и не ответила на послание. Вернее, ответила, но резко и однозначно. Смертоносным огнем.

Станция содрогнулась, но выдержала удар. Силовое поле служило верно.

– Видимо, они решили, что брать нас измором – слишком долго. Решили, что с нашим запасом продуктов мы неизвестно сколько продержимся, потому нас надо выкуривать, – тихо и твердо произнесла Эмма.

– Так и есть, – тут же согласился с ней Колючий. – Значит, теплого приема на Земле ждать не придется. Нас решили убрать. Добить.

– Потому что мы для них – звери. Отлично, так и должно быть. – Таис криво усмехнулась. – Мартин, а мы сами можем стрелять?

– Для этого надо делать брешь в силовом поле. Лучше всего выпустить боевой катер – он вылетит быстро, силовое поле мы тут же восстановим. Катер более маневренный и быстрый, и с него легко можно нанести удар.

– Вот и отлично. И сколько у тебя этих самых катеров? – уточнила Таис.

– Достаточно. Все они находятся на Нижнем уровне, в тех ангарах, где заперты животные. Это единственная проблема. У меня к ним нет доступа, – пояснил Мартин.

– Доберемся! – Таис повернулась к Эмме. – У тебя ведь есть звуки тревоги для фриков? Можно сделать проход?

– Ты собираешься... – медленно проговорила Эмма.

– Да, вот именно! Это я и собираюсь сделать. Надрать этим гадам задницу. Если справились с фриками – справимся и с этим. Федь, что скажешь?

– Смотря в каком состоянии сейчас эти самые катера, Тай. Но посмотреть на них надо. И хорошо бы прямо сейчас. Пойдем вдвоем, как обычно?

– Охота... – Таис криво усмехнулась кончиками губ.

– Я с вами, пацаны, – грубовато выдал Колька.

– Тогда и я, – вздохнула Эмма.

– Нет, ребята, – Федор обвел их глазами, – мы же разделились. Если с нами что-то случится, на станции должен

остаться кто-то, способный позаботиться о детях. Мы берем с собой только Егора. Вы с Колючим остаетесь в рубке и готовите нам путь. Эмма только обеспечит нас звуками и покажет, что с этим делать. Идет?

3

На ногах у нее все еще были тапочки. Торчали серые заячьи уши, таращились пластмассовые глаза. Это было милым, домашним и спокойным и никак не вязалось с тем, что Таис сейчас вот, в этих самых тапочках, стоит перед шкафом и выбирает себе лазерный меч помощнее, с более длинным лучом.

Снова придется спускаться на клятый Нижний уровень. А она уж думала, что ни разу в жизни не ступит туда и все это осталось в прошлом, как дурной жуткий сон.

Но, видать, в прошлом фрики не останутся никогда. Будут держаться зубами за жизнь Таис и остальных обитателей станции.

– Хорошо, что мы не стали взрывать Нижний уровень, – проговорил Федор, который стоял тут же и собирал небольшой кожаный рюкзак, – пачки с едой, коробка с медикаментами, бутылочка с жидким мылом.

– Почему хорошо? – не поняла Таис.

– Потому что тогда мы бы остались без катеров. А нам надо ответить на удар, чтобы Гильдия стала с нами считаться,

чтобы поняли, что мы – сила. Может, они считают нас слабыми и глупыми детьми, но мы им покажем, что это не так. Надеюсь, покажем.

– Хочешь битвы? – вдруг догадалась Таис.

– Хочу выбраться со станции. Хотя бы раз. Хочу почувствовать себя свободным.

– Ладно. Здесь только один вопрос. Вдруг катера уже непригодны к использованию?

– Посмотрим, – ответил Федор.

Да, они посмотрят. Просто посмотрят. После просто полетают.

В главной рубке их уже встречал Егор. Рядом с ним топтались два невысоких мальчика лет, может, тринадцати. Похожие друг на друга как две капли воды, с абсолютно одинаковыми светло-голубыми глазами, с одинаково оттопыренными ушами и круглыми носами.

– Это Гоша и Тоша. Они пойдут с нами. Они в технике разбираются будь здоров, – бодро пояснил Егор.

– Не пойдут, – отрезал Федор, – потому что малы еще. Сколько им, десять лет?

– Нам четырнадцать, – быстрой скороговоркой сказал один.

– Мы из второй группы, – тут же добавил второй.

– Мы просто невысокие, – еще раз добавил первый.

Одинаковые голоса прозвучали так бойко и слаженно, что вышла одна фраза на двоих. Таис подняла брови и тихо про-

говорила:

– Фига себе...

– Четырнадцать? И кто из вас Гоша, а кто Тоша?

– А какая разница? – в один голос удивились близнецы.

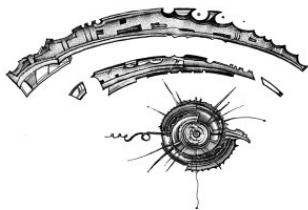
– Действительно, – усмехнулась Таис.

– Да без разницы, кто из них кто. Их даже лоны называли Гоша-Тоша. Они всегда вместе и в технике шарят – мама не горюй. Это они всегда чинят поломанных уборщиков и садовников. Их Мартин обычно просит. Главные механики Второго уровня. Я подумал, что, если вдруг на катерах будут какие-то неисправности, Гоша-Тоша помогут.

Федор хмуро оглядел пацанов, а те смешно и одновременно почесали – один переносицу, другой затылок.

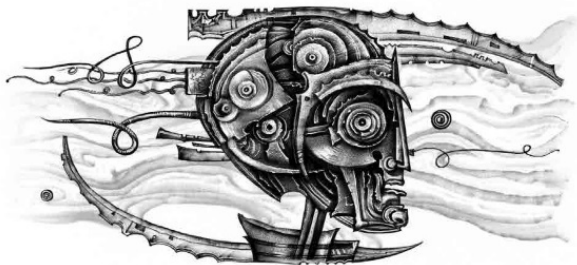
– Ладно. Если удастся освободить путь и не придется пробиваться через стаю, вы пойдете с нами. Но летать – нет. На катерах вы не полетите. Только я и, наверное, Егор.

– И я, – невозмутимо сказала Таис и поправила висящий на поясе меч.

Глава 4

Эмма. «Опасность» и «голод»

1

Катя подошла совсем близко, и тогда стало ясно, что ее светло-зеленые глаза просто сияют глупой и наивной надеждой.

– Это был Илья, я его сразу узнала. И голос его. Эмма, он живой, он выжил и теперь прячется где-то здесь, на станции.

– Зачем прятаться? Какой в этом смысл? Роботы не опасны, мы победили – он должен это видеть. Катя, тебе все прикидилось...

Сколько ночей Эмме снился погибающий Илья и капли

разлетающейся крови! Сколько раз она просыпалась от ужаса и давила внутри себя всхлипы, чтобы не пугать Соню и не беспокоить Колю!

Она своими глазами видела, как был застрелен Илья, и поэтому никак не могла принять Катиных иллюзий.

– Он не мог выжить. Тебе все показалось, это скорее всего сон. Не бери в голову. Лучше следи за временем и не опаздывай к малышам. Ты нужна тут, и нужна вовремя. Сама знаешь.

Катя обиженно скривилась, отошла от Эммы и медленно направилась к своему подопечному – второму малышу-близнецу. Больше она ничего не говорила, и это было правильно. Нечего поднимать глупые темы и сеять панику. Только призраков не хватало на станции.

В призраков Эмма не верила вовсе и уж тем более не боялась их. После фриков разве могут напугать глупые персонажи старинных сказок? Теперь Эмма не боялась придуманных фантазий. Но за Катей надо присматривать, а еще лучше – находить для нее множество заданий, чтобы не было времени погружаться в разные мечтания и предаваться тоске.

Работа сделала из обезьяны человека, и из Кати тоже может сделать вполне приличную личность. Поэтому – работать, работать и еще раз работать.

– Катя, кому-то надо пойти на прогулку со второй ясельной группой. Дети ведь тебя помнят, мы их растили весь прошлый год. Надо и в этом году каждый день с ними общать-

ся. Думаю, на будущее составим график, но сегодня надо бы тебе с ними пообщаться.

– То есть я должна с ними гулять? – переспросила Катя и тут же мотнула головой. – Это что, после обеда?

– Перед обедом выйдешь. Сейчас уложим малышню спать – и тогда пойдешь.

– А ты что будешь делать?

– С новорожденными посижу. Без дела не останусь, не переживай. Работы хватает.

И тут появился дон-12, которого называли Мартином. Он по-прежнему работал в яслях, по-прежнему отвечал за все малышное отделение и по-прежнему оставался тут главным. Да и кто из людей мог бы его заменить? Он помнил все про всех детей, все держал под контролем, и в его голову поступали все сведения от остальных роботов.

– Эмма, тебе надо срочно подняться в капитанскую рубку. Пришло важное сообщение, – медленно выдал он.

– От кого? – нахмурилась Эмма, но тут же спохватилась. Кивнула и поднялась, чтобы положить уснувшего малыша в кровать.

Это, видимо, пришел ответ от Гильдии! Все-таки пришел! Чудесно, просто чудесно...

Заверив Мартина, что будет наверху минут через пять – семь, Эмма кинулась к себе. Скорее всего, Гильдия выйдет на связь, и надо надеть форму с нашивками. Эмма – штурман на станции, и в Гильдии это должны понять сразу.

Тогда и отношение будет другое, пусть знают, что не просто подростки с ними связались, а вполне взрослые люди.

Стягивая на ходу футболку, Эмма обернулась к двери спальни все еще спящего Кольки (вот соня!):

– Вставай, срочно! Нам надо в капитанскую рубку, прямо сейчас! Дон, разбуди его, и пусть он умоется...

Форма, точно подходившая Эмме по размеру, села хорошо, и сразу же во всем теле появилась какая-то напряженность. Готовность действовать. Строгость и уверенность. Засияли золотые звезды на погончиках и шевронах, тусклым блеском вспыхнули круглые капли кнопок.

Собрав волосы в высокий хвост, Эмма торопливо стянула сережки и сунула строгие гвоздики. Никаких цапек – все строго и лаконично.

Колька с мокрым лицом уже стоял у двери. Все в той же клетчатой рубашке, в которой спал. Он торопливо приглаживал влажными руками волосы и сонно щурился.

– Что случилось? Пожар, что ли? Или фрики прорвались? Чтобы я вставал в такую рань?

Эмма хмыкнула. Ничего себе, рань! Уже почти одиннадцать часов...

– Ответили из Гильдии. Ясно?

– Угу. Вопросов больше нет. Поэтому ты так вырядилась? – Он добродушно усмехнулся.

– Ты бы тоже привел себя в порядок и к экранам не лез, если будет видеоконтакт. А то посмотрят на тебя и ужаснут-

ся...

– Разберемся. Ты идешь или будем туфли выбирать?

– Иду.

2

Первое, что увидела Эмма, оказавшись в рубке, – это мягкие тапочки Таис. А еще ее белую майку и клетчатые пижамные штаны. Растрепанные волосы свисают до лопаток, прямо на краю мониторов – большущая кружка с остывшим кофе. Какие там нашивки? Тайка даже волосы поленилась расчесать.

– Разговаривали с Гильдией? – с ходу бросила Эмма, поморщившись.

Таис только усмехнулась, а Федор показал голограмму, висевшую у экрана со стороны его кресла.

И тогда стало ясно, что видеоконтакта не будет. Вообще. Никакого.

Будет война. Потому что на голограмме обтекаемыми жуками блестели боевые современные крейсера, готовые к бою. Об этой готовности сообщали синие огни вдоль узких бортов.

Первые же выстрелы лазерных пушек заставили станцию вздрогнуть. Ее огромное, живое тело, наполненное детьми, содрогнулось, напряглось и отозвалось коротким миганием лампочек.

– Вот черт! – ругнулся Колька.

Эмма схватилась за спинку кресла, на котором сидел Федор, и почувствовала, как желудок подскочил к горлу. Это что же выходит? Они с таким трудом спаслись от фриков для того, чтобы их уничтожили крейсера Гильдии?

Между тем Федор уже пытался у Мартина, как они могут ответить на удар. Эмме такое и в голову не пришло почему-то. Какой ответный удар, как можно бороться с Гильдией?

Но эти двое – Федор и Таис – даже не сомневались. И глазом не моргнув, оба согласились вновь спуститься вниз, на Первый уровень, потому что там есть боевые катера. Пришлось согласиться помочь им, но Эмма с огромным облегчением вздохнула, когда Федор сказал, что лично ей не обязательно присутствовать внизу, она нужна детям. Она и Коля.

Это правильно, это действительно верное решение. Не обязательно всем рисковать жизнью. Кто-то должен остаться и отвечать за станцию в командной рубке.

Она наладит сигнал тревоги, это у нее должно получиться. И путь Федора и Таис будет безопасным. Она ведь это делала уже. А Федор и Тайка гораздо лучше знают Нижний уровень, уже бывали там. Так что это лучшее решение.

3

Теперь не было необходимости пробираться к памятным

жутким дверям через узкую трубу. Теперь туда вел широкий длинный коридор, в который Федька совсем недавно проделал проход. Роботы-уборщики славно потрудились в этих местах, а двенадцатые отремонтировали светильники. Просто решили, что станция должна выглядеть прилично даже на Нижнем уровне. Эмма так решила и отдала нужное распоряжение.

Потому двигаться в тихом и холодном коридоре было удобно и хорошо. Стены чистые – их недавно покрыли быстросохнущим серым пластиком, и теперь он поблескивал аккуратной новизной. Пол залили резиновым покрытием с коротким ворсом, которое обнаружилось в технических кладовых.

Лифты работали исправно, а три дона-15, сопровождавших подростков, придавали им уверенности. Эмма немного гордилась станцией. Они сумели привести ее в порядок, даже этот заброшенный уровень, хранящий за двойными дверями жуткую угрозу всему человечеству. Смертельную угрозу. С этой угрозой у них отлично получилось справиться.

Где-то вне станции крейсера все еще палили из своих орудий, пытаясь пробить защитную стену. Но силовое поле выдерживало удар. Пока выдерживало. Немного тусклее стали светить лампочки на всех уровнях, но это не беда. Главное, чтобы силовое поле не выключалось, а Мартин заверил, что несколько суток они продержатся без проблем. А может быть, и дольше. Потому что мощность нового энергомодуля

еще не изучена толком, и эта штука всегда работала без перебоев.

За спиной у Эммы топали близнецы, которых нашел Егор. Невысокие, худые и какие-то... растерянные, что ли. Они жили на противоположной от Эмминой каюты стороне Второго уровня и казались совсем еще детьми. Их учили на техников – обслуживать станцию и роботов.

Конечно, глядя на их бледные лица и большие одинаковые глаза (с ума сойти, две пары светлых глаз, совершенно идентичных, даже моргают в одно время!), никак не подумаешь, что мальчишки могут что-то починить, восстановить, да вообще способны на какие-то умные действия.

Идут оба медленно, шаркают ногами и даже шмыгают ногами (или это Эмме послышалось?) – таких лучше не брать на задание, пусть сидят в каютах и ковыряются в железках. Собирают экспериментальные модельки роботов, чертят схемы, крутят гайки.

Эмма не желала их брать. Накинулась на Федора, возмутилась, спросила, что они все будут делать, если в случае нападения Гоша и Тоша (ничего себе имечки...) растеряются, отстанут и подведут команду?

– Ты ведь собираешься включать сигнал тревоги? – ехидно прищурилась Таис. – Думаешь, не сработает?

– Должно сработать, но мы не можем знать наверняка. Мы вообще не можем полагаться на авось, надо все спланировать и продумать. Что мы будем делать в случае нападения,

например?

– Драпать, что еще? – хмыкнул Егор. – В этом случае выигрывает тот, кто умеет быстро бегать. Поэтому берем с собой магнитные доски. Укатим от предков – только нас и видели...

– А Гоша и Тоша умеют ездить на магнитных досках? – уточнила Эмма.

– Ну, вот ты сейчас их обидела, конечно... – Тайка ухмыльнулась и глянула на насупившихся горе-механиков.

Те одновременно пожали плечами и в один голос выдали:

– А кто тут не умеет ездить на досках? Все умеют. Это просто. Наши доски развивают самую большую скорость – мы увеличили мощность магнитного двигателя. Нас не догонят.

– О, слышала? – Таис повернулась к Эмме.

– Спокойно, – прервал всех Федор. – Будем действовать по обстоятельствам. Если путь будет открыт и свободен, пойдем с Гошей и Тошей. После поможем им выбраться. Если катера работают, нам надо будет продумать безопасный маршрут прохода в те ангары, чтобы фрики оставались запертыми, а мы могли бы в любой момент попасть к катерам. Если же запустить катера не удастся, тогда... Тогда все отпадает. Понимаете?

– Запустим, – невозмутимо сказал один из близнецов и почесал макушку.

И вот теперь эти двое топают следом за Эммой, Егором,

Федором и Таис. Колючий остался в капитанской рубке, но зато в наушниках у Эммы – да и у остальных тоже – бодро звучал его голос и голос Мартина. Умный интеллект станции оставался на связи. Все-таки это немного утешало и придавало бодрости. Не совсем одни они на орбите, с ними хотя бы этот искусственный разум...

На прошлой охоте, когда Таис выручала Федора, у Эммы точно так же в ушах торчали наушники, а в руках был теплый тонкий планшет с нужными файлами. Только тогда все было более зыбким и неясным, тогда они еще сами толком не верили, что получится спастись, что все останутся живы, не заболеют и не умрут.

Не были уверены, что не вылезет из их внутренней сущности звериное естество, не подомнет под себя привычки, эмоции, мысли – все то, что было в них человеческим. Тогда перед ними стояла одна самая главная задача – остаться людьми.

А сейчас что? Выходит, что люди не принимают их и желают уничтожить, потому что привыкли считать зверями? Тогда почему станция каждый год производила и производила новых детей? В чем тут дело?

Федор остановил производство младенцев. В кувезах созревает последнее поколение – и все. Пока все. Потому что какой смысл производить на свет малышню, когда нет ни безопасности, ни определенности?

Мартин согласился на это с большой неохотой: мол, его

задача «производить и растить детей», это приоритет, это самое главное. Как же он будет без новых малышей?

Пришлось заверить, что это временная мера, что новые дети все равно скоро родятся – раньше, чем через полгода, это будет замена во Вторую группу. Поэтому Мартину будет чем заняться, и «зависать» по этому поводу совершенно незачем.

Наконец появились уже знакомые двери с совершенно новым замковым разъемом и стеной, покрытой новым блестящим пластиком. Никаких следов недавней битвы – все приведено в порядок.

Замок закрыли цифровым ключом, его составил сам Федор, и открыть его с помощью простенькой программки взлома было невозможно.

– Теперь твой черед, Эмма. Включай планшет, – распорядился Федор.

Эмма нажала на заранее приготовленный файл, заверила, что все заработало, и поежилась. Так называемый звук тревоги, который еле слышной нотой повис в воздухе, был настолько неприятным, резким и пугающим, что по позвоночнику, снизу и до самого основания черепа, пошли мурашки и показалось, что встают дыбом волосы. Никто, кроме Эммы, этих звуков не слышал – не мог слышать. Потому все остались невозмутимыми, Таис зевнула, один из близнецов с умным видом присел у замка. Егор наклонился и поправил липучки на кроссовках.

Только Эмма, одна из всех, дергалась и пыталась унять нарастающий внутри ужас. «Бежать, бежать, бежать отсюда как можно быстрее. И нечего медлить!» – вот что звучало у нее в голове. Навязчиво, резко, пугающе.

Просто взрывало мозги и выворачивало душу. Прошлый раз такого не было, прошлый раз она всего лишь почувствовала легкий дискомфорт, но сейчас будто бы вошла в шкуру фрика. Можно даже не сомневаться: животные и близко не подойдут туда, откуда издаются такие звуки.

Язык фриков был очень сильно окрашен эмоциональными оттенками. Простыми оттенками, каждый можно было обозначить одним понятным словом. Страх. Опасность. Ярость. Голод. Общий зов. Они не были сложными. Но если раздавался клич «Опасность» – вот как сейчас, – то хотелось бежать без оглядки.

А если включить «Голод»...

Лучше этого не делать, иначе Эмма не поручилась бы за себя. Этот зов буквально со дна души поднимал всю первобытную силу ярости и какую-то зияющую бездну. Казалось, что внутри – огромная черная яма, засасывающая в себя без остатка все, что двигалось. И надо во что бы то ни стало заполнить эту яму. Едой. Сочной, калорийной, теплой... кровавой...

Эмма всего лишь однажды включала клич «Голод» и чуть с ума не сошла. Столько ярости, столько пустоты, столько кровожадности вдруг появилось внутри, что потом при-

шлось долго смотреть в зеркало и убеждать себя, что она не фрик, что у нее вполне человеческое лицо, руки, пальцы. И вполне человеческие мысли.

А потом она принялась есть и есть, несмотря на то что стояла глубокая ночь. Эмма тогда съела пять больших бутербродов с ветчиной и сыром, коробку шоколадных конфет и выпила кружек пять сока.

После этого она не решалась больше экспериментировать и не включала голосовые файлы профессора.

Язык фриков стал для нее слишком понятным и слишком родным. Сейчас, пока вибрировали в пространстве напряженные звуки, предупреждающие об опасности, Эмма слишком сильно чувствовала свое родство с предками, теми самыми, что находились за темными дверными створками. Она отлично понимала, что животных под дверьми сейчас нет, путь свободен. Твари отступили вглубь и пытаются укрыться по углам, как можно дальше от жутких звуков. Сама бы она сделала точно так же, если бы была фриком...

Эмма невесело усмехнулась и, кивнув, сказала:

– Порядок. Путь свободен. Можете проходить. У вас на планшетах точно такие же файлы – включайте их, как будете углубляться в коридоры. Ищите теперь катера – где-то они должны все же быть.

Эмме никто ничего не ответил. Серьезный до складки на лбу Федор быстро ввел шифр, и створки дверей дрогнули. Коротко зашипели и медленно, тяжело поползли в стороны.

Будто нехотя, будто им самим было стыдно и страшно за тех обитателей, что приходилось скрывать за собой.

– Я-то думал, что уж и вовсе не откроем эти двери никогда... – совсем тихо пробормотал Егор.

Таис вздрогнула, побледнела и попятилась. Эмма сразу же почувствовала страх, ненависть и напряжение, клубившиеся у Тайки внутри. Да, есть что вспомнить при виде этих дверей. Воспоминания хуже ужасного сна, хуже самых жутких страшилок. Воспоминания – это часть прошлой жизни, это то, что было, что случилось. За этими дверями Эмма заболела, именно за ними чуть не превратилась во фрика. И сейчас, до сих пор, чувствует, как медленно, но неотвратимо охватывают ее странные изменения.

Что бы сказала Таис, если бы знала все это? Приказала бы запретить Эмму и наблюдать?

– Пошли. Эмма, мы чуток отойдем, и я сам закрою за нами двери. Так что ты можешь уже возвращаться, – распорядился Федор.

Пол под ногами странно дернулся, лампочки вверху опять еле слышно мигнули. Значит, станцию до сих пор обстреливают с крейсеров. Значит, Таис и Федору все же надо идти.

Гоша и Тоша держались бодро, да и Егор не боялся. Они прошли в проем следом за Федором и Таис, и узкие фонарики у них в руках рассеяли мрак, выхватывая серые стены и ряды длинных труб. За ними последовали пятнадцатые.

Вот и все. Они еще раз сделали это – зашли в запертые ан-

гары Нижнего уровня. Путь действительно безопасен, связь есть, и все должно закончиться благополучно. Только откуда такие скверные предчувствия?

То ли от дурацкого фрикового сигнала, то ли еще отчего, но навязчивые чувства просто буравили мозг. Отмахнуться от них не удавалось.

Федор и Таис не вернутся на станцию. Они не выйдут из дверей Нижнего уровня – Эмма могла поклясться в этом. Она просто знала, что так будет; смотрела на удаляющиеся фигуры – и внутренняя уверенность росла и крепла. Федор и Таис уходят навсегда, и обреченность их затихающих шагов буквально отражалась от узких стен коридора. Почудился вдруг тихий, еле уловимый вой – прощальная песнь расставания. Эмма тряхнула головой, пытаясь скинуть наваждение.

Бред какой-то, такого просто не бывает. Эмма не предсказатель и не экстрасенс, она не может предвидеть будущее, а глупые мысли, вызванные звуками с планшета, лучше просто отбросить.

Эмма дождалась момента, когда Федор врубит у себя сигнал «Опасность», и с наслаждением выключила файлы. И тут же с коротким шипением поползли обратно створки дверей.

Вот теперь дело точно сделано, и можно возвращаться наверх. А главное – можно выбросить из головы мерзкие предчувствия.

Теплота и чистота Верхнего уровня окончательно заглушили наваждение. В широком коридоре к Эмме вернулось ощущение безопасности. Она дома, здесь хорошо, здесь о ней позаботятся роботы. И Мартин на их стороне. Мартин-Моаг.

«Станция выдержит удар» – так сказал Мартин. Надо просто взять и проверить энергомодуль, но, как Эмма поняла, мощность у этой штуки настолько приличная, что можно не волноваться.

Она почти добралась до коридора, ведущего к корабельной рубке, когда из-за поворота, от грузовых лифтов, вынырнул парень. Высокий, светловолосый. В длинных шортах и белой футболке. Он шагал широко и размахивал руками.

Эмма остановилась, как вкопанная. Нахмурилась, после тихо выдохнула:

– Илья...

Так и есть, его лицо, глаза, волосы. Даже манера махать руками и слегка покачиваться при ходьбе. Илья собственной персоной, живой и невредимый. Целехонький, здоровехонький. Идет себе как ни в чем не бывало.

Эмма опомнилась и позвала:

– Илья, это ты, что ли?

Парень заметил ее, резко повернулся и бросился бежать –

загремел кроссовками по полу. Эмма опомниться не успела, как Илья скрылся в проходе, ведущем на другую половину уровня.

Эмма кинулась за ним.

Не может быть двух одинаковых галлюцинаций у разных людей. Просто не может быть.

Значит, это действительно Илья? Выжил? Роботы выходили его? Тогда почему Мартин ничего об этом не сказал? Почему Илья убегает?

Надо догнать его во что бы то ни стало!

Она завернула в широкий проход и увидела, как Илья, выбежав в просторный грузовой зал перед самыми дверьми цеха, скрылся за поворотом.

Отлично. Это тупик, двери цеха закрыты, и деваться в том зале некуда. Сейчас Эмма все и узнает.

Сердце колотилось как бешеное. Эмма в несколько прыжков преодолела расстояние, даже не успев удивиться собственной прыгучести. Вылетела в зал и затормозила. Ей не надо было оглядываться, она и так знала, что в зале Ильи нет. Им совсем не пахло.

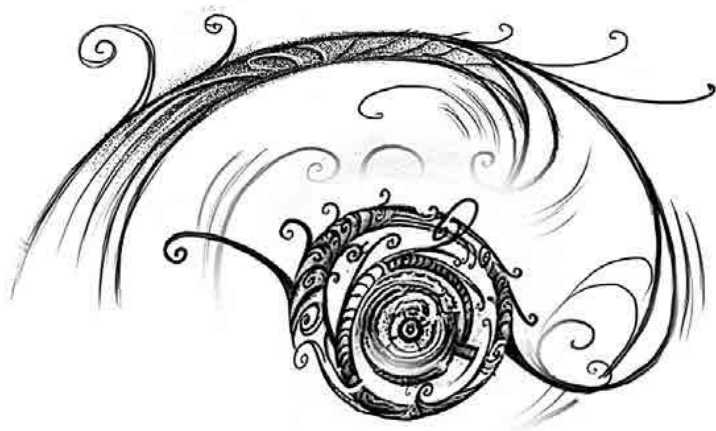
Конечно, Эмма не могла помнить запах Ильи – в те времена, когда они дружили, вирус в ней еще не успел активироваться и подарить новые способности.

Но в зале вообще не пахло людьми. Никакими людьми. Ни одного человека в этом зале не было с... Да, наверное, дня три уже не было. Тихо, чисто, спокойно. Даже пятнадцатых

нет – стоят за тем поворотом, который Эмма миновала, в небольшом отсеке со скафандрами.

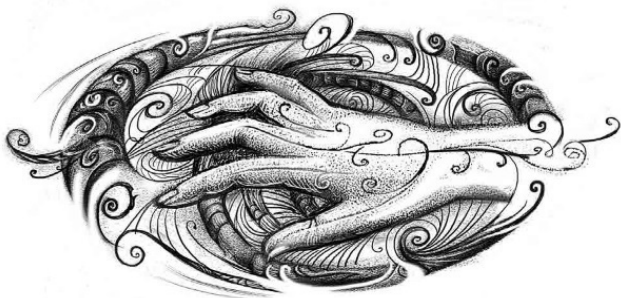
Перед глазами Эммы возвышались только белые двери цеха. В них отражалась запыхавшаяся высокая девушка с рыжими волосами. За дверьми – ни звука. Тишина такая, будто там, за ними, глубокий космос без грамма жизни.

Эти двери тоже таили в себе тайну. Точно так же, как и двери на Нижнем уровне. И Эмма не собиралась их открывать. Хватит с нее таинственных дверей...

Глава 5

Таис. Ангары и катера

1

Серые и высокие двери теперь не пугали. Стены в безликом новом пластике – от потеков и грязи не осталось и следа. Квадратный закуток коридора перед дверями сиял круглыми бляшками лампочек дневного света.

Теперь это были просто обычные двери, и Таис успела соскучиться, ожидая, пока Эмма, ставшая вдруг медленной и задумчивой, отыщет на планшете нужные файлы.

Твари разбегутся, как только заработает сигнал тревоги. Это наверняка, так было и в прошлый раз, когда Таис верну-

лась за Федором. Так будет и сейчас. Бояться нечего, теперь они имеют власть над фриками. Теперь они управляют своими предками, а значит, и своим прошлым.

Таис даже улыbnулась уголками губ, подумав о том, что дети подчинили себе собственных родителей. Что-то во всем этом есть такое... Не скажешь, что смешное – но странное. Да, странно-смешное...

Побледневшая Эмма, видимо, все-таки не до конца освободилась от страхов, потому что вдруг нахмурилась, а голубизна ее глаз стала темной и резкой. Темно-синей, глубокой, жесткой. Она так глянула на Таис, словно готовилась к прыжку. Или к удару. Видимо, древние страхи до сих пор владели Эммой, и двери ее пугали.

Едва раздалось тихое шипение, Таис вздрогнула. Станный взгляд Эммы разогнал все шутивное настроение. Да и Федор нахмурился. Дотронулся до ладони Таис, словно стараясь удержать ее рядом с собой, оглянулся на близнецов. Один Егор, казалось, ничуть не поддался панике. Вздыхнул с облегчением и пробормотал:

– Я уж думал, уснем тут, пока Федька возится...

Таис не стала ничего говорить, хотя в голове вертелись мысли о том, что теперь эта часть станции стала общей судьбой и так просто от нее, видать, не отделаться. А с другой стороны – чего паниковать?

Сейчас самое главное – это найти катера. Фриков они теперь не боятся, заболеть тоже не боятся...

Фонарик в руке послушно выплюнул длинный луч света, и серый, неприглядный сплав стен выступил из темноты суровой действительностью. В этих местах ремонт не делали, потому под ногами все еще виднелись следы крови. Это кровь Федора и Таис. Следы прошлой битвы.

Это был все тот же коридор, все те же запахи, та же тишина и та же тьма. Таис поежилась, схватилась за Федора, и в этот момент за спиной вспыхнули мощные светильники пятнадцатых, прогоняя тьму и выворачивая наизнанку внутренности коридора.

Теперь можно было хорошо разглядеть и длинные витые кабели на потолке, и широкие грязные трубы, изготовленные из особого сплава, притягивающего мельчайшие частицы пыли, и потому казавшиеся закопченными. Этот сплав считался самым прочным, и на станциях использовали только его. Но на Втором и Третьем уровнях сплав покрывали специальным пластиком, нейтрализующим притяжение. А здесь трубы пролегли голыми, грязными хребтами, обнажая бедную свою сущность и нагоняя тоску. Пахло зверьем, железом и кровью. Или это только казалось?

Двери за спиной начали медленно закрываться, как вдруг что-то коснулось ноги Таис – легко, тихо и мягко. И тут же кто-то вцепился в штаны и завыл тоненьким голоском. Пятнадцатые быстро среагировали, поднимая руки с пистолетами, – и повезло, что Таис умудрилась вовремя крикнуть:

– Не стрелять!

Это был Пушистик. Его голос Таис могла бы различить среди множества других звуков. Как он не побоялся, ведь здесь для него работает сигнал опасности! Эмма заверила, что путь свободен и что звуки действуют. Или не действуют?

– Что он тут делает? – хмыкнул Егор.

Таис подхватила Пушистика на руки и поняла, что тот дрожит всем телом. Уши прижаты, пушистый короткий хвост завернулся между задними ногами, шерсть дыбом. И весь он сжался, сморщился...

Значит, он почуял звуки опасности даже наверху и примчался сюда, ища защиту у Таис? Поди разбери эту зверюгу...

– Мы не можем из-за него задерживаться, – резко сказал Федор.

Двери успели закрыться. Не возвращаться же теперь...

– Ну, пусть побудет с нами, ладно? Куда ж его девать?

– Пусть побудет, только следи за ним, чтобы не потерялся. Он сейчас совсем невменяемый. Зато мы видим, что сигналы с планшета работают, по Пушистику это хорошо заметно.

– Куда поворачиваем? – спросил Егор, останавливаясь у развилки.

– Без разницы. Тут все коридоры ведут к ангарам. Это ангарный отсек, забыли? Базы находятся на другой части Нижнего уровня, там, где мы когда-то жили, – напомнил Федор. – Давайте теперь направо, что ли. Проверим.

И он с силой мазнул по стене широким черным марке-

ром, отмечая поворот, в который они свернули. Коридорчик оказался неожиданно коротким и вывел в широкий длинный проход к ангару с полукруглым сводом и сияющей парой лампочек. Надо же, что-то осталось целым в этих местах!

Здесь и находились двери ангаров – запертые, молчаливые и странные.

Таис поежилась – здесь было слишком прохладно. Прижала к себе покрепче Пушистика.

– Тут что-то накорябано, прямо на стене, – тихо проговорил Егор.

Видимо, его тоже впечатлила тишина и заброшенность здешних коридоров.

– Тут написано кровью, – мрачно проговорил один из близнецов.

– А рядом кости погибшего человека. Только ног нет, – тут же добавил второй. Эти двое всегда, видимо, говорили вместе. Поодиночке у них общаться не очень выходило.

– Ноги сожрали фрики, – добавил первый.

– Да, точно, скелет. Небось кто-то из спецназа.

– Ну, что вы вытаращились? Костей не видали, что ли? – поморщилась Таис и с трудом оторвала от себя когти зверька, намертво вцепившегося в ее одежду. – Тоша с Гошей, если вы такие умные, открыли бы лучше двери ангаров. Можете?

– Чего там... – буркнули оба и тут же опустились на корточки у замковых разъемов.

Здесь замок требовал отпечатков пальцев – видимо, ангары могли открывать только командующие.

Братья сняли панель, повозились с крошечной платой; в руках одного из близнецов появилась миниатюрная точечная отвертка, которой он умело орудовал. Несколько секунд – и на плате вспыхнули красные диодики, а двери ангара нехотя вздрогнули и медленно потянулись в стороны.

Впереди тут же вспыхнул свет, показались кабинки операторов, закрепленные почти под потолком. Перед выходом в шлюз стояли два катера – небольшие летательные устройства, вмещающие по одному пилоту. Тонкие, узкие крылья, обтекаемая форма, серая блестящая обшивка.

Один из близнецов занялся катером, нажал на какие-то точки – и открылся блестящий металлический люк, за которым светлым пятном белело кресло пилота.

Второй полез в операторские кабинки – с проворством обезьянки забрался по шаткой металлической лесенке, легко справился с замками, открыл дверь и словно растворился в полосе загоревшегося света.

– Катер на ходу. Даже топлива полно в баке. Его, видимо, приготовили к отлету: здесь все программы выставлены, – доложил мальчишка. Он проворно вскарабкался по боковым круглым соплам и с уверенностью бывалого вояки погрузился в брюхо катера.

Егор последовал за ним и тут же принялся тыкать пальцами в различные приборы и спрашивать, что тут для чего.

Близнец охотно объяснял. Без брата он выглядел обычным мальчиком, а не странной двойной копией.

– Здесь все на автоматике, голосовое управление. Надо только уметь пользоваться и включать, – пояснял он. – Вот тут лазерные пушки. Стреляй себе и стреляй.

– А если он не полетит? Если упадет? – уточнила Таис.

– Куда упадет? – удивился близнец.

– В космос, – уверенно ответила Тайка.

Федор поморщился, Егор заулыбался и выразительно постучал себя по макушке.

– Мы тебя тогда достанем, – ухмыльнулся близнец. – Этот катер рабочий, давайте теперь второй посмотрим. А всего нам надо четыре катера.

– Вы не полетите, – невозмутимо заверил их Федор.

– Это как это?

– Вы малые еще. Я обещал вас вернуть.

– Ерунда, я лишь на полгода младше Егора. Это просто рост невысокий, видимо, в нашем роду все низкорослые были.

– В каком роду? С ума сбрендил, что ли? – И Егор еще раз стукнул себя по макушке: мол, головы у вас, ребята, пустые...

– Неважно. Мы вам будем нужны, потому что никто из вас не умеет управлять этими штуками. Гошка, скорее всего, останется в диспетчерской – ему надо будет открывать для вас шлюз. А я полечу с вами, буду подсказывать, как управ-

лять катером. Без меня вы и пары выстрелов не сделаете, ребята. Вернее, без нас. Понятно говорю?

Близнец повернулся, зыркнул светлыми глазами и на мгновение вдруг показался совсем взрослым. Ушла робость и нерешительность, сжатые тонкие губы скривились в скептической гримасе, брови полезли вверх, под светлую рваную челку.

– Ладно, положим, что так, – более спокойно ответил ему Федор. – Ты уверен, что знаешь, как управлять машиной?

– Я знаю эту систему в целом. На таких катерах я не летал, но мы с братком раздобыли хорошую игру-симулятор для обучения полетам на катерах. Немного на других катерах, ремонтных и грузовых. Эти, – он слегка хлопнул по серебристому боку машины, – боевые, у них дополнительные настройки к программам. Хотя и они – старье древнее. У крейсеров беспилотники, слышали? Будем сражаться против роботов. Их потери будут не так страшны, как наши.

Слово «потери» неприятно резануло слух. Почему-то о том, что кто-то может погибнуть, Таис не подумала. Ей по-прежнему казалось, что самая главная опасность – фрики – уже позади.

Опять чертовы роботы! Опять надо их опасаться!

– А как твое нормальное имя? – уточнил Федор. – Как мы будем к тебе обращаться?

– Антон я. Тошка. У нас с братом всегда так – я делаю, он прикрывает. Вот и сейчас он здесь останется, прикроет нас,

если что. Хотя стрелять со станции не сможет – силовое поле. Но хотя бы вовремя откроет и закроет шлюз. И прореху в силовом поле создаст тоже он.

– Откуда он все это умеет? – недоверчиво спросила Таис.

– Так учили нас. А меня и Гошку готовили в главные техники, как самых способных. У нас и доступ был ко всей технической информации.

– Хорошо. Значит, нам надо четыре катера. Один есть, давай второй глянем и поищем в других ангарах, – распорядился Федор.

Второй катер тоже оказался исправным. Тонкие умелые пальцы Антона проворно настроили систему управления, он быстро и понятно пояснил, как завести машину, как управлять, что делать.

– Здесь у каждого катера свой искусственный мини-интеллект. Не такой развитый, как Моаг, но все равно умный. Он сам подскажет, главное – это вовремя распоряжаться и не бояться. Например, если вы делаете маневр – вы просто его называете, и все. То есть надо вам развернуться и набрать высоту – вот эта позиция. «Тя-тинь» называется, по-китайски «птица». Надо просто просмотреть и запомнить все конфигурации...

– Всего-навсего. А их тут несколько десятков. Думаешь, запомним? – усмехнулась Таис и слегка хлопнула Пушистика по напряженной шее. – Да успокойся ты, никто тебя не слопают. Слопаешь таких, как вы...

Зверек жалобно заворчал, но вскоре в его рыке послышались угрожающие нотки.

– Только не делай из себя грозного зверя, а то кинем прямо к родичам, и никто уже не даст шоколада, это точно, – пообещала ему Таис, но сама еще крепче прижала к себе непокорного питомца. Почему-то жалко стало его ужасно. Кому он будет нужен здесь, в темноте и холоде? Родители наверняка и думать забыли о своем детеныше...

– Тогда ручное управление, – тут же пояснил приблизившийся второй близнец. – Диспетчерская в порядке, компьютеры работают. Запускать постараемся отсюда, если только шлюзы не барахлят.

– С ручным управлением у них будет плохо, особенно у девчонки, – уверенно пояснил Антон, поднялся, отряхнул руки, лег на пол и заехал под пузатое брюхо катера.

Таис открыла было рот, чтобы сказать что-нибудь колкое и умное, но быстро передумала. Она действительно не очень хорошо разбиралась в управлении катером. А если быть точной – то очень нехорошо.

– Два катера у нас есть. Осталось найти еще два, – заметил Егор и оглянулся, как будто в этом ангаре могла притаиться еще одна машина и надо только ее разыскать.

– Еще три катера есть в соседнем, – невозмутимо доложил Гошка. – Я его уже открыл. Диспетчерская здесь соединяется с диспетчерской соседнего ангара. Только надо бы глянуть те катера. Свет в соседнем ангаре не включается – нарушена

проводка, видимо. И приборы не реагируют. Запускать вас все равно придется из здешнего шлюза.

– Пойдем посмотрим, что там, – распорядился Федор и направился к двери.

2

Таис спустила с рук нервную зверюгу, тот сразу оцетинился, раскрыл пасть, выдал ряд жалобных звуков. Розовый язычок его дрожал, глаза щурились, и вся мордаха выражала крайнее беспокойство. Он тут же засеменял за хозяйкой, торопясь и непрерывно дергая хвостом.

Таис, тихонько ступая, вышла в коридор следом за Федором и Егором. Ей не нравились эти ангары – они навевали смутную тоску и тревогу. А сходящий с ума от беспокойства Пушистик нервировал и раздражал. Слишком заброшенно и тихо было в здешних стенах, слишком о многом молчала красноречивая надпись на стене.

«Они здесь...» Написано так, будто «они» действительно до сих пор здесь. Совсем рядом – рукой подать. Прошлое не отступало – это Таис поняла, едва зашла в соседнее помещение. Яркие фонари пятнадцатых тут же выхватили из темноты останки человеческих тел, разбросанные по ангару. Со ступенек, ведущих в диспетчерскую, свисал почти целый скелет – только кости рук рассыпались.

Разыгравшаяся когда-то здесь битва навсегда останется

тайной – вряд ли сохранились хоть какие-то записи о происшедшем. Почему погибли эти люди?

– Не выгорит дело, – разочарованно протянул Егор и пнул ногой край одного из катеров. – Разворотили их хорошенько. В этом вон разбили все приборы управления. Это для чего, чтобы никто не улетел, что ли?

– Они дрались за катера, это наверняка, – сказал Федор, обходя одну из машин. – На полу следы выстрелов, на обшивке тоже. Наверное, все они были на грани перерождения – злые и неадекватные. Вирус уже поразил их нервную систему, потому они просто поубивали друг друга. А заодно и катера разворотили.

– Вполне вероятно, – мрачно согласилась Таис, переступая через скалящийся череп. – Тогда мы не найдем тут нужный транспорт. Пошли искать дальше. Вдруг повезет. – Последнюю фразу она произнесла с горькой иронией.

– Пошли дальше.

Добрались до следующей двери, за которой нашли целый ряд катеров – наверное, штуки четыре или пять. Посчитать их Таис не смогла – свет в этом ангаре тоже не работал. Почему – выяснять не стали. Близнецы сразу занялись машинами, Федор и Егор вникали в суть дела. Тихонько скулил зверек, и давила тишина, плотной холодной стеной стоявшая в коридоре.

Наконец Федор распорядился:

– Заводим. Я устроюсь в этом, а Антон попробует второй.

У них есть функция медленного перемещения, значит, на ней и попробуем двигаться. Сначала в ангаре, после в коридоре. Попробуем вывести их в рабочий ангар. Поехали.

И он нырнул в люк. Зашипела, закрываясь, прозрачная крышка, замигали крохотные диоды по бокам. Тихо и низко заворчали моторы. Даже не заворчали – зашипели, выдавая из нутра теплый воздух. Катер, в котором оказался Федор, вздрогнул, поднялся, качнулся. Накренился и застыл, словно озадачился: что же ему делать дальше?

И в этот момент Таис вдруг поняла, что управлять катерами они не могут. На самом деле не могут. Сколько бы ни уверяли Тоша и Гоша, что это плевое дело, что автоматика сама все сделает. Вон Федька завис посередине ангара, а если он так будет висеть в бою, то его снимут в мгновение ока. Вжик – и один пепел останется.

Надо возвращаться наверх, и нечего строить из себя вид могучих бойцов. Сражаться с беспилотниками – это вам не лучевыми мечами махать, нападая на зверей. И не на магнитных досках носиться. И не еду из кладовки воровать.

Чтобы сражаться с высоким искусственным интеллектом, надо иметь мозги. Причем хорошие мозги. А вот с этим как раз и проблемно...

Федор же, видимо, начал осваиваться в машине. Катер еще чуток поднялся и плавно поплыл к выходу. Тихо и бесшумно. Достиг проема и перелетел в коридор – аккуратно так и медленно, стараясь не задеть двери и стены. Он с тру-

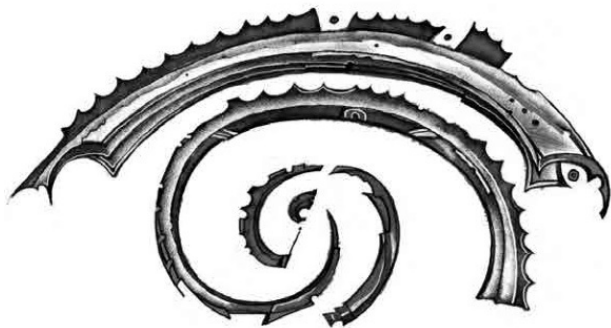
дом помещался в коридоре, но, видимо, все тут было сделано специально для этих катеров. Машина проплыла до открытых дверей работающего ангара, преодолела проем и остановилась. Таис следовала за ней, наблюдая и скептически хмурия брови.

– Работает! – заорал Федор, открывая кабину.

Пушистик вздрогнул и разразился пронзительным скулежом.

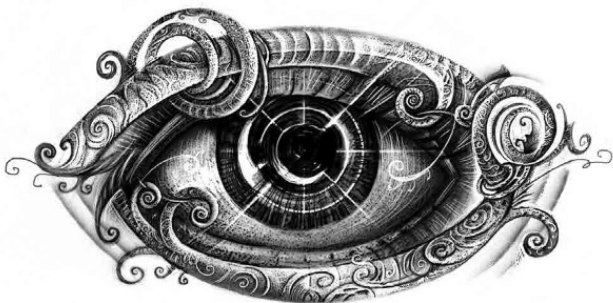
Таис машинально погладила его по холке, после подхватила на руки и решительно направилась к пустующему катеру.

– Я тоже хочу освоить машину. На что тут надо нажимать?

Глава 6

Эмма. Ответственности становится больше

1

Все в порядке? – спросил Коля, едва Эмма добралась до капитанской рубки.

– Штурман на мостике, – привычно приветствовал ее Мартин ровным голосом. – Как все прошло? – Все хорошо, справились. Сигналы работают, двери тоже работают.

Эмма устало опустила в кресло и пальцем крутанула неизменную голограмму. Крейсера Гильдии никуда не де-

лись – так и висели совсем рядом со станцией, и их лазерные пушки работали без устали. На голограммной проекции все это напоминало красивую игрушку-картинку и вовсе не казалось бы таким страшным, если бы не мигающий время от времени свет внутри капитанской рубки. Силовое поле забирало слишком много энергии.

– Мартин, как дела внизу? Как дети? – скорее для порядка, чем от беспокойства спросила Эмма.

– Второй уровень находится в плановом режиме. Приближается обед, лоны готовятся кормить детей. Ничего выходящего за рамки правил.

– Вот и хорошо. Я бы тоже чего-нибудь поела. Можешь прислать нам... Коля, что ты будешь есть?

– Картошку и колбасу. И салат какой-нибудь.

– Принято, – тут же отозвался Мартин, – через минут десять привезем. А тебе, Эмма?

– Мне бы супчик с овощами. И тоже картошечки немного.

– Ну, раз мы с тобой способны лопать, значит, мы не боимся Гильдии. И не переживаем за наших, – уверенно заметил Колька и глянул на Эмму. Глаза непроницаемые, черные. Не поймешь – серьезен или, как обычно, шутит.

– Да что с ними будет? Катера давным-давно вышли из строя, и никто на них никуда не полетит. Это стопроцентно. Вернутся через час и тоже засядут обедать. Надо попробовать договориться с Гильдией. Если мы нападём на них, они точно не пойдут на уступки.

Свои плохие предчувствия Эмма предпочла спрятать глубоко внутри и Колючему о них не сообщать. Нечего поднимать панику раньше времени.

— Думаешь? — Колька хмыкнул. — А я вот не сомневаюсь, что они дадут крейсерам прикурить.

— Каким образом? Даже если найдут хотя бы один исправный катер — что уже само по себе сомнительно, — как они его заведут? Они умеют это делать? Напрасные надежды. Но по крайней мере они заняты, при деле. Заодно убедятся, что с помощью звуков можно управлять фриками.

— Вот бы фриков засунуть в катера и направить на Гильдию. Пусть воюют за нас. Все-таки они наши предки и потому просто обязаны нас защищать.

Эмма только улыбнулась в ответ на такое глупое предложение.

Совсем скоро появился пятнадцатый, толкавший перед собой тележку. Запахло едой — горячим мясным соусом, картофелем и сладкими пирожками. Эмма бросила последний тревожный взгляд на голограмму и принялась за еду. Она, оказывается, довольно сильно проголодалась.

Да и как не проголодаться, когда последний раз ела рано утром?

Время тянулось медленно. Ничто не менялось на голограмме, ничто не менялось в рубке. Разве что пятнадцатый отвез пустые тарелки. Провожая его глазами, Эмма вздохнула. Перепись продуктов, которой занимались Таис с Егором,

так и не была закончена. Никаких отчетов.

Или все же есть что-то? Поискать, что ли, в базовых файлах?

Эмма принялась проверять информацию, выводившуюся на большой монитор стола, но только в ужас пришла от творившейся там неразберихи. Федор все покидал в однообразные папки с названиями «мусор 1», «мусор 2» и так далее. Для того чтобы все это разобрать, придется возиться не один день.

И именно этим и надо будет сейчас заняться.

– Смотри, Эм, они вышли! – крикнул вдруг Колька.

А Мартин тут же сообщил, что в силовом поле была образована временная щель, которая дала утечку энергии, и поэтому часть коридоров Третьего и Второго уровней будет отключена от электричества.

– Десять минут будет темно, – пояснил скрупулезный Мартин, – но у двенадцатых хватит заряда для того, чтобы обеспечить местное освещение.

Эмма повернулась к голограмме и с удивлением насчитала четыре небольших катера. Они походили на темно-серебристых рыбок с короткими плавниками. Правда, двигались они странно и медленно, словно ощупывали пространство и никак не могли решить, куда же им лететь.

Наконец один из них выстрелил в сторону крейсера. Этот первый залп пришелся как раз по огромному – а крейсер по сравнению с катером казался большим, грозным и пузатым

– выпуклому боку. На голограмме все это было бесшумно и мило. Короткий выстрел, еще один. Будто игра на компьютере.

– Молодцы наши! Задайте как следует этим гадам! – довольно подпрыгнул Колька и тут же плюхнулся на сиденье перед голограммой. – Я бы сейчас хотел быть с ними. А ты говорила, что ничего у них не получится...

Эмма не верила своим глазам. Крошечные катерки палили по большому крейсеру. Два катера по одному. И тот сдвинулся с места, прекратил прожигать силовое поле станции, медленно и неуклюже развернулся, и из его нутра вылезла горсть мелких машинок. Узкими стрелками с заостренными носами и выступающими из хвоста лопастями пронеслись беспилотники. Миг – и они окружили два первых катера. Второй миг – и вот они палят по ним, а те пятятся, поворачиваются и укрываются.

– Беспилотники атакуют, – коротко пояснил Мартин.

– Надо прикрыть! Ну же, соображайте, ребята! – нервно подпрыгивал Колька. Как будто был крутым специалистом по космическим сражениям.

Два других катера, однако, довольно быстро сообразили, что от них требуется, и ударили с другой стороны. Завязалась битва, в которой стало трудно разобрать – кто кого. Время от времени часть ударов перепадала крейсеру, высадившему беспилотников, но в основном катера отбивали многочисленные атаки летающих машин-роботов.

И все это казалось полностью бессмысленным.

Конечно, часть попаданий была точной, особенно у одного катера, пилот которого был особенно шустрым. Он подлетел под самое брюхо крейсера, куда беспилотники не решались целиться, и расстреливал их оттуда со смелостью наглого воробья. Несколько серебристых стрелок красиво взорвались, рассыпая вокруг искры и огонь.

Но остальные три крейсера даже не дрогнули. Они по-прежнему палили в станцию, и мощные лазерные лучи, направленные в одну точку, по-прежнему пытались пробить брешь в силовом поле.

Для того чтобы дать хорошее сражение, нужны не катера, а боевой корабль. Большой и мощный. Такой, чтобы парочкой выстрелов сразил флот противника. А те смешные машинки, что стреляли сейчас по беспилотникам, напоминали мух, атакующих слона. Неприятно, назойливо, но не смертельно.

– И это называется – показали Гильдии, что можем сражаться, – хмыкнула Эмма. – Глупое решение.

– Ничего подобного. Смотри, они уже умудрились уничтожить половину беспилотников. Один из них снова открыл огонь по крейсеру. Глянь, Эм! Вот это выстрел!

Возможно, пилот, сидящий в катере, наконец разобрался с возможностями машины. Потому что вдруг бахнул таким мощным ударом, что крейсер вздрогнул и накренился. Бок вражеской машины пошел густым дымом, засверкал огнен-

ными искрами.

– Они что-то повредили в нем! Вот же молодцы, заразы! – довольно воскликнул Колька и провел ладонью по отросшим черным волосам.

Эмма подалась вперед, пытаясь не пропустить ничего из развернувшейся битвы. Это здесь, в маленькой проекции, все выглядело смешным и несерьезным. Но там, в космосе, сражение идет нешуточное, и любая ошибка может быть фатальной. Неужели Федор и Таис погибнут? Неужели их подбьют? Почему скверная уверенность в плохом терзает где-то внутри?

Второй крейсер выпустил беспилотников. Он не стал прерывать удара по станции и разворачиваться, потому его машинкам пришлось преодолеть небольшое расстояние, прежде чем они добрались до катеров. Новая атака, новые удары.

Эмма вцепилась в край стола, нечаянно нажала на какой-то файл, располагавшийся с краю монитора, выскочило окошко программы, но она даже не обратила на это внимания.

Катера стали отступать, пятиться, удаляться в черноту космоса. Небольшой облет – и два катера приблизились к боку станции. Давайте, миленькие, спасайтесь! Хорошо повоевали, один крейсер подбили. Но сейчас надо уносить ноги. Или крылья – как будет правильнее?

– Новая щель в силовом поле, – строгим голосом сообщил

Мартин.

– Жаль, что нельзя управлять Нижним уровнем отсюда, – протянул Колька. – Это страшно неудобно. Значит, они возвращаются...

– Не все. Два других катера почему-то медлят. Зависли. Подобрались к тому самому крейсеру, который подбили. Коль, они залетели внутрь этого крейсера!

– С ума сошли! – Колька вскочил, взъерошил волосы, повернул голограмму.

Он так яростно буравил взглядом крейсер, втянувший в себя катера, что Эмме на миг показалось, будто ему удалось что-то там разглядеть.

Она выпрямилась, потерла лоб, после сжала пальцы в кулак и разжала.

Все сбылось. Не обмануло ее предчувствие. Теперь она была совершенно уверена, что на залетевших в шлюз крейсера катерах были Федор и Таис. Никаких сомнений не было.

2

– Это значит... Эмма, надо открыть двери и впустить наших. Пошли быстрее! – Колька поднялся на ноги, быстро сунул за пояс рукоять лучевого меча и приказал Мартину выделить еще одного пятнадцатого.

– Те пятнадцатые, что отправились на Нижний уровень, еще не вернулись, – напомнил Мартин.

– Я знаю. Но мы же не можем увидеть, что сейчас там происходит и целы ли роботы, верно? На всякий случай пусть с нами будет еще один пятнадцатый.

Эмма схватила планшет, потом меч. На мгновение она растерялась. Множество мыслей крутилось в голове, и все казались важными и нужными. Надо впустить своих. Надо закрыть двери, ведущие к фрикам. Теперь самой придется их закрывать, Федора-то нет.

Она была уверена, что к ним выйдут Егор и близнецы... Значит, они с Колькой останутся главными штурманами станции. Теперь все бремя ответственности ляжет на них, теперь им вести борьбу с Гильдией, принимать важные решения и заботиться обо всех детях Второго уровня.

И никто больше не поможет, не подставит плечо, не подскажет правильный выход. Не будет злой и яростной Таис, не будет рассудительного и спокойного Федора. Как теперь жить без них?

Понимает ли это Колька? Или такие мысли еще не пришли ему в голову? Вот он заправил рубашку в джинсы, скрипнул поблескивающими липучками кроссовок и направился к полупрозрачным дверям рубки, которые с готовностью разъехались в стороны, открывая путь в коридор.

– Мы вниз, Мартин. Мы быстро, – сказал Колючий.

– На связи, – привычно ответил интеллект станции.

Конечно, они на связи. Капельки наушников – вот они, на мониторе, в прозрачной круглой чаше. Сколько угодно –

выбирай любые. Эмма сунула одну штуку себе в ухо, вторую протянула Кольке. И они отправились.

Путь был коротким. Лифт доставил их вниз за несколько секунд. Дальше слишком знакомой дорогой до слишком знакомых дверей. Эмма прислушалась, поежилась. Сигнал «Опасность» работал с потрясающей громкостью, фрики наверняка уже страдали головной болью от этих воплей. И повышенной нервозностью...

Шагов Егора и близнецов еще не было слышно. Они где-то в глубине, и Эмма их не чувствовала – ни запаха, ни движения, ни сердцебиения. Вдруг и с ними что-то случилось?

Гадать о происшедшем больше не было сил.

– Коль, ты сможешь открыть? – спросила она.

– Конечно. Сейчас.

Колька присел рядом с замком, набрал на планшете нужную комбинацию цифр, пояснил, что у него есть программа ключа:

– Мне ее Федор скинул. Поэтому взламывать ничего не надо, просто откроем и закроем за собой. Легче легкого.

Колька торопился, немного нервничал и тихо ругался под нос. Но программа сработала сразу – и створки зашипели, расползаясь.

В этот раз Эмма не предавалась философским размышлениям и не впускала в себя страхи. В этот раз ее сжигало нетерпение, ей хотелось поскорее убедиться, что хотя бы Егор и близнецы целы и невредимы. Потому она уверенно

шагнула в темноту, с ходу улавливая запахи Федора, Таис и остальных. Ей даже свет не нужен был, чтобы отыскать ребят.

Она добралась до просторного коридора, того самого, где на стене была кровью выведена надпись «Они здесь». Пожилая от этих страшных пророческих слов, до сих пор видневшихся на стене, легко перешагнула через скелет и облегченно вздохнула, услышав знакомый голос Егора.

– Черт бы побрал эти беспилотники... – бормотал он где-то рядом, за широким дверным проемом, ведущим, видимо, в ангар.

Колька не отставал, точно так же уверенно шагал за Эммой и даже не спрашивал, как она отыскала дорогу.

– Егор, кто еще вернулся? – закричал Колька, и его голос неожиданным коротким эхом отскочил от стен.

– Кто тут? – тут же отозвались из ангара.

Эмма миновала ангарный проем и устало выдохнула. Вот уж не думала она, что в этих местах что-то может настолько хорошо сохраниться. Видимо, фрики не добрались до здешних катеров: перед ней стояли две блестящие машины. Дымились круглые сопла, временами в них вспыхивали голубоватые искры. Светились ряды небольших диодов вдоль корпусов. Прозрачные, полукруглые сферы-крышки, сдвинутые в пазах, открывали белое нутро с креслами и пультами управления.

Хмурый, мокрый от пота Егор медленно вытер тонкие

струйки влаги, стекавшие со лба, прыгнул с узкого серебряного крыла и непонятно сообщил:

– Она втянула их. Эта гадина втянула Таис и Федьку. Потому что Федор подлетел слишком близко под ее брюхо. И она забралась в его электронное управление. А Тайка хотела помочь – и ее тоже втянуло. Чтоб ей заглочить, заразе! – Егор с силой стукнул кулаком по катерной обшивке и зашагал прочь.

– Кто она? – резко спросил Колька.

– Машина. Управляющий интеллект крейсера. Она считает себя существом женского рода, называется Иминуя, что ли. И она вышла с нами на контакт сразу, как только мы вылетели. Видимо, наше силовое поле мешает им нащупать Мартина, чтобы захватить, – раздался голос одного из близнецов.

Мальчишка прыгнул со своего катера, зачем-то потер ладони о штаны и хмуро глянул на Эмму. Говорил он, обращаясь именно к ней, словно теперь она стала главной.

– Что с ними будет? – тихо спросила Эмма.

– Мы не знаем, – выдал близнец. – Кто ж теперь знает?

– Надо их выручать, – нерешительно проговорил Егор.

– Всего-навсего. Только как? Думаешь, у нас есть возможность попасть на крейсер? – уточнил Колька.

– Попасть как раз таки вполне можно. Он сам тебя втянет, как только ты окажешься рядом. Он умеет захватывать сервер управления на расстоянии. Через пространство. Только

как он это делает – остается непонятным. А выбраться из крейсера – уже никак. Не на чем вылететь, – тут же взялся пояснять брат-близнец.

– Антон, мы после все расскажем. Давайте поднимемся наверх, а тут все закроем, чтобы никто не шастал в ангарах, – хмуро распорядился Егор.

– Я знаю, как вас захватила Иминуя, – вдруг прозвучал над головой звонкий голос.

Эмма подняла голову и увидела второго брата-близнеца.

– Надо сейчас же проверить ваши катера. Потому что если вы на них привезли те штуки, что попали на катера Федора и Таис, то тогда вся станция будет захвачена. Это было ошибкой – вылетать за силовое поле. Потому что они вот что раскидывают из своих беспилотников...

И мальчишка проворно слез по железной лесенке, после чего нырнул под еще не остывшее брюхо катера Егора. На какое-то время его туловище и ноги почти исчезли под блестящим корпусом, но тут же он вынырнул с другой стороны и махнул рукой, в которой что-то держал. Большим и указательным пальцами мальчишка зажимал какую-то мелкую штуку, похожую на полупрозрачную, студенистую каракатицу.

– Посмотрите на это! Я их заметил на ваших катерах через специальные приборы ближнего видения. Вы были заняты боем, особо не разглядывали, чем палили в вас беспилотники. А они под конец боя стали стрелять не только лазер-

ными пушками, но еще и вот этими штуковинами. А штуковины, если долетали, то присасывались точно присоски. У Федькиного катера их было больше всего. Вот Федька и потерял управление. Они несут в себе какие-то программы, у них внутри крошечные чипы, совсем маленькие, размером с точку. А снаружи вот такое прозрачное теплое тело. И оно, это тело, подвижное и живое. Вот, смотрите. Пытается выскользнуть у меня из рук.

Эмма, Колька, Егор и Антон окружили второго близнеца.

Такого видеть еще не доводилось! Студенистая каракатица извивалась в пальцах мальчишки, дергалась и скупно поблескивала крошечными точками света, исходящими из ее нутра. Как будто внутренняя энергия чипа была через край.

– Гошка, дай-ка мне. – Второй брат протянул ладонь.

Гоша протянул было каракатицу Тошке, но загадочная штуковина выскользнула из пальцев, шлепнулась на пол и тут же задвигалась с удивительным проворством. Она быстро перебирала прозрачными конечностями и ползла к ближайшему катеру.

Егор выхватил меч и снес ее одним ударом. Тошка крикнул, Гошка схватил Егора за руку – но было поздно. От каракатицы не осталось и следа, только черная полоса от удара.

– Нам надо было ее исследовать! – крикнул Тошка и толкнул Егора в плечо.

– Сейчас еще найдем. Пошли осматривать катера. Если хоть одна такая штуковина останется на станции – они за-

грузят вирус в систему Мартина, и всем нам придет капут. Вы что, не поняли? Это летающий вирус. Именно он сбил системы на катере Федора.

Не зря Тайка ругалась, надо было слушать ее, – злым голосом пояснил Егор.

– На что Тайка ругалась? – не поняла Эмма.

– Неважно. Пошли осматривать катера. И вы тоже с нами.

Кольку уговаривать не пришлось, он проворно заполз под пузатое брюхо ближайшей машины и принялся водить фонариком – только ноги остались торчать, да выskalзывал временами луч света. Тошка, все еще державший в руках шлем, забрался на лопасть крыла и погрузился в поиск. На хвост уселся Гошка.

Время от времени эти двое переговаривались быстрым говорком.

– Найти бы еще такую штуку и вытащить из этой прозрачной резины... – говорил один.

– Это не резина, это какая-то плазма или штуковина, которая ведет себя точно живая. Двигается, слушается чипа. А все программы в чипе.

– Думаешь, много программ?

– Да фигня, никак не много. Главное – это посылка, вирус. И задача каракатицы этот вирус доставить. Вот она и тянется ко всему электронному. Чувствует работу искусственного интеллекта, волны улавливает. На эти волны и лезет.

– Я видел, как они стреляли из своей рубки. Вы даже не

обращали внимания на эти штуковины, вы опасались только лазерных ударов.

– Сам бы попробовал. Хорошо еще, что никого не подстрелили...

– Так Таис и Федька теперь у них, что тут хорошего? Думаешь, им удастся спастись?

– Вряд ли. Что с ними будет теперь?

Эмма не стала слушать болтовню Гошки и Тошки, обошла катер и приблизилась к следующему, на котором сидел Егор. Тот тоже был занят поисками. Эмма же решила проверить пространство рядом с катерами. Надо осмотреть тут все – и полы, и стены, и проем, и, наверное, лестницу.

Это оказалось утомительным занятием, а главное, все равно не отвлекало от тяжелых мыслей.

Что сейчас происходит с Таис и Федором? Что с ними делает Гильдия? Зачем захватила?

Вдруг их пытаются для того, чтобы получить информацию?

Эмма не высказывала свои сомнения и переживания вслух – не хватало еще паники и страха. Но беспокойство снедало ее саму, а нетерпение и ощущение того, что битва проиграна, и вовсе лишали уверенности.

Главный вопрос, который лишь самую малость беспокоил ее в капитанской рубке, теперь звучал в голове настойчивым набатом, мешаясь с жутким сигналом опасности, который по-прежнему выдавал планшет.

Что теперь делать дальше? Что они все должны делать

дальше?

Наконец осмотр был закончен. Удалось найти еще парочку каракатиц, точно таких же прозрачных и проворных. Егор перочинным ножиком отсек у одной щупальца, и тогда штукovina утратила способность передвигаться. Вторую каракатицу уничтожили лазерным мечом, чтобы не рисковать.

Обездвиженную, изуродованную штукovину поместили в пластиковую коробочку и плотно закрыли крышкой.

– Пошли наверх. Тут больше нечего делать. Закроем ангары, чтобы животные сюда не добрались, – распорядился Егор. – А завтра сделаем тут проход. Пусть пятнадцатые закроют и закрепят все двери, которые ведут в дальние закутки, и пусть запрут там всех зверюг, чтобы мы могли в любой момент попасть в эти ангары.

– А может, не стоит? – с сомнением проговорила Эмма. – Может, пусть фрики остаются сторожами, чтобы никому из наших не пришла в голову глупая мысль самому выбраться со станции?

– Посмотрим, – решительно сказал Колька. – Посмотрим и решим. А сейчас давайте уберемся отсюда и снова попытаемся договориться с Гильдией. Может, они вернули бы нам Таис и Федора. Может, мы бы договорились о чем-нибудь. Что они хотят от нас?

Тишина и пустота Третьего уровня неприятно резанули печальным напоминанием о том, что здешние жители ушли навсегда. Таис и Федор покинули станцию и уже не вернутся. Теперь Эмма не сомневалась в этом.

Теперь она была уверена, что предчувствия ее не обманули.

Вот пустая, незастеленная кровать Таис, разбросанные на полу майки и джинсы, раскрытые дверки шкафа, в котором и висела-то всего пара вешалок с одеждой. Таис еще не успела и вещей себе набрать толком. Видимо, думала, что времени у нее полно, все впереди.

В соседней комнате диван, на котором спал Федор. Неубранный плед, смятые подушки. Смешные тапочки и брошенная на подлокотник слишком короткая рубашка в клетку. Эмма зачем-то подняла рубашку, понюхала, хотя могла бы этого и не делать: запах Федора и так витал в комнате, мешаясь с запахом Таис.

Было грустно и больно до тошноты. Она снова потеряла друзей, только теперь никто уже не заберется в крейсер Гильдии, чтобы выручить эту неразлучную парочку. Да и вряд ли они остались в живых. Скорее всего...

Эмма тряхнула головой и направилась к выходу. Пусть все в каюте остается так, как есть. Хоть разум и твердит с непо-

колебимой уверенностью, что Тайка и Федор потеряны навсегда, Эмма все равно будет их ждать. Потому что слишком привязалась к ним. Потому что они друзья, потому что так много пережили вместе.

И потому что управлять большой, огромной станцией совсем одной – это страшно. Это на самом деле страшно.

В эту ночь Эмма долго не могла уснуть. Прислушивалась к легким, еле слышным шагам роботов на Зеленой магистрали, ворочалась, мяла кулаком подушку. То ей казалось, что она хочет есть, то думалось, что надо бы выпить сока. Мысли о прошедшем дне крутились и крутились в голове.

Наконец она поднялась и вышла в коридор, стараясь ступать тихо. Заметила узкую полоску света из-под двери в Колькину спальню и толкнула легкую створку. Колючему тоже не спится? Тот сидел на диване, сложив по-турецки ноги и пристроив на коленях планшет. Всмотривался во что-то, слегка прищурив глаза.

– Мне не спится, – непонятно зачем сказала Эмма.

Колька поднял глаза, понимающе кивнул и хлопнул рукой по дивану.

– Иди сюда, глянь. Это запись битвы. Мартин записал. Очень хорошо видно, как катер Федора подлетел под брюхо крейсера. Антон сказал, что именно в этот момент к ним в катера пробился интеллект и начал нести всякую чушь. Типа – я вас вижу, я предлагаю вам сотрудничество, вы подвергаете себя и нас опасности и так далее.

Эмма опустилаась рядом с ним и посмотрела на экран. Знакомая, слишком знакомая картинка. Станция, крейсеры, неизменно палящие по ней, и маленькие катера, ввязавшиеся в сражение.

– Вот когда Федор был под крейсером, тогда его машину и облепили эти штуки. Если немного приблизить – вот, сейчас сделаю, – смотри. Видно, как они блестят на его катере. Видишь, как их много? Они ползали по нему, как муравьи. Антон сказал, что после того как Федор оказался под крейсером, после этого он и не смог управлять своей машиной. Тогда и произошел сбой. Таис его прикрывала и в крейсер залетела по своей воле. Не оставила Федора одного.

– Новое, современное оружие Гильдии, – задумчиво проговорила Эмма. – Мы так мало знаем о теперешнем, современном мире. Мы не знаем их законов и правил. Мы не знаем, как они относятся к преступникам. Нам не известно ничего.

– Это точно, – согласился Колька. – Это совершенно точно. Нам остается только догадываться и действовать по интуиции. Как думаешь, может, надо просто сдать Гильдии? А они сами решат, что делать?

Эмма решительно мотнула головой. Тут она не сомневалась. Все ее предчувствия, вся интуиция решительно восставали против такого решения. Ни в коем случае не доверять Гильдии! Это опасно! Гильдия – вот их главный враг сейчас.

– Мы не станем снимать силовое поле. Если бы Гильдия

вышла с нами на связь, предъявила хоть какие-то претензии – тогда другое дело, – пояснила Эмма.

– Странно все это. Почему они молчат? Они же заговорили с Федором, когда им удалось перехватить управление ка-тером. Заговорили со всеми.

– Это не Гильдия, это разговаривал искусственный интеллект крейсера. Это разные вещи. Наш Мартин тоже может выйти на связь сам от себя, если у него будут такие полномочия. Но это не будет тем же самым, как если бы вышли на связь мы. Мартин не может быть нами, понимаешь? Здесь всем управляем мы, все решаем мы, а не Мартин. А у Гильдии кто решает? Иминуя?

Колька хмуро поскреб босую пятку, выразительно поднял брови и кивнул головой. Он был согласен. Да и что тут можно возразить?

– Теперь придется нам с тобой управлять станцией. Только вдвоем. Все зависит от нас, все решения принимаем мы. Ты понимаешь? – почти шепотом проговорила Эмма, глядя на монитор Колькиного планшета.

– Понимаю. Но ты ведь не будешь одна. Я с тобой, Эм.

– Спасибо тебе.

Сейчас почему-то показалось очень важным, что с ней хотя бы Колька. Хотя он и разгильдяй порядочный, но он верный друг, он никогда не оставит.

– Будем жить тут или поднимемся наверх? – зачем-то решила уточнить Эмма.

Ей не хотелось перебираться на Третий уровень, слишком большим и пустым он казался. Эмма привыкла жить среди детей, слышать рядом с собой детские голоса, возню, суету – иными словами, ощущать кипение жизни. Люди – вот кого хотелось видеть рядом с собой, пусть даже эти люди и были совсем небольшими.

– Зачем? Здесь мы хорошо устроились. Будем подниматься для дежурства наверх, по очереди. Егора приспособим. Пусть помогает. Кира можно позвать, Жанку. Они толковые ребята.

– Ладно, договорились, – согласилась Эмма.

– Тогда ложись и спи. Я еще немного посижу с планшетом.

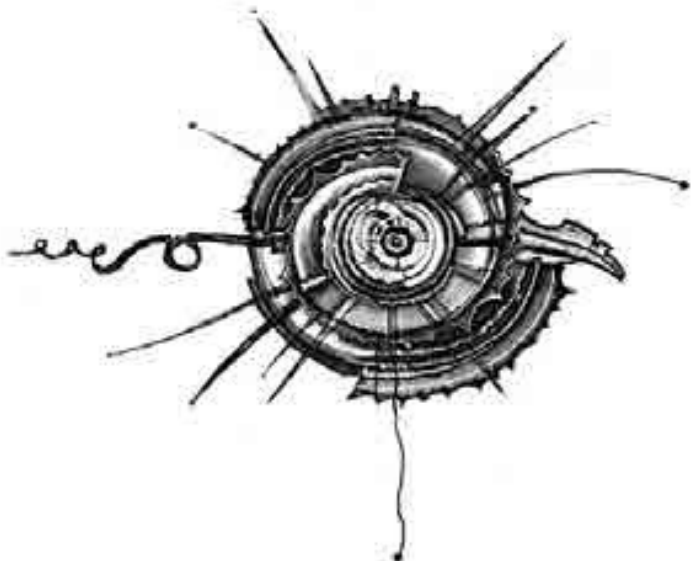
– Не спится мне почему-то...

– Потому что ты была одна в комнате. Одному всегда не очень. Ложись здесь, на моем диване. А я на полу устроюсь. Тащи свое одеяло и подушку и ложись. Да не смотри на меня такими большими глазами. Что тут такого? Ты же человек, ты не робот. Тебе бывает одиноко, страшно, грустно и все такое. Как и мне. Вместе нам будет легче все это пережить.

Эмма вздохнула, кивнула и пошлепала за одеялом.

Она не узнавала себя. Она ведь гордая, сильная. Она ничего не боится. Она умеет справляться с трудностями сама. Но только не сейчас, не в эту ночь. Сейчас ей хотелось открыть глаза и увидеть рядом человека, а не пустоту. И уж тем более не работа.

Хотя Лонька был отличным малым.

Глава 7

Таис. Битва с беспилотниками

1

– Так, значит, ты с нами? – зачем-то уточнил Федор, открывая крышку катера.

Весело улыбнулся, спрыгнул на пол и велел:

– Занимай кресло пилота. Я устроюсь рядом и покажу, что делать. Попробуем пока вместе, а после ты сама. А близнецы покажут все Егору.

Таис копать не стала, проворно запустила зверька в пилотную камеру. Тот возмутился, ошетинился и попытался забиться в уголок под креслом, который посчитал самым

укромным местечком. Таис нырнула следом, плюхнулась на сиденье, и тут же на глаза ей попался шлем с прозрачным полукруглым забралом, закрывающим все лицо.

– Надевай его, – уже распоряжался подоспевший Федор. – В нем все дело. Он – ключ к управлению катером.

Федор протиснулся рядом, пристроился на край кресла и принялся объяснять.

Едва Таис оказалась в шлеме, как у нее перед глазами вспыхнули цифры, значки – целый голографический пульт управления.

Видимо, это было проекцией, шлем реагировал на ее мыслительные процессы.

– Чтобы закрыть люк, тебе надо просто отдать распоряжение. Говори что-то вроде «Задраить люк», поняла?

– Задраить люк, – послушно пробормотала Таис.

Тихое шипение, мягкий щелчок – и люк закрылся. Тут же раздалось еле слышное гудение, и пространство внутри машины стало заполняться свежим воздухом. Заработали кондиционеры, отвечающие за атмосферу катера и нагревающие ее до определенного уровня.

– Отлично, катер готов к полету. Теперь смотри, вот здесь сенсорные датчики управления. Тебе надо положить на них пальцы одной руки. Любой. А дальше – управляешь катером с помощью голоса, просто произносишь, что тебе надо. Все, что от тебя требуется, – это отдавать команды, а катер будет выполнять. Это сплошная автоматика, понимаешь?

Таис расположила правую руку на сенсорных датчиках – гладких кругляшках на краю панели управления, – уточнила:

– А ручное управление?

– Оно есть, но я тебе его отключу, как и себе. Потому что вручную этим катером могут управлять только асы. Когда будешь отдавать команды, рука должна лежать на сенсоре, иначе компьютер не отреагирует. А когда будем переговариваться по связи – убирай руку, чтобы интеллект катера различал команды. Ты поймешь, как это делать.

Федор потянулся куда-то вбок, щелкнул чем-то, перевел длинный виртуальный рычаг вправо, и общий фон голограммы стал нежно-сиреневым.

– Сиреневый цвет означает, что программа полностью на автоматике. Катер теперь справится сам. Давай командуй.

– Как? – не поняла Таис.

– Ты в его шлеме, он будет слушаться только тебя. Отдавай команду.

– Подняться в воздух... – нерешительно выговорила Таис.

– Уровень! – крикнул Федор. – Расстояние от пола не больше полуметра! А то стукнешься о потолок!

– Полметра от пола, – заторопилась Таис.

Катер поднялся. Это было так плавно и спокойно, что Таис улыбнулась, откинулась на кресле и подняла вверх большой палец. Сквозь голограмму палец светился сиреневым, и это выглядело странно и смешно.

– Отлично, сделай круг по ангару, но напомни, чтобы не

задел ни стены, ни другие катера. Осторожное движение – так и скажи ему.

Таис повторила. Сквозь прозрачную крышку в неровном сиреновом свете она вглядывалась в проплывающие мимо стены и удивлялась, как на самом деле это оказалось легко и просто. Катер двигался осторожно и довольно быстро, обходя препятствия с грацией большой рыбы, плывущей в океане. Мягкое, уверенное движение завершилось, катер завис в молчаливой покорности, в ожидании следующих распоряжений.

– Теперь задание посложнее. Теперь я выйду, настроим связь и попробуем поработать вместе, в разных катерах. Пусть откроет люк, скомандуй. Скажи, что посадка в ангаре, нужно опуститься на пол и открыть люк. Всегда думай, прежде чем отдавать приказания. Впрочем, если потребуешь что-то совсем глупое, он тебя остановит. Это умная машина.

– Умный робот, черт его дери, – буркнула Таис. – Кто его знает, что придет в башку этому роботу. Доверять свою жизнь ему – это как-то...

– Не мели ерунды. Ты же доверяешь свою жизнь Мартину.

– После того как ты перенастроил его программы.

– А тут и настраивать нечего. Я посмотрел, здесь не слишком сложно. Не ной, давай работать, времени у нас в обрез. Ты справишься, ты умная девочка. – Федор положил руку на плечо Таис и легонько хлопнул.

Таис вздохнула, поморщилась. И куда они опять лезут?

– Черти бы побрали этих роботов... – проговорила она.

– Не поминай чертей, они вроде как совсем рядом, – ухмыльнулся Федор, уже выбираясь из ее катера.

– Тех чертей я теперь не боюсь. Те черти – это часть меня, мое прошлое. А вот роботы ко мне никакого отношения не имеют.

– Тай, лучше думай, как управлять этой штукой.

Летать вместе получилось просто отлично. Таис повторяла команды, которые отдавал Федор через внутреннюю связь. Как будто она сама была таким посредником между наушником, в котором звучал голос Федора, и небольшим электронным центром катера.

– Подняться выше, обогнуть препятствие и вылететь навстречу катеру «семь-один»!

«Семь-один» – это был катер Федора. Машина Таис имела номер «семь-три».

Катер выполнял все исправно и быстро, и Таис уже казалось, что машина стала частью ее самой. У близнецов и Егора тоже дела шли вполне сносно. Вернее, у Антона и Егора, потому что Гошка – полное его имя было Георгий – оставался в диспетчерской. Именно он отвечал за связь пилотов и курировал полет. Он же руководил и шлюзами.

– Ну что? – спросил Федор, когда закончили последний круг по ангару. – Давайте сделаем разведку. Первый разведывательный полет. Никаких сражений, просто пробный вылет. Идет? Все поняли?

– Давайте, – тут же отозвался в наушниках оператор Гошка. – Задраиваем ангары. Открываем шлюзы. По местам, команда!

– Вот же зараза. Пафоса поменьше, сэр капитан Гошка, – выдала в ответ Таис.

– А кто у нас главный? – поинтересовался Егор.

Его голос в наушниках казался более детским и более напряженным. Как натянутая струна.

– Главный я, – спокойно произнес Федор. – И без споров.

Таис только улыбнулась. Она заерзала на сиденье, проверяя ремни крепления. Поправила зачем-то шлем и подумала, что чувствовала бы себя намного спокойнее, если бы Федька летел вместе с ней, в одном катере. А так – в душе зрело какое-то неуютное беспокойство. Заноза, которая вроде бы и не болит особенно, но мешает и постоянно напоминает о себе.

Заноза плохих предчувствий. Это напоминало те времена, когда Таис жила на заброшенных базах и по ночам ей снились открывающиеся в темноту двери.

Только сейчас противник был известен. Сейчас этот противник очень даже реален и опасен. Там, за шлюзом, находятся огромные крейсера Гильдии, которые все еще продолжают обстреливать станцию. И катера против них – все равно что роботы-уборщики против пятнадцатых.

Шлюзовая камера была просторной – почти такой же по размеру, как и ангар. Таис нервно сжимала и разжимала указательные и большие пальцы обеих рук, пока медленно закрывались двери ангара и свистел выкачиваемый воздух.

– Тай, не боишься? – тихо прозвучал голос Федора.

– Немного, – проговорила Таис, забыв, что связь общая и их слушают сейчас и Егор, и Тошка.

– Как это может быть? – тут же завелся Егор. – Бесстрашная Таис вдруг забоялась?

Пришлось ответить:

– Не ерничай, болван, смотри, как бы самому не наделать в штаны.

– Началось, – протянул Федор. – Ребята, вы должны помнить, что мы – одна команда. Мы действуем заодно, и все подчиняются мне.

– Надо бы, Федь, нам с тобой на первую вылазку лететь только вдвоем. Опробовать катера. А то неизвестно, чего можно ожидать от этих двоих, – заметила Таис.

– Пошли вон, командиры, – тут же загудел Егор, но продолжить ему не удалось.

Разъехались треугольные створки круглого выходного отверстия шлюза, и показался темный, неласковый космос.

– Выйти через шлюз и остановиться рядом со станцией.

Расстояние одного прыжка, – проговорил Федор своему катеру и первым выскочил навстречу черноте.

Он двигался медленно: задал первую скорость, медленнее только черепахи ползают. Завис в пространстве, замер, поджидая остальных.

Интересно, видит ли он Землю?

– Выйти через шлюз в космос на первой скорости, остановиться рядом с «семь-один», – распорядилась Таис.

И катер полетел. Это было и странно, и прикольно одновременно. Космос надвинулся, вырос и буквально поглотил своей необъятностью. Большая чернота и крохотные точки звезд. И никакой Земли – по крайней мере с того края, где все они выбрались.

Сердце Таис екнуло и забилося где-то в середине живота. Подумалось, что она первый раз в жизни оказалась за пределами станции, можно сказать, в другом пространстве. И как же тут много этого самого пространства! Просто бездна какая-то, в которую так легко упасть и сгинуть там!

Таис поняла, что ладони у нее вспотели, и потеряла руки о штаны. Подумала, что лучше бы все они не совались в эту передрагу, и вздохнула. Похоже, она первый раз в жизни жалеет, что влезла в приключение. Потому что космос ее пугал.

Фрики тоже пугали в свое время, но они еще вызывали злость. Станция была своей, родной, и хотелось навести на ней порядок. Другими словами, именно уверенность в том месте, в котором она находилась, и помогала справиться. Как

говорится, родные стены придавали сил.

А здесь стен не было! Вообще ничего не было! Станция осталась где-то за спиной, и пространство давило своей безграничностью, своей огромностью, холодом и пустотой.

Если бы Таис была с одним Федором, она тут же запросилась бы обратно. Но в том-то и беда, что на связи все пятеро, включая и Гошку, и ее панику слышат все. Если она надевает в штаны от страха – будут всю жизнь вспоминать, как Тайка испугалась космоса.

А она действительно его испугалась!

Черти бы побрали и космос, и Гильдию, и вообще всех этих дурацких роботов! Побрали и разодрали – уж раздирать черти точно умеют.

– Вот он, один из крейсеров Гильдии, – тихо проговорил Егор.

Он залетел немного вперед, сделал плавный круг. За ним поспевал торопливый Тошка.

– Погодите, не лезьте туда. Сейчас сделаем небольшую разведку, – распорядился Федор.

Таис открыла было рот, чтобы задержать прыткого Егора, но было уже поздно. Тот рванул – взял сразу третью скорость, а она оказалась довольно высокой. Пришлось догонять – Федор тоже увеличил скорость. Таис держалась рядом с ним, стараясь не отставать.

Ближайший крейсер Гильдии выплыл черной громадой, обтекаемой, овальной, с длинными полукруглыми вставками

по бокам. Он исправно держал удар по станции – его лазерная пушка била с противоположной от шлюза стороны. Повезло, конечно, что они вывалились в космос не перед носом крейсеров, а, так сказать, с запасного, спрятанного выхода. Незаметные и тихие.

– Они нас не замечают, представляете? – словно в подтверждение мыслей Таис, заметил Егор. – Сейчас мы им зададим. Цель шестнадцать-три-ноль, удар!

– Не стрелять! – заорал Федор, но было поздно.

Небольшая машина мальчишки деловито плюнула белым лучом и мазнула метким выстрелом по круглому боку крейсера.

– Попал! Есть! – заорал Егор. – Стреляем, после быстро уходим. Ну, давайте!

И он выдал еще один залп. К нему тут же присоединился Тошка. Таис подумала, что висеть и тупить рядом со станцией – это уже слишком, и довольно быстро догнала этих троих. Как тут надо стрелять? Ага, вот разметная сетка, в ней крейсер занимает определенную позицию, которую только надо озвучить. Значится, так...

– Цель семнадцать-пять-один, удар, – медленно проговорила она и почувствовала легкий толчок. Катерная пушка послушно выпустила лазер и достала им крейсер.

Хотя тому, видимо, такие удары были не слишком страшны.

– Прекратите огонь, сейчас же, – злым голосом заговорил

Федор. – Быстро все назад!

Да, это правильно. Теперь можно и возвращаться. Таис только собралась отдать нужную команду, как Егор возмущенно заявил, что битва только началась и надо ударить еще раз.

– Крейсер прекратил стрелять, ребята, смотрите! – заорал вдруг Тошка. – Наверняка мы повредили что-то у него внутри.

– Назад! – снова распорядился Федор.

Но оказалось, что уже поздно. Боевой корабль противника развернулся, открылись оральные шлюзы, и оттуда вылетел десяток боевых машин, блестящих и длинных. Они разлетелись в пространстве, проворно окружая катера, и сразу открыли стрельбу.

В этот момент Таис и поняла, что это – настоящая война. Не игрушки, не тренировки и не разведывательный полет.

– Назад, все назад! – орал в наушники Федор.

Таис тут же отдала распоряжение заплетающимся языком.

– Уйти назад, подальше, чтобы не достали. Быстро! Третья скорость и даже быстрее!

Катер повиновался на удивление дельно. Сделал небольшой виток, уходя от выстрелов, сдал назад, опустился.

– Ударить в ответ? – осведомился механический голос сервера.

– Да, стреляй по ним. Всех расстреливай и уходи от атаки, если можно, – пролепетала Таис, не отрывая взгляда от

крейсера.

Пушистик нервно завыл и вцепился в кресло всеми четырьмя лапами. Таис хотела взять его на руки, но побоялась оторвать взгляд от экрана: она напряженно следила за ходом боя. Беспилотников было гораздо больше, чем катеров. Может, одиннадцать – Таис пока насчитала именно столько.

Катера двигались быстро, отстреливались коротко. На какое-то время Таис потеряла из виду машину Федора «семь-один», но потом вдруг увидела, как тот сделал резкий рывок на высокой скорости, облетел крейсер с другой стороны и нырнул ему под брюхо. Все это Федор проделал так быстро, словно всю жизнь только тем и занимался, что мотался на катерах. Таис запоздало догадалась, что Федька лишь отдавал приказания, а полет совершал автопилот.

Так получилось, что Федька оказался в хвосте у проворных беспилотников. Терять время он не стал, открыл стрельбу, и каждый его выстрел бил точнехонько в цель. Потому что ему не надо было прятаться, и он целился наверняка. На него не сразу обратили внимание, а когда повернулись – четыре машины беспилотников уже разлетелись яркими осколочками. Так и надо! Знай наших!

– Теперь давайте уходить! – крикнула Таис. – Быстро! Уходим!

– Сначала я разнесу тут все, – коротко ответил Федор. Он вошел во вкус битвы.

– Уходим, это опасно. Федька, давай быстрее!

Таис теперь уже не стреляла. Она поняла, как можно ловко сделать ноги, и собиралась воспользоваться самой высокой пятой скоростью. Просто приказать, чтобы машина вернулась домой на пятой. И все!

Егор сделал длинный виток, завис вверху и выдал ряд ударов, от которых еще на два беспилотника стало меньше. Теперь оставалось только пятеро, и один из них угрожающе надвигался на Таис. Он пальнул парой длинных очередей, но Тайке удалось нырнуть под его брюхо и выскочить за спиной. Разворот и удар.

Она особенно не целилась и потому промазала. Луч прошелся совсем рядом, беспилотник дрогнул, мгновенно развернулся и выстрелил в ответ. Но Таис уже скомандовала опуститься и сдать назад. Еще раз назад. Теперь набрать высоту, пронестись над беспилотником на высокой скорости и при этом палить в него.

Есть! Сгорел!

Такой приемчик Таис видела в игре Федора – тот умел сражаться.

Точно, игра! Вот почему и Егор, и Федор так уверенно подбивают катера! Они же столько раз играли в подобные битвы. Умелые вояки, ничего не скажешь.

Тогда поиграем. Займем место рядом с Федором – и вперед.

– Я обращаюсь к пилотам катеров класса В, которые покинули станцию, – вдруг зазвучал в наушниках звонкий до

металла голос. – Я хочу наладить с вами контакт. Меня зовут Иминуя, я – управляющий интеллект крейсера, который вы атакуете. Ваши действия по нормам Всеобщей конституции характеризуются как агрессивные. Вы не имеете права включать силовое поле и запрещать крейсерам Гильдии доступ к собственности Гильдии. Вы не имеете права атаковать и пользоваться лазерным оружием. Вы являетесь нарушителями, и ваши действия ведут к силовому противостоянию. Немедленно прекратите огонь, снимите силовое поле и откройте доступ к станции.

Голос наконец умолк так же неожиданно, как и начал. Таис подпрыгнула от возмущения, ругнулась, после четко выдала:

– Очнулись наконец. А еще что нам сделать? Вы что, не могли выйти на связь, как нормальные? А кто сейчас палит по нам? Кто первый начал? Это вы совершаете агрессивные действия. Так что пошли вон!

– Ты слышала, Тайка? – тут же заорал в ухо Егор. – Слышала этот бред? Сейчас я покажу этой Иминуе, что такое настоящая агрессия. Я окончательно разобрался в управлении катером. Тут есть одна штука, отличная, на мой взгляд. Смотрите все, смертельный номер!

И Егор выдал залп. Не просто выстрел, а выстрелище. Большой огненный шар долетел до крейсера и взорвался в его боку, засыпав все яркими искрами. Крейсер дрогнул, накренился, и бок его пошел густым дымом, словно бы весь ко-

рабль был начинен черной гадостью, которая теперь выполняла в проделанное отверстие.

– Давайте назад, возвращаемся, – напряженным голосом напомнила Таис. – Назад, на станцию.

Сейчас мальчишек увлечет. Федор наверняка воодушевился и в свою очередь сам пожелает задать еще раз крейсерам.

– У меня тут говорит какая-то Иминуя, вы слышите ее? – спросил Федька.

– Еще как. Тарахтит без умолку, – тут же согласился Егор. – Сейчас я им задам агрессивный контакт. Это еще была не агрессия, миленькая Иминуя. А вот сейчас я покажу тебе настоящую агрессию. Стреляем все по этой заразе...

– Назад, Федор! Скажи всем, что надо возвращаться! – закричала Таис, стараясь перекрыть четкий голос, что снова начал предлагать сдаться и отключить силовое поле.

– Они здесь, – неожиданно выдал Тошка. Он вообще был немногословен, стрелял, когда надо, летел, куда надо, – видимо, полет катера увлек его до такой степени, что даже говорить расхотелось.

И сейчас его фраза прозвучала совсем тихо, а наглая Иминуя и вовсе практически заглушила странные два слова. Но Таис услышала. «Они здесь» – это то, что было написано на стене в коридоре станции. Это о фриках, наверняка. К чему Тошка его повторяет?

Впрочем, возможность понять у нее появилась тотчас.

Потому что второй крейсер выпустил новых беспилотников – и их было уже больше десяти. Машины вывалились в космос и открыли такой яростный огонь, что пришлось улепечивать. Одному Федору повезло: он оказался вне зоны доступа беспилотников. Во всяком случае, они не стреляли в его сторону, может, потому, что не желали повредить собственный крейсер.

Теперь уже не надо было напоминать о том, что нужно вовремя отступить. Егор и Тошка рванули к станции, но Федор так и остался под тяжелым черным брюхом противника. Он не двигался с места и наконец на вопли Таис о том, что пора уходить, ответил:

– Катер вышел из-под моего управления. Не могу заставить его лететь, уже отключил автопилот – бесполезно. Не реагирует ни на одну команду. Меня будто бы затягивает внутрь крейсера. И Иминую постоянно тарыхтит...

– Я же говорила, что надо было вовремя уходить! Не слушаете меня никогда! – взорвалась Таис.

Этого только не хватало! Потому что надо было убратсья вовремя! А теперь что, тянуть Федора на буксире? Что там случилось с его катером? Подстрелили, что ли?

– Твою машину повредило? – торопливо спросила его Таис.

– Да не понять, что случилось. Не слушается приказаний. Не двигается, замерла. Неполадки в управлении. Чувствую только, что втягивает в крейсер – продвигаюсь потихоньку к

их шлюзу. Сейчас совсем рядом окажусь.

– Я лечу к тебе, попробую вытащить.

– Не вздумай!

– Егор, Тошка, возвращайтесь на станцию. Мы будем чуть позже. Давайте убирайтесь быстрее, пока целы!

– Может, мы тебя прикроем? – уточнил Егор.

Таис рывкнула на него, Федор тоже решительно велел убираться. Таис попросила катер увеличить скорость и, сделав круг, залететь с обратной стороны. Взять разгон, подняться повыше, чтобы обойти россыпь беспилотников, палящих лазерными лучами с настойчивостью параноиков.

Добраться бы целой до Федора. И почему всегда приходится его выручать? Что это за проклятие такое?

Удалось подлететь вплотную к крейсеру, правда не сразу. По боку Тайкиной машины шарахнули лучом, один из двигательных модулей задымился, что резко снизило скорость.

Иминую опять вещала об агрессивных действиях – один и тот же текст, словно записанная звуковая дорожка. Таис уже не обращала на нее внимания: это машина, она просто выполняет заданную программу. Теперь она могла думать только о Федоре – а его катер уже находился в самом проеме шлюза. Бледный свет оттуда освещал корпус катера, придавая ему зловещую четкость, и Таис, поддетая под брюхо крейсера, понятия не имела, что теперь надо делать.

Что делать? Да ничего, поздно спохватились, и Федька почти полностью оказался внутри, и крейсер буквально про-

глатывал его. Вот-вот закроется шлюзовый отсек, и тогда...

Что тогда – Таис не успела подумать, потому что отдала распоряжение лететь прямо за Федором. И катер плавно и легко прошел внутрь большого, светлого крейсерного шлюза с блестящим белым полом и такими же блестящими белыми стенами.

– Зачем ты тут? – устало прозвучал в наушнике голос Федора.

– Чтобы надавать тебе по шее. Сказала же – уходим. Нет, надо было строить из себя героя, геймеры чертовы!

Иминуя наконец заткнулась. Закрылся за спиной шлюз, а у катера Федора открылся верхний люк. Просто пополз вверх, медленно и плавно. Сама его машина чуть поблескивала, облепленная чем-то странным. Какими-то светящимися штучками, каждая не больше ладони. И на обшивке катера Таис сидело несколько таких штучек. Впрочем, внимательно разглядывать их не было времени.

– Катер сам делает, что хочет. Программы все взломаны, – доложил Федор.

Таис не стала ждать, пока говорливая Иминуя взламывает и ее машину. Где тут отключается автопилот? Вот он, виртуальный рычаг, надо всего лишь отвести рукой в сторону, до самого упора. Вот так.

Виртуальная голограмма из сиреневой стала белой, а после и вовсе пропала. Шлем погас и теперь только мешал смотреть. Таис стянула его, положила пальцы на плоские

кнопки панели и проговорила:

– Ну и как управлять этой штукой? Федь, давай сюда, спрячемся у меня в катере.

3

Федор не заставил повторять дважды, проворно выкатился из кабины, плюхнулся на поли, согнувшись, пробрался к Таис. После тихо велел:

– Выходи немедленно. И зверюгу бери. Быстро, сказал!

В голосе его прозвучало столько накала, предельного, горячего, что Таис без лишних слов отстегнула ремень, поднялась, схватила за шкурку шипящего и машущего лапами Пушистика и принялась перелезать через открытый люк.

Надо было бы спросить, почему они покидают катера, но времени не было. Где-то впереди раздалось тихое шкрябание, еле слышное, будто кто-то осторожно стучит по гладкому полу. Стук-стук – стук. Точно маленькие коготки. Спрыгнув вниз и пригнувшись, Таис тихо спросила:

– Что теперь?

– Прячемся. Если мои догадки верны, то надо уйти отсюда в безопасное место как можно скорее.

– Где безопасное место?

Стук усилился, к нему добавились еще какие-то странные звуки, будто щелчки. И наконец в самом конце длинного ангара, разветвляющегося на два коридора, появи-

лись три странные штуковины. Ростом чуть меньше метра, на нескольких ногах-щупальцах, полупрозрачные, приткие. Они немного походили на пауков, только не видно было голов, лишь плоские туловища, прозрачные, заполненные светящимися диодами и крошечными металлическими штучками. В многочисленных лапах проходили узкие металлические штыри, которые слегка поблескивали, отражая яркий белый свет.

– Валим! – яростно прошипел Федор и потянул ее куда-то вбок.

Он, оказывается, углядел в стене проем, ведущий в узкий коридорчик, такой же белый и блестящий. Стены его оказались холодными и гладкими, Таис едва протиснулась в тесное пространство.

Не успел Федька забраться к ней, как грянули выстрелы. Вернее, зашипели и зачавкали, плава корпуса катеров. Вот тебе и контакт с Иминуей! Вот тебе и добровольная сдача!

Таис дернулась, протискиваясь дальше, Федька забрался вместе с ней.

– Это палят те самые прозрачные штуки. Это что, роботы нового поколения? – пробормотал он.

– Ты цел? – шепотом спросила Таис.

– Вовремя убрались. Я догадался, что церемониться с нами не станут, как только Иминуя эта заглохла. Все, катера наши сплавились в лепешки. Сейчас дожарят их и столкнут в космос. Давай уйдем отсюда, это же шлюз. Нас тоже может

вынести в открытый космос, как только станут выкидывать то, что осталось от наших катеров.

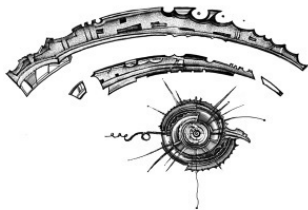
– Куда?

– Туда, где есть люди. Должны же тут быть люди, в конце концов.

– А если мы заразим их вирусом, что тогда?

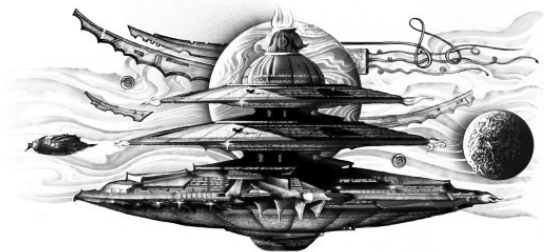
– Так и надо. Будут знать, как нападать на станцию.

– А ты злой, как я погляжу, – прошептала Таис и принялась проворно протискиваться дальше по коридорчику.

Глава 8

Эмма. Поломанные уборщики и девочка Женя

1

Просыпаешься утром и – вуаля. Ты в чужой постели, закутана в чужое одеяло, под головой – чужая подушка. Незнакомым голосом поскрипывает чужой диван, и в момент соприкосновения с реальностью вдруг понимаешь: это не потому, что вечером заблудилась и случайно попала не туда. Это потому, что сама жизнь изменилась навсегда. Ста-

ла чужой, неуправляемой, незнакомой. Скрипучей и какой-то... не своей.

Эмма повернулась и с удивлением обнаружила, что ее собственное одеяло оказалось на полу и потому она укрылась Колькиным. А тот устроился в кресле, прикрыв ноги пледом, и сопел так сладко, словно под головой у него находилась не маленькая диванная подушечка, а ортопедический матрас, принимающий форму тела и поддерживающий правильную осанку.

Они теперь единственные взрослые на станции, если не считать Маши, Кати и Нитки. И принимать решения только им. Времени лишнего нет, надо вставать и браться за дело...

Впервые в жизни Эмма не хотела просыпаться. Нахлынула волна безнадёги, захлестнула и утянула с собой всю энергию. Да и какой смысл что-то делать для станции и для детей, если совсем скоро крейсера пробьют силовое поле, и тогда в живых, видимо, не останется никого.

Тогда к чему все эти планы и приготовления к праздникам? Эмма натянула пушистое одеяло – синее, в белую клетку – до самого подбородка и уткнулась носом в подушку. Она еще пару минут полежит, а после соберется с силами и попробует найти выход...

Хотя бы попробует...

Завозился Колька, выбрался в коридор, ответил что-то веселое на шуточку Доньки о любителях поспать. Уточнил, встала ли Сонька, и застучал тарелками на кухне. Совсем

скоро запахло кофе, ванильным печеньем и банановым салатом. Интересно, на сколько хватит запаса бананов? На неделю, две? Или все-таки на месяц?

Время пролетит быстро, очень быстро. И с каждой прожитой минутой конец будет неотвратимо приближаться...

– Эм, смотри, я принес кофе с печеньем и салат. Вставай, уже почти девять часов. Завтракаем и поднимаемся наверх.

– Что там делать? – скривилась Эмма.

– Придумаем что-нибудь. Еще раз запустим катера.

– Только не это. Хватит с нас и одной потери. Ты... – Эмма рывком села и спросила, глядя в упор на Кольку: – Ты думаешь о том, что случилось с Таис и Федором? Наверное, их уже нет в живых... Их убили там, в крейсере Гильдии. Роботы или люди – расстреляли, спалили или еще что-то.

– А вдруг они предложат обмен? Скажут – сдавайтесь, тогда вернем ваших друзей. Пошли узнаем, как дела.

– Можно и так спросить у Мартина.

– Эм, тебе надо взбодриться. В жизни не видел тебя такой рохлей. Ты пила свою таблетку?

Только Колька из всех ребят знал, что Эмма принимает таблетки. Она предпочла никому не рассказывать об этом небольшом нюансе. Вовик особенно не болтал о болезни Эммы, у него в голове это событие заметно поблекло на фоне нападающих монстров и стреляющих пятнадцатых. Потому никто на станции не знал, что Эмма сама чуть не стала монстром. Говорить о таком казалось неудобным и неприлич-

ным. Словно бы ронять собственное достоинство. Словно бы вдруг Эмма теряла человеческую сущность.

Потому об этом не говорили, по умолчанию. Кольку и не надо было предупреждать, он и так все понимал. Но время от времени шутиливо напоминал о таблетках.

Эмма и без того знала, что их надо принимать. Вирус все больше и больше менял ее изнутри, добавляя новые способности. Вот появилась способность предчувствовать, какая-то дикая интуиция, которая временами безошибочно подсказывала, чем закончится тот или иной проект.

И сейчас эта самая интуиция просто криком кричала, сообщая, что станция в опасности. В очень большой опасности. И если бы Эмма была зверюгой, она бы завывала от скверной, мрачной уверенности. Выплеснула бы вместе с воем переполнявшие душу чувства, поделилась бы с сородичами бедой, искала бы у них поддержки. И когда стая ответила бы дружным воем – убедилась, что не одна. Что ее поняли и приняли.

Сейчас именно одиночество сильно сводило с ума. Хорошо, что есть рядом Колька, потому что Донька уже не казался надежным и добрым другом и верным помощником. От него пахло платами, металлом и пластиком, а это значит, что от него пахло *неживой материей*. В лоне не было *жизни*, он был ненастоящим. Его, можно сказать, и не было, по понятиям фриков.

И как раньше Эмма могла испытывать к нему что-то вроде

привязанности? Глупая была потому что.

Вот Колька – тот живой и настоящий. Хотя и непутевый, недисциплинированный, бестолковый. Но настоящий. Почистил зубы – запах зубной пасты Эмма отлично уловила, едва он перешагнул порог комнаты. Принял душ и помыл голову – но запахи шампуня и геля никак не могли полностью заглушить запах самого Кольки. Тот пах уютно, знакомо. Его запах можно было назвать родным.

И еще от него пахло... Эмма с трудом могла подобрать нужное слово. От Кольки пахло мужчиной. Он и был им – мужчиной, хотя еще не брил щек и временами казался слишком худым и угловатым.

Но где-то в глубине этого мальчишки уже угадывалась сила. Смутная, непонятная, даже странная. Эмма не могла толком понять, что это, но ее привлекала новая сторона Колючего. И она могла биться об заклад, что сам Колька об этом не подозревает.

– Ты сегодня не похожа на себя. Это потому, что переживаешь за Тайку и Федьку? Брось. Могу поклясться, что роботам и людям с Гильдии их не одолеть. Фрики же не одолели. Я при любом раскладе поставлю на наших. Вот посмотришь, Тайка так просто не сдается.

– Что они могут сделать вдвоем против целой команды крейсера? Их запрут сразу же в карцер или в изолятор какой-нибудь.

Колька вдруг хитро улыбнулся, осторожно подул на горя-

чий кофе с молоком в своей кружке, глянул из-под короткой черной челки и тихо, но четко произнес:

– Ты забыла о вирусе.

– Что я там забыла?

– Они носят в себе вирус, они выдыхают огромное количество вирусных клеток каждую секунду. Они – ходячая вирусная бомба. Знают ли об этом в Гильдии? Насколько быстро они обезопасят себя?

– Довольно быстро. Уничтожат сразу, как только те двое появятся у них в ангаре.

– Посмотрим. Я думаю, мы узнаем рано или поздно. Думаю, что скоро все станет предельно ясно. – Колька стал серьезным и велел: – Давай ешь! Где там твои таблетки, я сейчас принесу.

– Я сама. Опекаешь меня, будто я маленькая девочка.

Дверь тихо отъехала в сторону, и показалась заспанная Сонька. Схватила со столика печенье, захрустела и спросила с набитым ртом:

– Можно, я сегодня с вами наверх? Пожалуйста, Эм. У меня сегодня нет никаких заданий, вчера я работала в библиотеке, мы ремонтировали и восстанавливали ветхие книги.

– Да, программа «Новая жизнь книг», я помню, – кивнула Эмма и слабо улыбнулась.

Она сама с удовольствием принимала участие в этой программе, ей нравилось наблюдать, как с помощью принта-копира восстанавливались старенькие страницы, как после их

заправляли в машину прошивки, и оттуда выезжала новенькая бумажная книга, и со старой они были похожи как две капли воды. Старые книги тогда отправляли в лучевую печь, а новые занимали их места на полочках и весело поблескивали яркой позолотой на тиснении, соблазнительно пахли свежей бумагой и притягивали к себе, точно магнит. Хотелось взять их и прочесть.

Эмма вспомнила, что, заглянув вчера вечером в комнату Сони, видела там стопочку библиотечных книг. Видимо, сестренка тоже равнодушна к новым фолиантам и набрала себе чтения на пару недель.

– Мы сделали всю программу, уложились в два дня и вчера закончили. Поэтому нас до конца этой недели отпустили, – продолжала Соня, не переставая грызть печенье. – И у меня теперь свободный день. Вообще вся эта неделя свободная. Я очень хочу увидеть Третий уровень, ну Эмма, ну пожалуйста!

Глаза умоляющие, синие. Ресницы пшеничные с золотым отливом, длинные. Брови тоненькие и изящные, точно усики у бабочки. Сонька обещала вырасти красивой девочкой, очень похожей на свою старшую сестру.

Может, действительно пусть идет? Ей там ничто не угрожает, а к хулиганству и баловству Соня не склонна. Эмма вопросительно взглянула на Кольку, тот добродушно пожал плечами и согласился:

– Конечно, пусть идет. Она же наша, из капитанской се-

мы, можно сказать.

Эмма чуть не поперхнулась кофе. Это о какой семье он только что сказал? Что имел в виду?

Но уточнить не успела, потому что Сонька сжала ладонь в кулак, махнула рукой, громко выкрикнула: «Йес!» – и помчалась в свою комнату. Одеваться, надо думать.

– Все, не копаемся. Пошли, кофе наверху сможем попить. Пусть лон тут убирает, – распорядился Колька и поднялся, осторожно держа в руках кружку с недопитым кофе.

2

Соне понадобилось пять минут на то, чтобы умыться, почистить зубы и натянуть на себя белую футболочку и спортивные серые штаны. Она торопливо завязала шнурок на поясе и, уже просовывая ноги в туфли, затащила хвост на затылке.

– Я не копалась, – радостно сообщила она Кольке, подпрыгивая от нетерпения.

Но ей, несмотря на суперскорость одевания, все равно пришлось ждать, пока Эмма примет душ, высушит волосы, уложит их легкими волнами и выберет одежду. Сегодня не хотелось ничего строгого и официального. Сегодня, глядя на свое отражение в зеркале, Эмма вдруг подумала, что сама бы отправилась в капитанскую рубку в уютных тапочках и пушистом халате. Какой смысл выглядеть строгой и ответ-

ственной, если никого твой внешний вид не интересует? Кольчому – и тому все равно...

Колька был в чистой рубашке и каких-то серых просторных штанах. Голова его не успела высохнуть после душа, глаза влажно и решительно блестели.

– Вперед, девчонки, – весело распорядился он, но Эмма была уверена, что за нарочитой бодростью скрывается такая же растерянность, как и у нее.

Дети на Третьем уровне не бывали никогда – это было негласным правилом, не записанным и не озвученным. Все на станции знали, что выход за Второй уровень запрещен, что дальше и выше – территория запретная и чужая, территория только для взрослых. Когда-то она была для Эммы пределом мечтаний, когда-то с ней связывались самые лучшие надежды и чаяния, которые совсем недавно разбились вдребезги.

Третий уровень раз и навсегда утратил романтичность и притягательность и теперь временами пугал своей пустотой и тишиной, вот как сейчас: открылись двери лифта, и Эмма мгновенно окунулась в светлую и чистую торжественность коридоров.

Колька решительно зашагал вперед, Соня поскакала рядом, и их шаги были единственными звуками на весь уровень. Еще вчера тут звенела бодрими нотами музыка из спальни Таис и Федора – еле уловимые звуки, которые простому уху были недоступны (двери служили надежными изо-

ляторами), но Эмма их слышала, и они говорили о том, что здесь живут люди.

Теперь, кроме Колькиных и Сонькиных шагов, тишину не нарушало ничто. Не слышно было даже роботов-уборщиков. Да и что тут убирать? Крейсера не приходили, грузы никто не отправлял. Коридоры пустовали, погруженные в печальную отрешенность.

– Штурманы в рубке, – уверенно выдал готовую формулу Мартин, но это вызвало только излишнее раздражение. А ведь раньше, еще вчера, фраза о присутствии штурманов радовала.

– А мы уже догадались, – пробубнил сидящий за овальным столом-монитором Егор. Перед его носом красовалась огромная голограмма, изображающая станцию и крейсера. Теперь стреляли только три крейсера, но по-прежнему упорно. – У них должен когда-нибудь закончиться заряд, – мрачно сказал Егор. – Не могут же они быть вечными. Уже больше суток торчат тут и палят по нам.

– А ты что здесь делаешь? – спросил его Колька, устраиваясь в кресле рядом.

– Слежу. Наблюдаю. Кто-то должен нести вахту. Вы вчера завалились спать – все такие печальные, что мама не горюй. Вот мы с Жанкой и решили всю ночь дежурить, мало ли что.

– Если бы «мало ли что» случилось, Мартин доложил бы сразу.

– А вдруг бы и не доложил. Я сегодня утром прошел по

Третьему уровню. Ну, мне в туалет надо было. И увидел вот что. – Егор наклонился под стол и вытянул пластиковую банку из-под шоколадной пасты.

Крышка с присоской надежно удерживала в чистой таре полупрозрачную каракатицу, точно такую же, какие привезли на своих катерах Егор и Тошка.

– Знаете, где она была? На роботе-уборщике. И теперь ни один уборщик не работает. Не знаю, как на Втором уровне, но здесь я специально крошил перед уборщиком хлеб – он даже не дернулся. Ни один не загорается. Похоже, эта гадина умудрилась испортить нам всех уборщиков.

– Да это бред! – нахмурился Колька. – Быть такого не может! Одна штука не может повредить всех уборщиков.

– Можешь сам посмотреть, – совершенно спокойным голосом ответил Егор.

– Выходит, мы что, одну каракатицу пропустили? – спросила Эмма, хотя ответ и так был ясен.

– Ну конечно, – тут же подхватил Егор, – именно так. И вполне возможно, что не одну.

– Я займусь уборщиками прямо сейчас. Просто перепрошью их программы. Все, – решительно сказал Колька и вышел в коридор.

– Тоже дело, – согласился Егор.

– Я помогу ему. Тут, значит, все без изменений? – Эмма кивнула на голограмму.

– Совершенно. Поврежденный крейсер они так и не по-

чинили. Но и не отвели его от станции. Поди пойми, что им надо.

– На этом крейсере должны быть Таис и Федор.

Сонька осторожно приблизилась к голограмме и уточнила:

– Это наша станция, да?

– Зачем ты привела эту мелкую сюда? – нахмурился Егор.

– Она моя сестра, она не помешает. Расскажи ей, что к чему. Пойду помогу Кольке.

С уборщиками все оказалось гораздо сложнее, чем надеялся Колочий. Поразивший их вирус полностью уничтожил все базовые настройки, сжег точечные материнские платы и превратил сложные механизмы роботов в бесполезную груду металла и пластика.

– Единственное, что можно сделать – это полностью заменить в них всю электронику. Все платы. На самом деле гораздо проще закупить и запустить новые, – выдохнул Колька, разобрав очередную машину.

Эмма и сама это отлично понимала, потому, закрыв куполообразного робота, проговорила:

– Это было нашей серьезной ошибкой – выпустить катера. Представь себе, что они могут сделать с пятнадцатыми, например. Или с Мартином, если доберутся. Надо немедленно осмотреть весь Третий уровень. И весь Второй. Мы могли пропустить еще несколько каракатиц.

– Сомневаюсь, что мы обнаружим эту гадость. Эти ходя-

чие чипы слишком подвижны и незаметны, они же прозрачные, их просто не видно. Это их особенность – сливаться с окружением, заметила? Сделаны просто отлично, я о таких технологиях не знаю.

Чип малюсенький, не больше зернышка, но он управляет тем покрытием, в котором находится. А это покрытие – не резина и не живая плоть. И не металл. Что-то новое и странное, такого еще видеть не приходилось.

– Да, у этих штук есть все шансы заполнить нашу станцию. Что же делать? Может, попробовать сканировать их на планшете, вычислить код и...

– И загрузить его в пятнадцатых. Пусть они ищут по коду. Все правильно, только если удастся разобраться с ними.

За спиной Эммы появилась Соня. Наклонилась, опершись ладошкой об Эммино плечо, спросила:

– Можно, я пройду по коридору, посмотрю тут? Ладно?

– Только здесь рядом. В каюты не ходи, поняла? – бросила Эмма, не оборачиваясь.

Рядом с каютами находился детский отсек, где в кувезах созревали новые дети. Лучше Соне туда не соваться и не мешать роботам. Тамошние лоны не любят лишних посетителей и ревностно оберегают своих питомцев. А в общих коридорах Третьего уровня вполне безопасно, можно хоть на магнитных досках гонять – никто не встанет на пути и не помешает.

Сонька радостно поскакала вперед и скрылась за поворо-

том. Эмма тут же перестала думать о ней, хотя в глубине души почему-то была рада, что младшая сестренка рядом. Со- здавалась такая себе видимость семьи, что ли. А может, у них теперь действительно настоящая семья – Эмма, Соня, Коля и еще Лонька в придачу. Хотя сложно определить, какое место в такой семье занимает Колька. Он ведь не был кровным родственником.

Колючий уже сгреб в охапку останки робота-уборщика, заявив, что и с этим хочет как следует разобраться.

– Прихвати мой планшет, пожалуйста. И пошли в рубку. Надеюсь, крейсера еще не просверлили дырку в нашем силовом поле...

Эмма вдруг резко остановилась, посмотрела на заросший затылок шагавшего впереди Колючего и задумчиво проговорила:

– А им и не нужна была дырка в силовом поле. Основной их задачей было запустить к нам вот этих каракатиц. Если эта мелочь способна выводить из строя сервера и платы, то больше никакой силы и не надо. Они провоцировали нас, чтобы получить доступ хотя бы к какой-нибудь нашей технике. Даже если бы мы выслали беспилотников – если бы они у нас были, – для них это все равно было шансом. Понимаешь?

– Тогда зачем они втянули к себе Федьку? Он как раз больше всего подцепил каракатиц, судя по рассказам Егора и Тошки.

– А от Федьки они надеялись получить более полную ин-

формацию о станции. Может, он уже раскололся и все рассказал...

– Ерунда, – отрезал Колька, но вовсе не так бодро и уверенно, как говорил перед этим.

Эмма вздохнула. Ей почему-то казалось, что двигается она на ощупь, в темноте. Блуждает во мраке, пытаясь понять, как же им надо действовать. Только никаких указателей на этом пути не было. Никто не подсказывал и не помогал.

Можно было, конечно, спросить Мартина, но его ответ будет полностью смоделирован теми программами, что стоят в его платах. Ничего нового и незапланированного. Ничего оригинального и дельного. Мартин был всего лишь обслуживающим персоналом.

– Вот то, что осталось от уборщика, – сообщил Колючий Егору, а тот ловко выругался, даже не покраснев. Закон теперь не очень соблюдали, и старшие дети начали позволять себе всякие вольности.

С этим тоже надо было разобраться, но чуть позже. Не до воспитания сейчас, по крайней мере не до воспитания подростков.

На голограмме все оставалось без изменений. Егор увеличил ее, и теперь она висела над серединой овального стола-монитора.

– Как бы половчее подключиться к этому чипу, – пробормотал Колька, трясая пластиковой банкой с утренним трофеем.

– Будь осторожнее, чтобы она не передала свой вирус через твой планшет на все остальные планшеты. Представь себе, что будет, если вся станция вдруг окажется без нужных систем, – резко сказал Егор. – Лучше не горячись.

– Надо продумать этот момент. Видимо, пристав к одному уборщику, она после через беспроводную связь передает вирус всей системе. А как еще? – Колька поднял глаза на Эмму и уверенно продолжил: – Именно так. Выходит, у них есть программа, способная подстраиваться под различные коды. Ведь эти штуки взломали и катер Федьки, а тот гораздо сложнее роботов. Просто надо больше времени, что ли. Сейчас мы вот что сделаем...

И Колька принялся открывать заднюю тонюсенькую пластинку своего планшета.

Эмма догадалась, что он собирается делать. Он вытянет чип беспроводной связи и оставит только системник, начинку, в которую можно впаять чип каракатицы. Правда, остается вопрос программ. Надо, чтобы система планшета распознала, увидела чип, иначе ничего не получится. А это в свою очередь зависит от языка, на котором прописаны программы чипа.

Но можно и переделать под чиповый язык систему, просто возни будет много. На пару дней – пока все пропишешь. Придется все это делать вручную, если язык чипов незнакомый. Принцип у языков все равно общий, и в этом Эмма сама отлично разбирается.

– Эмма! – снова раздался совсем рядом голос Сони. – Ты говорила, что на Третьем уровне нет никаких детей. А я только что видела девочку и даже говорила с ней. Правда, она отказывается идти сюда.

– Какую девочку? – не поняла Эмма, с трудом отрываясь от раскученной платы уборщика.

– Пойди и посмотри сама. Она прямо в коридоре. Пошли, покажу.

Свет в рубке вдруг мигнул, и Мартин сообщил об очередной перезагрузке энергомодуля.

– Временно будет погашен свет в общих коридорах. Семь минут, потом электричество снова заработает, – уточнил он.

И в подтверждение его слов коридоры погрузились в темноту. Сквозь стеклянные двери Эмма с удивлением увидела, какими темными бывают повороты и закутки, как мгновенно поглощает мрак весь Третий уровень. Только в рубке зажглось аварийное освещение – небольшие круглые лампочки в стенах.

Сонька проворно заскочила внутрь – закрывающиеся двери тихо прошипели за ее спиной. И Эмма вдруг поняла, что незнакомая девочка сейчас осталась в темноте Третьего уровня. Одна в больших коридорах.

Видимо, дети внизу совсем разболтались и кто-то из них решил проникнуть наверх, как в свое время хотел сделать Илья.

– Пойду найду ту девочку, – сказала Эмма. – Жаль, что

тут нет фонарика.

– Как нет? У меня есть, остался еще с прошлого раза, когда мы ходили вниз, к ангарам, – тут же подскочил Егор. – Правда, небольшой, но тебе сойдет. Не к фрикам же топашь. Хотя тут коридоры безопасны, можно и не искать глупую девочку, что забрела невесть куда.

– Нет, Эмма, ты должна ее найти! – тут же взвилась Сонька. – А если бы это я сейчас оказалась в темноте? Я бы так орала, что прибежали бы все пятнадцатые.

– Может, действительно послать пятнадцатых? – спросил Егор.

Колька, полностью погружившийся в работу, не отреагировал никак.

– Пойду сама. Вдруг ребенок испугался, хотя вроде бы плача не слышно. Свет выключили всего на семь минут. – И Эмма решительно зашагала в темноту, светя себе под ноги фонариком.

– Она в той стороне, где большие такие двери! – крикнула Соня вслед.

Ладно, сейчас будем разбираться, где тут большие двери.

3

Теплая темнота обступила сразу, но Эмма не боялась. Чего тут бояться? Не пятнадцатых же, ставших послушными и верными, после того как Федор перенастроил их программы.

Эмма рассчитывала, что услышит ребенка: ее слух улавливал даже самые осторожные и тихие движения. Поэтому прислушивалась, стараясь уловить всхлипы или крики. Но она успела пройти два поворота, выйти к широкому коридору, ведущему к главным лифтам, прежде чем темнота выдала тихий сердечный стук.

Эмма услышала его, едва ступила на мягкое покрытие, и фонарик высветил еще одного робота-уборщика, застывшего у стены в странной позе – с задранными чистящими щупальцами и возмущенно мигающим диодом на самой верхушке. Этот слабый диод отбрасывал бледный синеватый круг на пол и на стену.

Эмма обошла уборщика и прислушалась. Да, ребенок где-то рядом. Сидит тихонечко и, судя по ровному сердечному стуку, вовсе не боится. Дышит слабо и редко. Может, без сознания?

Эмма заторопилась, но вдруг нахмурилась и замедлила шаги. Она слышала, как бьется сердце – медленно и ровно. Улавливала дыхание – такое слабое и редкое, что казалось нереальным. Но не чувствовала запаха. Вообще. Если ориентироваться на запахи – а Эмма уже давно именно так и делала, – то людей в этих коридорах нет.

На самом деле, если принюхиваться, то любого человека можно найти с закрытыми глазами – просто идти по его запаху. Этот неуловимый след никогда не обманывал, и Эмма даже чувствовала чужое волнение и страх. Адреналин и ча-

стое сердцебиение раздражали и нервировали ее саму, словно несли сигнал об опасности.

А тут в полнейшей темноте и тишине билось чье-то сердечко, но ни малейших запахов. Быть такого не может! Вдруг это просто какая-то запись и ее дразнят?

Только кто? О своих способностях Эмма не рассказывала ни одной живой душе. Колька знал лишь про таблетки, что Эмма их принимает. А того, что она улавливала его присутствие по запаху и еле слышным звукам, не знал даже он.

Эмма поняла, что нервничает: ее собственное сердце забилось в ускоренном темпе, вызывая волну тревоги. Опасность – вот о чем кричала интуиция.

Здесь опасно, здесь есть чужак, не издающий запаха!

Эмма повела плечами, вытянула руку с фонариком, стараясь захватить тонким лучом как можно больше пространства. Хотя какой смысл? Она и так знает, что в этом коридоре совсем одна.

Широкий коридор привел к дверям цеха, по-прежнему закрытым. Здесь было пусто и спокойно, лишь где-то рядом находился ребенок – его сердце стучало совсем близко. Эмма даже слышала тихие шаги, осторожные и мягкие. Вот чего, спрашивается, шастать в темноте? Небось удрала со Второго уровня и теперь боится, как бы не влетело. Вот и надеется пересидеть в темноте. Только почему так уверена и спокойна? Не боится? Хотя чего тут бояться...

Эмма пару раз вдохнула и выдохнула, стараясь скинуть

напряжение. Стукнула зачем-то в двери цеха, стараясь показать беглянке, что та в темноте не одна, и собралась уже уходить, подумав, что, раз девочка не боится, значит, сама найдет дорогу обратно.

В этот момент до ее руки кто-то дотронулся. Это было так неожиданно, что Эмма подскочила и еле подавила крик ужаса. Оглянувшись, рывком навела фонарик.

Совсем рядом стояла невысокая девочка. Обычная, голу-боглазая, с длинной светлой челочкой и яркими заколочка-ми по бокам головы. Она смотрела на Эмму спокойно, невоз-мутимо. Ни грамма эмоций – ни удивления, ни страха. Ми-лый, доверчивый взгляд.

– Не стучи в эту дверь. Они услышат и захотят выйти.

Эмму пробила дрожь. От этого тоненького голоса, от до-верчивого ласкового взгляда, от тонких, теплых пальцев, все еще державших ее за руку.

– Кто они? – пробормотала Эмма, отступая назад.

– Те, кто там, за дверью. Вдруг услышат и нападут. – Голос незнакомки оставался таким же спокойным. Лишь в глазах мелькнула милая улыбка.

После этих слов спало всякое оцепенение и напряжен-ность. Все встало на свои места. Девочка думала, что за две-рью фрики, потому и старалась сидеть тихо и не шуметь, что-бы не привлечь внимания.

– Что ты тут делаешь? – Эмма постаралась придать своему голосу как можно больше строгости. – Детям запрещен вход

на этот уровень.

– А Соня? Ей же можно?

– Соня под моим присмотром. Она моя сестра. А тебе пора вниз, и сейчас же. Как тебя зовут?

– Женя. Моя имя Женя.

– Вот и отлично, Женя. Сейчас включат свет, и я отправлю тебя вниз, к остальным детям. Ты поняла?

– Я поняла. – И Женя улыбнулась с самым невинным видом.

– Тогда пошли.

Эмма взяла Женю за руку и решительно зашагала в сторону капитанской рубки. Вспыхнул свет, залил все ярким сиянием, заставив слегка зажмуриться.

Женя по-прежнему шла рядышком, спокойно и уверенно. Даже не вздрогнула. И тут Эмму снова пронзило странное ощущение. Она даже замедлила шаги.

От Жени не пахло человеком, вот что! Вообще не пахло живым существом, хотя ее плоть и кровь были вполне настоящие, по крайней мере так казалось. Ровно стучало сердце, легкие забирали воздух с одинаковыми промежутками. Вроде бы и девочка, но какая-то...

Какая-то ненастоящая, что ли.

Женя оглянулась, снова улыбнулась – глаза стали добрыми и милыми. На щеках обозначились ямочки.

– Мы пришли? Вот это капитанская рубка?

– Да, мы пришли. Все в порядке. – Эмма улыбнулась в от-

вет и расслабилась. Глупости все это, Женька – обычная девочка. Может, чересчур аккуратная – одежда новехонькая, носочки чистенькие, заколочки яркие. Даже волосы расчесаны с особенной старательностью и уложены за ушками мягкими локонами.

– Можно мне посмотреть? – снова спросила Женя.

Эмма уже не отвечала. Втолкнула девочку в открывшиеся двери и увидела серьезное лицо Кольки.

Тот глянул на Эмму, взъерошил и без того торчащие кверху волосы и тут же сообщил:

– Это не цифровой код. Это какая-то фигня, у которой нет названия. Ты только посмотри, Эм!

– Да, Эмка, я сроду такого не видел, – тут же поддакнул сидящий рядом с Колючим Егор.

Но Эмма лишь отмахнулась. Никуда эти схемы не убегут, сейчас надо разобраться с Женькой, спросить у нее, как она попала на Третий уровень и есть ли тут еще дети.

– Вы знаете эту девочку? Ее зовут Женя. Егор, ты знаешь ее?

– Вообще нет. Да какая разница? Отругай и отправь на лифте вниз. И вели лонам получше присматривать за детьми.

– Где вы эту пигалицу взяли? – нахмурился Колька. – Я ее никогда раньше не видел.

– А тебе-то где ее видеть? – хмыкнул Егор. – Ты же почти не жил на Втором уровне. Отправь ее вниз, Эм, какая разница, откуда она взялась. Она же не фрик, это ясно. Давай

быстрее, и Соньку свою тоже. Надо разобраться вот с этим. — И он ткнул пальцем в Колькин планшет.

— Ладно. Пошли. — Эмма взяла за руку Женю и направилась к лифтам.

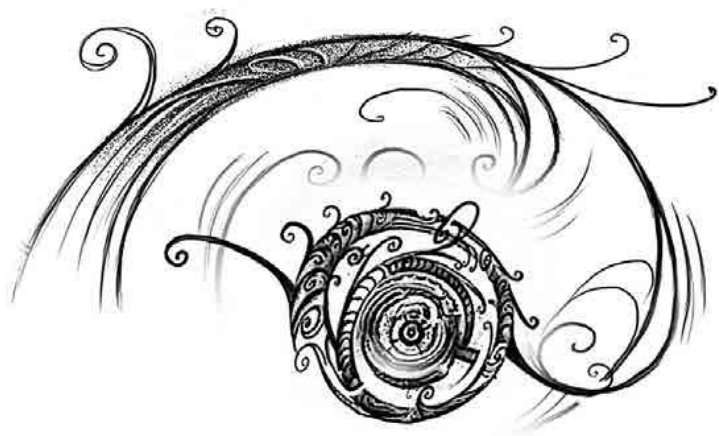
— Мы на Второй уровень, да? Туда, где все дети? — с прежней улыбкой уточнила Женя.

Ладошка у нее была мягкой и теплой. Почему-то ее прикосновения, с одной стороны, нравились, а с другой — вызывали неясную, мутную тревогу. Хотя тревога может быть еще потому, что вообще все на станции идет не так, как надо. Все наперекосяк.

Эмма посадила Женю в лифт, еще раз полюбовалась ее милой улыбкой, велела вести себя хорошо и на Третий уровень больше не лазить.

— Ладно. Не буду, — покорно отозвалась Женя и махнула рукой.

Лифт еще не успел попасть на Второй уровень, как Эмма уже неслась в капитанскую рубку. Теперь ей не терпелось посмотреть на то, что обнаружил Колучий.

Глава 9

Таис. В белых коридорах полно тварей

1

Федор торопился, Таис спешила за ним. В узкое пространство протискивались с великим трудом, помогала лишь гладкость стен. На их поверхности отражались испуганные глаза Таис и зубастая пасть Пушистика, и все это было так близко, что действовало на нервы.

Выскочили в проход, в дальнем конце которого двигались те самые прозрачные, шестиногие каракатицы (кажется, у

них было именно по шесть ног, хотя ручаться Таис не могла — не было времени считать). Они с Федькой успели запрыгнуть в раздвинутые металлические створки с прозрачными стеклами в верхней половине и нырнуть в первый же попавшийся поворот и оказались в еще одном узком проходе. Стиснутые со всех сторон гладкими стенами, в которых кое-где попадались тоненькие металлические волоски, проходящие сверху вниз, они могли наблюдать, как медленно и уверенно двигаются по коридору каракатицы. Совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Их лапы тихо пощелкивали, и Пушка этот звук страшно раздражал.

Он бы разразился громким шипением и выдал их с Федором с потрохами, но Таис вовремя вспомнила, что напихала в карманы шоколадных конфет. Она принялась торопливо доставать их из узкой пластиковой коробочки и совать в рот зверенышу. Любимая еда тут же охладила пыл воспринувшего духом Пушистика.

Здесь, на враждебном крейсере, ему, судя по всему, нравилось гораздо больше, чем в космосе или в ангарах с раздражающим сигналом «Опасность». Он перестал дрожать и судорожно цепляться когтями за одежду, приободрился и даже пытался вырваться из рук и отправиться на разведку.

Каракатицы между тем прощелкали куда-то вперед и скрылись. Двери шлюза закрылись, и по раздающемуся с разных сторон шипению Таис догадалась, что их было несколько.

Федор ничего не говорил, лишь знаками показывал, что надо следовать за ним. Таис подчинилась. Теперь она слабо представляла себе их дальнейшие действия. Что им тут делать на крейсере? Скрываться и пробовать найти подходящий летательный аппарат, чтобы вернуться на станцию?

А вернуться очень хотелось. До нервного зуда, до глухого раздражения, до еле сдерживаемого крика.

Зря они затеяли вылазку в космос. Ведь планировалось, что это будет просто разведка, они всего лишь опробуют катера, поучатся летать на них. А на деле Егор сейчас же ввязался в бой. Таис, как штурмана, предупреждающего об опасности, никто не слушал: мальчиков одолело желание играть в войнушку. Вот только надо понимать разницу между игрой и реальной битвой.

И теперь что, спрашивается? Теперь осталось только сказать: «Доигрались». Если бы мальчишки послушались и убрались вовремя, Таис и Федька не попали бы в эту передрягу!

Федор же, видимо, не особенно переживал о случившемся. Во всяком случае, вид у него был очень даже уверенный. Он пробирался вперед, орудуя локтями, и Таис только и оставалось, что поспевать за ним, удерживая беспокойного Пушистика.

На стенах стали появляться крошечные точки светящихся диодиков. Синие и зеленые, они пронизывали стены и бросали на их поверхность неяркие блики. Между ними проле-

гали еле угадываемые металлические волоски, и, следуя мимо всего этого мигания и свечения, Таис вдруг почувствовала, что в стенах идет какая-то своя жизнь. Электронная, программируемая, но тем не менее жизнь.

Каждая стена выполняла свою собственную функцию, потому что в ней находились мощные сервера, отвечающие за работу крейсера. И на незнакомых пришельцев стены не обращали внимания – ничто не нарушало мерного мигания диодов и холодного молчания здешних коридоров.

Добрались до перекрестка – четыре ответвления расходились под абсолютно правильными и четкими прямыми углами. Куда теперь?

Федор уверенно повернул направо. Таис не стала спрашивать. Сама она мало что понимала во всех этих коридорах. Промелькнула мысль, что так легко заблудиться и остаться здесь навсегда, но Федор уже отмечал свой путь знакомым черным маркером. Небольшие крестики на стенах надежно обозначали пройденный путь.

Следующий угол оказался прозрачным, и под прочным пластиком поблескивали тонюсенькие платы, расположенные слоями, как в торте «Наполеон». Таис тихонько свистнула, Федор оглянулся, прижал палец к губам и выразительно поднял брови. Потом присел на корточки, оглядывая загадочные углы, полные плат.

Потом прошел чуть дальше – Пушистик в это время сделал попытку освободиться из рук Таис и получил легкий

шлепок по голове. Оскалился, показав острые зубы, но Таис прошептала ему в ухо: «Заткнись, болван!» – с такой яростью, что зверек возмущенно зажмурился, сморщил нос и захлопнул пасть.

– Посмотри сюда, – совсем тихо, почти одними губами прошептал Федор и тронул Таис за руку.

Всего через пару-тройку шагов стены немного раздвигались, образуя подобие кармашка, в котором свободно гулял воздух. Задрав голову, Таис обнаружила над головой парочку вентиляционных отверстий – длинных щелей, из которых тянуло прохладой. Стены в этих местах становились совсем прозрачными, и за ними поблескивали серебристые борта беспилотников. Выстроенные в длинный ряд, летающие дроны упирались узкими носами в плотно закрытые круглые створки – каждому дрону полагался собственный выход.

– Эти дверки ведут в шлюз. Считай, сколько тут беспилотников... – снова прошептал Федор.

Таис и без него принялась считать, и вышел добрый десяток или еще больше, – Таис не ручалась, что не пропустила чего-нибудь. Коридор совсем расширился, стал удобным и большим, и от него отходил длинный свободный проход с белыми стенами без диодов и волосков.

– Здесь все приспособлено для того, чтобы обслуживать беспилотники, – пояснил Федор все так же тихо. – И тут есть несколько пустых камер. Видимо, здесь стояли те машины, которые мы уничтожили в бою. Смотри, видишь, из чего со-

стоят беспилотники? Вот эти длинные трубки, и вот такие платы, что находятся в углах, точно производили на нашей станции, я видел их, когда разрывал упаковку грузов, предназначенных для крейсеров. Беспилотники выпускала наша станция. По крайней мере запчасти для них и для тех серверов, которые ими управляют. Прикинь?

– Платы на сервера... – потрясенно прошептала Таис.

Ну конечно, и она тоже не раз вскрывала упаковки в контейнерах, которые отправлялись со станции, и видела похожие тонкие пластинки толщиной не более миллиметра. Правда, она тогда думала, что это на компьютеры или на планшеты. Или, на худой конец, для роботов.

А выходит, что их станция выпускает беспилотники. Ничего себе! Может, следует проникнуть в цех и попробовать вооружиться такими вот штуками?

– Смотри, я, кажется, могу достать одну такую пластинку. Сейчас...

Федор присел рядом с прозрачным углом и принялся орудовать электронной отверткой.

– Нехитрые тут штуки, все открывается само собой, можно сказать. Но сервер мощный, ничего не скажешь, – пробормотал он, поддел что-то, и раздался легкий, слабый щелчок.

Длинная прозрачная крышка, образующая одну из сторон угла, послушно отошла в сторону, и Федор стал одну за одной вытаскивать пластины.

Таис прошла чуть дальше и остановилась, пораженная. Прямо на нее и на Федора надвигалась армия крошечных прозрачных созданий со слабыми зелеными диодиками внутри. Диоды мигали, и казалось, что прозрачные твари бесшумно переговариваются сигналами. Их было много – может, десятка два, а то и три. Ноги-щупальца странных штукovin двигались с огромной скоростью, и сами они походили на каких-то насекомых, которых Таис видела в школе на обучающих голограммах. У каждой штуковины имелось по несколько ног, и они напоминали тех больших каракатиц, что совсем недавно расстреливали в шлюзе катера. Просто уменьшенные копии. Твари неслись вперед, и Таис уже представляла, как давит их ногами, а Пушистик крушит челюстями. В этот момент за спиной, у того самого угла, где сидел Федор, раздался тихий щелчок, а после треск, настолько резкий, что захотелось зажать уши руками.

Таис ругнулась, отскочила назад, напряглась и скинула с рук Пушистика. Она приготовилась сражаться с мелкими каракатицами, но те вдруг замерли. Несколько штук, что двигались по стенам, отвалились и шлепнулись вниз бессильными комочками, остальные обмякли и развалились на гладком белом полу.

Таис оглянулась. Рядом с Федором возвышался полностью опустошенный угол, и даже толстая квадратная колонна, к которой крепились платы, лежала рядом.

– Вот и все. Теперь эти беспилотники никуда не полетят.

Судя по всему, они управлялись именно из этого угла, – совершенно спокойным голосом заметил Федор.

– А вот это откуда? – И Таис толкнула ногой комочки каракатиц.

– Вижу. Ничего себе. Маленькие роботы-убийцы. Отлично задумано. Теперь пошли отсюда. Платы я поломал, работать они не будут. И эти беспилотники не взлетят, видишь, как погасли огоньки на дверях шлюзов. Хоть какой-то плюс. Теперь сваливаем: тут уже через минуту будут роботы. Бери свою зверюгу.

2

Они понеслись, и Таис изо всех сил придерживала рвущегося вперед Пушистика. Не было времени даже зло шепнуть: «Тихо ты, Пуш!» – настолько быстро Федор забирался вглубь белого лабиринта. У одного поворота, выводящего в широкий коридор, Пушистик зашипел, прижал уши к бокам и выпустил когти. Точно так же, как в прошлый раз, когда мимо проходили большие шестиногие каракатицы.

– За поворотом, видимо, шестиногие, – проговорил Федор. – Валим отсюда. Быстрее!

И они припустили вперед с удвоенной силой. Пробрались мимо еще одного ряда абсолютно новеньких и целеньких беспилотников и неожиданно выбрались в просторный свободный ангар. Как-то резко закончился белый проход, и вот

перед глазами гладкий серый пол, на котором сидели десятки мелких прозрачных многоножек. Тех самых, которые чуть не напали на Таис.

Твари безостановочно трудились – они собирали беспилотники. Рядами высились пластиковые тяжелые контейнеры со знаком Моага – золотистыми звездами созвездия Гончие Псы. Из стен выходили тонкие механические руки с множеством пальцев и белыми круглыми соединениями-сочленениями. Они сухо и тихо щелкали: неустанно доставали из пластиковых контейнеров запчасти и распределяли их по лентам конвейеров. А там, на движущихся полосах, сутились многоножки, только светились они теперь желтым, а не зеленым.

Все это происходило в абсолютной тишине, лишь пощелкивание и мигание. Сосредоточенный труд венчался успехом – в полукруглую арку двигалась широкая лента главного конвейера, на которой уже стояло два новехоньких, блестящих беспилотника. В их сияющих боках отражалась бесконечная возня многоножек.

Вот, значит, как? Сколько бы ни стреляли Таис и Федор, а здесь, на крейсерах, соберут еще много подобных штукочин для войны. Только зачем? Зачем Гильдия наладила такое совершенное и мощное производство на крейсерах? К чему такое массовое производство оружия? Ведь беспилотники были именно оружием, совершенным и мощным.

Пушистик вдруг вывернулся и соскочил на пол. Не желая,

чтобы Таис его остановила, рванулся вперед, выскочил в зал и выдал низкий глубокий рев, обращенный к ближайшей руке, орудующей у контейнерной ленты. Ему, видимо, не нравились все эти мигающие сосредоточенные штуки. Широко расставив лапы, он просто зашелся в грозном возмущении, обнажив заметно подросшие клыки и вытянув вперед голову. Уши его по бокам смешно оттопырились, но в целом Пуш являл собой страшное зрелище.

Правда, на его выпад никто в цеху не обратил внимания. Все так же продолжали трудиться многоножки, суетливо перебегая с места на место. Все так же неустанно работали руки, распределяя детали. Двигалась лента контейнера, и вот уже к арке полз почти собранный новенький беспилотник – осталось только закрыть корпусом его сложную начинку.

Федор рванулся вперед с сердитой решимостью, подхватил на руки Пуша и втянул его обратно в закуток. Таис зажала морду зверя рукой и тихо прошептала:

– Конфеты закончились, он сожрал все. Теперь изойдется весь...

Федор только кивнул и начал отступать назад. На них никто не обратил внимания, будто и Таис, и Федька, и Пуш-стик были всего лишь частью обстановки. Эткими ходячими контейнерами, которые вовсе не заслуживали внимания. И многоножки даже не собирались отвлекаться от своего важного занятия ради такой ерунды.

Таис и Федор продолжали блуждать по белому лабиринту

крейсера. Нашли огромные ангары, где хранились контейнеры с запчастями. На каждом контейнере стоял знак Моага, и каждая пластиковая тонкая упаковка казалась знакомой и родной. Таис столько раз проходила мимо грузовых шлюзов, тщательно обходя серые пластиковые ящики. Столько раз пряталась за ними от пятнадцатых, что и счет потеряла.

– Они прилично запаслись. Фактически крейсер оснащен так, что может сам себя чинить вроде как. Интересно, он на Землю приземляется когда-нибудь или все время болтается на орбите? Военная машина, следящая за порядком, – проговорил Федор, разглядывая контейнеры.

– Интересно другое. Тут люди есть вообще? – возразила ему Таис.

– Да, это тоже интересно.

3

Уже несколько часов они бродили по крейсеру. Нашли еще склады и еще парочку цехов. Нашли огромное поселение (или кладовку, уж и не знаешь, как назвать) мелких многоножек, которые сидели там тихонько и неподвижно. Их диоды были погашены, и лишь яркий белый свет, льющийся с потолка, освещал прозрачных, застывших каракатиц, занимавших бесчисленные круглые ячейки в стенах.

Нашли коридор, в стенах которого длинными рядами стояли большие шестиногие. Их обошли стороной, потому что

в каждом щупальце хорошо можно было разглядеть лучевое оружие. Стрелять эти твари умели, что и говорить.

Белый лабиринт покрылся черными крестиками и другими отметинами, которые оставлял Федор. Нигде, ни в каком углу они не находили ничего человеческого. Ничего, что хоть отдаленно напоминало бы людей.

Не было человекоподобных андроидов – ни пятнадцатых, ни двенадцатых. Не слышно было голосов, отдающих распоряжения, – вроде голоса Мартина. Ни человеческой речи, ни шагов – ничего.

Крейсер жил собственной жизнью, определяемой сложными программами. И весь он состоял из серверов – стены, пронизанные тонкими металлическими волосками, хранили в углах ряды тонких, прозрачных плат, испещренных крошечными точками, и именно эти платы отвечали за движение на всем уровне.

– Я устала, – пробормотала Таис после того, как они в очередной раз завернули круг по длинным белым коридорам. – Я хочу есть и пить. И хочу писать.

– Зайди за угол да и сделай лужу, – хмыкнул Федор.

– Я не могу это делать прямо на пол, я ж не животное, похожее на Пушка.

– Пуш скоро оголодает и примется лопать нас с тобой, – заметил Федор и опустил на пол у очередных люков с беспилотниками. – Вот в этом и есть наша главная проблема. Ему ведь надо много сахара, иначе он звереет. Скорее всего,

его организм нуждается в бешеном количестве глюкозы, понимаешь? А конфеты, как ты говоришь, уже закончились...

– Это все из-за тебя, – зло выдала Таис. – Если бы ты не затеял всю эту войнуху и вовремя свалил, мы сейчас сидели бы себе в своей каюте на станции, пили кофе и смотрели бы фильм. Или в игры играли. Или еще что...

А ведь действительно так и есть! В этот раз Федор ошибся, и очень серьезно. Накосячил, сглупил – как там еще можно назвать? Это по его вине сидят они в узких белых коридорах, голодные, уставшие, обеспокоенные. И будущее их совершенно не ясно.

Вот что теперь с ними будет? Как они смогут добраться до своей станции? У них даже нет связи с ребятами. Ни с Эмкой, ни с Колькой. Вряд ли эти двое догадаются прислать помощь. Эмма небось, наоборот, рада-радехонька, что вся власть теперь принадлежит ей.

– Да, это моя ошибка, – угрюмо и тихо согласился Федор. – Не надо было брать с собой Егора и Тошку. Прежде чем начинать любые действия, надо убедиться, что у тебя в команде дисциплина. Так что сейчас самое время исправить ошибку. И потому... – Он резко повернулся к Таис, положил ладони ей на плечи и как следует встряхнул – так резко, что даже Пуш подпрыгнул и оскалил зубы. – Теперь ты будешь безоговорочно слушаться меня, поняла? Поняла? – Глаза его стали резкими и серьезными. И какими-то чужими. Таким Федьку Таис еще не видела ни разу.

Она повела плечами, скривила губы и только собралась возразить, как Федька еще раз потрянул ее и велел:

– Соберись и хватит раскисать! Кто виноват – выясним после. Сейчас нам надо найти помещение, пригодное для жизни, – место, где мы сможем отдохнуть, поесть и попить. Должны же тут быть люди! Мы уже скрывались однажды и от роботов, и от детей, сумеем и сейчас. Это не весь крейсер, это только его нижний, технический уровень. Нам просто надо найти лестницу или лифт, чтобы попасть наверх. И к этому мы должны приложить все усилия.

Федор перевел дух, ослабил хватку и пытливо всмотрелся в лицо Таис. Та немного обмякла и почувствовала, как нахлынувшая было паника отпустила, оставив после себя только бешеное сердцебиение.

Федор, видимо, понял, что его слова оказали нужное действие, и продолжил:

– Поэтому слушаешься меня, ясно? Ныть будешь после, когда окажемся в безопасности. Сейчас отдохнем, перекусим тем, что найдется, после снова двинемся искать лестницу. Или лифт. Или что найдем.

– Чем перекусывать будем? – устало пробормотала Таис, отводя глаза.

– Что у тебя в рюкзаке? У меня есть бутерброды, сухари. Пара банок с паштетом, пара пакетов с сухим пайком, который надо только развести водой. И пара бутылочек с водой. А у тебя?

– Сейчас гляну...

– Вот и давай определимся, сколько у нас продуктов. Возможно, придется провести тут несколько дней, а здешние обитатели явно не отличаются гостеприимством.

Федор стянул с плеч свой рюкзак, швырнул его Таис – Пушистик при этом движении зашипел и оттопырил круглые лохматые уши.

– Считай, только быстро, – приказал он таким резким голосом, что Таис не осмелилась возразить.

А сам опустился на корточки у прозрачного угла, открыл крышку, прошелся пальцами по тонким, прозрачными платам, вытянул одну, потом вторую и закрыл крышку.

– Это по идее должны быть платы, отвечающие за многоножек. За здешних многоножек. Я думаю, что те штуки, которые горят зеленым, – они нападают и охраняют. Они подчиняются определенным платам в углах и несут ответственность за определенные участки. А те, которые горят желтым, занимаются производством. Производство – это их приоритетная задача. Их мы можем не опасаться.

– А какие платы отвечают за шестиногих? – поинтересовалась Таис, расставляя банки с паштетом и пакетики с сухарями.

– Здесь нет плат, которым подчиняются шестиногие. Я не встречал.

– Как же ты догадываешься, какие платы к чему?

– Я тут достаточно все облазил и достаточно понаблюдавал.

Я уже разобрал один серверный угол, управлявший беспилотниками. Мы с тобой видели отключенных многоножек, видели заевшие створки шлюзов, из которых выдвигались беспилотники. Но мы не видели ни одного поверженного шестиноного. Потому я вполне допускаю, что серверы, которым они подчиняются, находятся на Верхнем уровне. Так же как и люди.

Таис отхлебнула из бутылки воды, поморщилась и согласилась:

– Разумно.

4

– Здесь должны быть люди. Здесь есть искусственная гравитация, есть воздух. Все это создано для людей, – бормотала под нос Таис, запихивая в рот последний кусочек бутерброда.

Очень маленького бутерброда, потому что Федор сказал, что надо растягивать продукты и экономить. Черти бы попробовали эту экономику! Только Таис обрадовалась, что можно сколько угодно лопать продуктов и сколько угодно наслаждаться безопасностью на Третьем уровне станции, как они опять оказались в переделке. И снова прячутся и экономят продукты.

За что такие напасти?

– Это все нужно роботам, видимо. Я понятия не имею, из

чего созданы все эти многоножки и шестиножки. Это же не резина – все эти прозрачные тела и щупальца. Это какая-то живая субстанция, я в жизни такой не видел. Может, для нее и нужен воздух, – пояснил Федор и тут же распорядился: – Поднимаемся и двигаемся дальше.

И Таис снова поплелась за ним, прижимая к себе возмущенного Пушистика. Голод немного унялся, но зато заболели ноги и голова. Хотелось забраться в душ, а после завалиться в кровать. Как же хорошо в тепле и безопасности, под одеялом, под присмотром добрых роботов!

Хотя здесь, на этом крейсере, роботов тоже полно, можно сказать, что они находятся в самой роботовой гуще. Или даже внутри одного огромного робота, который завис в космосе и не знает, что теперь делать.

Но больше всего досаждало желание попасть в туалет. Писать хотелось ужасно, и Таис морщилась и хмурилась, думая о том, как уже надоел крейсер и вся его мелкая живность.

Совсем неожиданно вышли к широкому коридору, в котором напряженно трудилось с десятков многоножек. Здесь находились какие-то приборы, провода и платы, и по тому, как сосредоточенно делалась работа, Таис догадалась, что механизмы серьезно повреждены. Почерневшие платы на стене аккуратно вынимались, и на их место устанавливались новые.

– Это, видимо, Егор подбил крейсер. Поджег целый кусок. Похоже, здесь находятся двигатели... – проговорила Таис.

Федор пихнул ее, прижал палец к губам, но оказалось слишком поздно. В дальнем конце коридора обнаружился шестиногий, он внезапно дернулся и защелкал лапами, направляясь в сторону Таис и Федора.

Все его большое, обтекаемое тело двигалось с какой-то странной, пугающей грацией, щупальца-ноги переступали с такой быстротой и аккуратностью, что казалось, будто они едва-едва касаются пола. А щелчки издавали круглые белые суставы – щелк, щелк, щелк...

– Пошли! – яростно прошептал Федор и потянул Таис назад, в узкий проход.

Куда бежать? Если эта зараза начнет стрелять, то скрыться будет нигде...

– Поворачиваем! – Федор протиснулся в поворот, уже отмеченный черным крестиком, потом свернул в еще один.

Щелчки за спиной не отставали, мало того, они раздавались все ближе и ближе. Пушистик на руках извелся от нетерпения и от желания вступить в схватку. Заскреб когтями по плотному материалу куртки Таис, ошетинился, зашипел. Он здорово мешал двигаться, а еще хотелось в туалет, и Таис подумала, что обделается в этих коридорах, удирая от шестиногой твари.

– Сюда, мы тут не были... – пробормотал Федор, оглядываясь.

Во взгляде его сквозило дикое беспокойство, он быстро продвигался вперед и непрерывно тянул за собой Таис. Ему,

видимо, не нравилось, что он был первым и Тайка будто бы прикрывала его. Но поменяться в тесном пространстве не было никакой возможности, поэтому оставалось только торопиться и не отставать.

Коридор, в который они попали, был боковой развилкой, и на его углах черных крестиков не было. Значит, тут им бывать еще не доводилось. Он был длинным, прямым, и только у пола в углах поблескивали ряды плат.

Вперед, вперед! Как можно быстрее. Щелчки за спиной стали совсем громкими. Вот-вот появится прозрачная тварь и сожжет их выстрелом из лучевого пистолета. Или не станет стрелять в узком коридоре? Побойтся повредить собственные платы? Ведь крейсер – весь большой крейсер – это ее организм. Вернее, она часть этого организма.

Обрывки мыслей мигали в голове, точно крошечные диодики многоножек. Вспыхивали и гасли. Федор неустанно продирался вперед, Таис торопилась за ним, а глупый Пуш яростно шипел и скреб когтями. И ему удалось вырваться.

Таис и опомниться не успела, как он соскочил на пол и помчался назад.

– Стой! – закричала она и притормозила, но Федор ругнулся зло и некрасиво и решительно потянул за собой.

– Фиг с ним. Быстрее, добраться до поворота!

– Пуш! Сюда! – в отчаянии заорала Таис.

В этот момент щелчки раздались совсем рядом. Прозрачная гадина тоже с трудом протискивалась в повороты, пото-

му до сих пор еще не догнала их. Тут Таис и Федор даже имели некоторое преимущество: две ноги в узком коридоре проще разместить, чем шесть.

Но, как бы ни было тесно, тварь уже появилась на другом конце злосчастного прохода – просунула овальное, обтекаемое тело, выставила вперед две ноги, две другие поднимались над ее туловищем угрожающим оружием.

Таис оглянулась лишь на миг и увидела, как Пушистик прыгнул. Резкий полет – задние ноги его сработали, точно пружины. Он заскочил сверху, рванул туловище обеими передними лапами и вгрызся прямо в тело шестиногого. Туда, где в самой середине сияли крошечные белые огоньки и работала тоненькая плата.

Шестиногий задергался, лапы над туловищем задрожали, и он обмяк, свалился на пол. Распластался прозрачной бестолковой массой. Сверху на нем сидел Пушистик и яростно хрустел платой. Только теперь Таис вдруг увидела, какие у него мощные и крепкие челюсти, какие острые зубы и как умело он разрывает добычу. Только теперь вспомнила, что фрики на самом деле неутомимые и умелые охотники, которых не так-то просто убить.

– Отлично! – тихо проговорил Федор. – Просто отлично. Только не подходи к Пушу пока. Надо дать ему время успокоиться, он еще слишком зол.

Пушистик посмотрел на Таис – глаза сверкнули яростным огнем, – мотнул башкой и прыгнул в проход за распластав-

шимся шестиногим.

– Куда! – возмущенно крикнула Таис, но ответом ей были лишь тихие шлепки удаляющегося Пушистика.

– Пошли, я тут кое-что увидел. Лестница, ведущая наверх. Такая, приспособленная для шестиногих. Сейчас там пусто, так что надо пользоваться моментом, – тихо проговорил Федор.

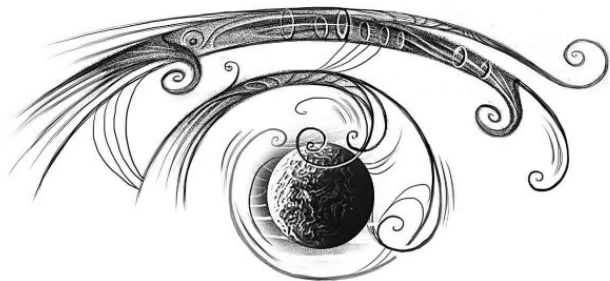
Он нырнул в долгожданный поворот, до которого они наконец добрались. Таис последовала за ним, чувствуя, как разрастается внутри беспокойство за зверька.

Они увидели изгибающийся полукругом коридор, довольно широкий: в нем могли спокойно разместиться два ряда шестиногих. В самой середине коридора располагалась лестница с широкими металлическими ступенями, закрепленными на довольно большом расстоянии друг от друга. Как раз, видимо, для длинных лап.

К этой лестнице и устремились Таис с Федором. Заскочили с огромной скоростью, стараясь все же не шуметь и не топтать. Влетели вверх и оказались в полутемном уютном коридорчике с овальным сводом и резиновым напольным покрытием.

Тишина тут стояла такая, что можно было слышать собственное дыхание.

– Мы наверху, – тихо проговорил Федор.

Глава 10

Эмма. Слишком опасные деревья

1

То, что обнаружил Коля в крошечной микросхеме каратицы, не имело названия. Такого Эмме еще не доводилось встречать. Ни встречать, ни читать об этом.

Мартин эти программы (если это вообще можно было назвать программами) никак не воспринимал, его система просто «не видела» микросхемку. Для Мартина этой штуки не существовало.

– Не могу ничего сказать по поводу таких технологий. У меня их нет в базе данных, потому я не могу сделать вывод-

ды, – спокойно пояснил Мартин.

А что еще он мог сказать?

– Это вообще не цифровые технологии, – тихо подытожил Колька, разглядывая небольшую голограммку платы, которую выдал планшет. – Но они сами, судя по всему, вполне могут контактировать с цифровыми технологиями. Это не живой материал, это, грубо говоря, компьютер. Крошечный мозг, что ли, искусственный. Я сейчас попробую достучаться до него, возможно, он согласится рассказать о себе. Сейчас закину ему простенькую программу знакомства.

– И что будет? – уточнил Егор.

– Не знаю. Вернее, могу только предположить. – Коля посмотрел на Эмму, словно приглашая помочь.

И Эмма присоединилась к ним. Для начала вытянула из своего планшета чип беспроводной связи, чтобы каракатица не заслала вирус во все остальные планшеты и системы станции. После сделала так, как делал Колька, – присоединилась к каракатице с помощью тоненького переходника, умеющего подстраиваться под различные платы и проникающего в любые компьютерные системы.

Переходник был не толще волоса и чуть отсвечивал золотым. Он зазмеился, обхватывая злополучную микросхемку поверх еще одного такого же переходничка, Колькиного, и выдал на тонюсеньких концах слабый белый свет. Значит, заработало. Соединение произошло. Вспыхнула бледным светом голограмма, изображение стало четким и ясным.

– Только не думай, Эм, что это наши переходники такие совершенные, способные соединиться даже с такой технологией. На самом деле это микросхема желает вступить с нами в контакт, – тут же пояснил Колька. – Вернее, я думаю, что у нее такое задание – контактировать со всем, с чем возможно. С уборщиками – так с уборщиками. С планшетами – значит, с планшетами. Смотри, вот эта плата.

Он ткнул пальцем в крошечную точку на голограмме, которая стала увеличиваться, разрастаться и превратилась в этакое стальное металлическое зерно с гладкими вытянутыми краями и узкими полосками резьбы (или это так прописаны программы, кто знает?).

Зерно вдруг крутанулось и вытянулось в изящную линию, а после закрутилось в спираль – длинную бугристую спираль, на которой проступили многочисленные узелки. Из узелочков полезли новые нити, разворачивающиеся в свою очередь в следующие спирали-ветки, покрытые узелками-почками.

– Ты посмотри, если считать, что каждый узелок – это программка, то здесь перед нами целая система. Целый компьютер, живущий сложной и уникальной жизнью и заключенный в странную оболочку. Тело с щупальцами, в котором находилась эта микросхема, было живым. Оно еще называется органическим. Правда, никакого кровообращения, никакой кровеносной системы. Другие принципы жизни, совершенно другие, – тихо продолжал пояснять Колька, – сим-

биоз электроники и живой плоти.

Егор сердито блеснул зелеными глазами, скривил губы и заметил:

– Фигня это полная, ребята. Мы понятия не имеем, что несет в себе эта штуковина, просто понятия не имеем. Давай-ка, Колька, вырубим ее к чертям собачьим. Вот такие же штуки легко взломали катер Федора, они опасны. Мы даже представить себе не можем, насколько они опасны.

Егор протянул руку, чтобы отцепить переходники, и тут же огреб от Кольки – тот шлепнул его по ладони и посоветовал не лезть, когда не просят.

– Я сейчас сам тебе врежу, дурень Колючий! – заорал Егор, а на голограмме тем временем продолжали разворачиваться спирали, сливаясь в огромный толстый ствол. Распустились усики, лопались узелки-почки, выдавая новые завитки и новые стебли.

– Вырубай, смотри, что у тебя! – снова заорал Егор.

Его раздражение горячей волной передалось Эмме. Адrenalин Егора пьянил, заставляя чувствовать напряжение и приятную готовность в мышцах.

– Я хочу разобраться в этом, – резко заявил Колючий. – Если мы не поймем принцип их работы, мы никогда не сможем одолеть их.

– Мы их и так не одолеем! – Голос Егора звенел высокими нотами ярости, и Эмма понимала, что сейчас им владеет страх и злость. Эти два чувства всегда бывают рядом. Страх

и злость — это то, что накаляет воздух, делая его горячим и едким.

А на голограмме уже поднималось дерево — это было именно дерево. Толстый ствол, состоящий из сотен тонких витков и усиков, изящные, опускающиеся вниз ветви и множество листьев и почек, рождающих новые витки и новые ветви.

Зрелище завораживало и пугало одновременно. Оно обладало невероятной силой и энергией, оно обладало жизнью. Электронной, искусственной жизнью. Придуманной и созданной. Но эта жизнь имела крепкую волю и крепкое желание побеждать.

Егор и Колька спорили, стучая время от времени друг друга по рукам, но Эмма уже не слушала их. Она поняла все, что хотело сказать зерно. Ведь не случайно оно с такой уверенностью и наглостью развернулось перед ними во всей красе. Показало свою сущность, свою внутренность. Свою мощь и свой размах.

Это только кажется, что плата крошечная. На самом деле из нее вырастет огромный организм, огромная сущность, как из крошечного зернышка вырастает высокое дерево.

Насколько дружественным к людям будет это «дерево»? Насколько сильно надо его опасаться?

И Эмма с потрясающей уверенностью поняла, что сильно. Очень сильно надо остерегаться прозрачных каракатиц, несущих в себе странную и сложную технологию, похожую

на дерево. Эмма потянулась, чтобы отключить свой планшет, дернула переходник, голограмма вздрогнула. По ней пробежала легкая рябь, и ветви дерева пришли в движение. Оно взмахнуло всеми своими усиками и ветками, потрянуло листьями, качнулось и вдруг мгновенно сузилось, съежилось, уменьшилось до одного длинного завитка – распрямленной спирали – и юркнуло куда-то вниз.

И тут же планшет Колючего зашипел, затрещал. Экран покрылся сеткой мелких трещин, сама голограмма развалилась на множество нечетких черных кусков, как разваливается сожженная бумага.

– Черт бы побрал... – потрясенно проговорил Колька.

– Я же говорил! – заорал Егор.

Эмма молчала. Она лихорадочно пыталась сообразить: успело ли дерево забраться в ее планшет? И почти сразу увидела, что успело. Тихий треск и множество трещин на тонюсеньком экране дали понять, что и ее аппаратуре пришел конец, быстрый и необратимый. Восстанавливать в этих планшетах теперь было нечего. Только черная, потрескавшаяся пластинка, от которой прямо на глазах отваливались куски. Отваливались и оставались лежать на столе, матово-черные, печально поникшие.

– Представь себе, что будет, если это окажется Мартин, – неожиданно тихо проговорил Егор.

Колька не ответил. Он вдруг подскочил, схватил микросхемку каракатицы и принялся давить ее ногами. Напрасный

труд, его кроссовки не могли причинить никакого вреда этой штуковине, это Эмма тоже поняла с жуткой уверенностью.

– Это не поможет. Надо только в лучевую печь. Надо собирать их по всему кораблю, искать, где только можно. И в лучевую печь все. Вы поняли? Быстро, Колька. Давай, я отнесу.

2

Это легко сказать – давайте обобщем всю станцию и найдем. А на деле все это выглядело глупо и бестолково. Позвали на помощь Жанку, Тошку и Гошку. Объяснили, что от них требуется, разделили весь Третий уровень на секции и принялись искать.

Эмме достался участок рядом с цехом, тот самый, где она встретила девочку Женю. Ей помогала Соня, и они вдвоем обошли каждого пятнадцатого в кладовке – те недоуменно поворачивались, выполняя приказания, а голос Мартина в ухе непрестанно докладывал, что у остальных ребят все в порядке и каракатиц пока не обнаружили.

Пообедали наспех прямо в капитанской рубке, после снов принялись за поиски. Но весь Третий уровень был тих и спокоен. Никому на глаза не попало ни одной твари. Эмма уж так тщательно вглядывалась в потолок, в стены, в пол. Перед ней шла Соня, и получалась такая себе двойная проверка. Если бы Сонька что-то пропустила – Эмма, следуя за

ней, наверняка бы увидела.

К концу рабочего дня весь Третий уровень был осмотрен и проверен. Ни одной каракатицы больше. Ни одной твари не нашлось.

– Все чисто, – устало доложил Егор, плюхаясь в белое кресло.

– У меня тоже, – сказала Жанка.

Ее обычно хорошо уложенные темные волосы теперь торчали в разные стороны – острые прядки над прямыми бровями и черными глазами, над ровненькими ушками и сережками-стразиками.

Эмма почему-то отметила про себя, что Жанка очень красивая девочка и Егору нравится смотреть на нее и касаться ее рук, плеч. Смутное желание близости и объятий – такое же точно, что было у Таис и Федора. Оно витало в воздухе странным запахом, неуловимым, почти незаметным. Запахом так называемой любви.

По крайней мере, так думалось Эмме, так она называла это сама для себя.

Жанка, видимо, интуитивно угадывала эти самые чувства Егора, потому что держалась рядом и время от времени загадочно улыбалась ему. Еле заметно, лишь уголками губ. Получалась такая себе улыбка-послание. Заверение, что она его чувствует, слышит и она ему всегда рада.

Вот и сейчас Жанка устроилась в кресле – в том самом, где обычно сидела Таис, и это показалось Эмме каким-то непра-

вильным и неприятным, – придвинулась к Егору, откинулась назад, и Егор одними пальцами дотронулся до ее ладошки, свисавшей с поручня. Незаметный жест, на который ни близнецы, ни тем более Колючий не обратили внимания, и лишь Эмма слегка подняла брови и отвела глаза.

Ну что же, зато этим двоим таблетки точно не нужны и на них тратиться не придется.

– И мы не нашли ничего, – сообщил Тошка.

– Потому что они спрятались. Они не дураки, – тут же закончил общую реплику Гошка.

– Мы их так просто не найдем, только выманивать.

– Как магнитом притянуть. Они же ползут на всякие электронные платы. Думаю, что ночью они нападут снова. – Близнецы говорили по очереди, и их фразы сливались в одно длинное предложение. Как будто говорил один человек.

Жанка слушала их с широко открытыми глазами, и Эмма не выдержала, усмехнулась. Стоявший рядом Колька тоже хмыкнул.

– Они на пятнадцатых ночью напоззут, – предположил опять один из братьев.

– Да где же они, по-вашему, прячутся? – не удержался и хмуро поинтересовался Колючий. – Мы облазили весь Третий уровень станции, на карачках, можно сказать, ползали. И где, по-вашему, могут быть эти твари?

– А где мы еще не искали?

– На энергомодуле, в Детском отделении и в цеху, – под-

сказала Эмма.

Она все время помнила о загадочном цехе и об энергомодуле. В этих местах ей бывать еще не приходилось.

– В цеху они, это точно, – одновременно проговорили братья и одинаково передернули плечами.

Произнесенное двумя похожими голосами, это совсем обычное словосочетание «в цеху» почему-то вызвало дрожь.

– Никто не знает, что творится в цеху, – осторожно заметил Колючий.

– Так и есть, – поддакнул Егор.

– Внимание, через минуту я отключу свет на Третьем уровне, аварийное отключение на десять минут, – совсем нестати сообщил Мартин.

– Вовремя, – буркнул Коля, после сказал, что устал и надо выбрать дежурных и отправляться по каютам.

– Я знаю, что прошлую ночь тут сидел Егор, потому вполне справедливо будет, если в эту останемся мы с Эммой. Договорились? Заодно мы с ней сходим к энергомодулю и проверим, как там.

– Тогда пошли сейчас, вместе, – пробормотал уставший Егор, откинулся на спинку кресла и блаженно закрыл глаза.

Видимо, прошлую ночь он провел в играх, сидя тут, в капитанской рубке, и сейчас больше всего ему хотелось поспать.

– Егор, ты бы уже спал. Иди, топай вместе с Жанкой вниз. В душ, после ужина, после отдыха – все по расписанию, – с

усмешкой предложил Коля.

– Это будет лучше всего. А к модулю сходим мы. После тут поужинаем. Идет, Коль? – уточнила Эмма.

– Отличный план.

Свет в коридорах погас, стало неуютно и тревожно. Эмма зачем-то кинула взгляд на стеклянные двери – за ними был мрак и тишина.

– Вдруг там кто-то бродит в темноте, – совсем неожиданно протянула Жанка и вжалась в спинку кресла, – или каракатицы эти ползают. Вы пойдете – а они на вас напрыгнут, прямо на голову. Точно фрики...

Егор заулыбался и ответил:

– Ничего себе ты придумала, Жан. Прямо рассказ-ужастик. Они не пойдут в темноту, они же не дураки.

– Я тоже не пойду, пока свет не включат, – мрачно сообщила ему Жанна. – Буду сидеть тут и ждать.

– Да ерунда все это. – Эмма поняла, что надо немедленно снять жуткое наваждение, разогнать его, пока оно не овладело умами всех, кто сидел в капитанской рубке. Вон близнецы притихли, побледнели. Глаза блестят, и ни следа улыбки на вытянувшихся лицах. Жанка сжалась, точно воробей, поглядывает на Егора. Тот тоже нахмурился, того и гляди, поверит в прыгающих каракатиц.

Эмма и сама верила в такой вариант развития событий, но не собиралась поддаваться страху. Страх парализует, лишает воли и мыслей. Страх – плохой советчик.

Поэтому она решительно встала перед зеркалом, принялась расчесывать запутавшиеся пряди волос и заговорила с подчеркнутой насмешкой в голосе:

– Какие же вы еще дети. У нас есть пятнадцатые – целый взвод. На головах у них мощные фонарики. В руках – мощное оружие. И их много – этих пятнадцатых. Пока у нас есть роботы – мы неуязвимы. Роботы – это наша сила. Потому мы сейчас с Колькой пойдем к энергомодулю, и проведут нас пятнадцатые. А к тому моменту, как мы доберемся, свет уже будет работать. Ясно, дети?

Последние слова «ясно, дети» она произнесла с такой же интонацией, как Таис. Легкая издевка и еле заметные ноты собственного превосходства. То, что нужно, чтобы завести подростков. Показать, что насмехаешься и считаешь себя взрослее и умнее.

Пусть лучше злятся, чем бледнеют от страха.

– Умная Эмма все расставила по местам, – хмыкнул Егор. – Делайте, как хотите. Включат свет – мы вернемся на Второй уровень. У нас должен быть отдых, раз мы дети. Верно, Жан?

– Вот именно, – поспешила согласиться та.

Она чуток расслабилась, увидев, что старшие не боятся.

Вот и правильно. Сейчас Эмма и Колючий старшие, и они будут решать – впадать в панику или не стоит.

Энергомодуль действительно надо проверить. И лучше сделать это прямо сейчас, а не тянуть время. Зато ночью они будут спокойно отдыхать, зная, что на станции порядок. Может, действительно почти не осталось каракатиц, и погибшие уборщики – единственная проблема?

Хорошо бы, если бы было именно так. Уборщиками займутся уже завтра. Может, возьмут парочку со Второго уровня – там такого добра тоже полно. Может, загрузят какого-нибудь лона. Найдут выход. В конце концов, вода на станции есть и тряпки тоже. Можно просто помыть пол – такой вариант тоже имеется. Мыли же полы дети подземелья на Нижнем уровне совсем недавно? Мыли.

И Эмма решила пока не забивать голову уборщиками – выход найдется непременно. Это не самая большая проблема по сравнению с теми крейсерами, что все еще палили по станции, по сравнению с пропавшими Таис и Федором.

Эх, если бы только поломанные уборщики остались единственным поводом для беспокойства – жизнь, можно сказать, тогда была бы вполне сносной.

Колька между тем не стал терять время. Попросил Мартина прислать двоих пятнадцатых («Нам вполне хватит и двоих, не воевать же идем») и направился к выходу. Едва двери услужливо разъехались в стороны, оглянулся на Эмму и

мотнул головой: мол, ты же со мной? Тогда пошли.

И Эмма отправилась вместе с ним, оставив близнецов и Егора с Жанкой пить сок с печеньем и разглядывать голограмму.

Еще ни разу в жизни Эмма не была в этом месте. Оказалось, что попасть к энергомодулю можно только с Третьего уровня, и только с внутреннего круга, оттуда, где находился Детский блок.

Сразу же за помещением с детскими кувезами находился узкий, полутемный коридорчик, на который раньше Эмма и внимания не обратила бы, решив, что там кладовки. Чтобы открыть единственную дверь в этом коридорчике, пришлось взламывать замок – это тоже оказалось неожиданным.

Коля, подключаясь через планшет и загружая программу взлома, заметил:

– Вот уж не думал, что придется еще пользоваться этой программкой. И почему это, Мартин, ты не можешь открывать все двери на этой станции?

– Потому что я управляю не всей станцией. Я отвечаю за детей, вы же это знаете, – тут же через наушник ответил Мартин.

Эмма услышала его ответ – в ее ухе тоже находилась мягкая капелька – и нахмурилась.

– Вот это и странно, – заметила она.

– Замок сложный попался, так сразу программа его и не берет, – пробормотал Коля, опустился на колени и вскрыл

плоский мониторчик.

Отбросил в сторону ставшую ненужной панель, принялся ковыряться в тоненькой небольшой плате. Подковырнул, нажал еще раз. Резко запахло паленым, появился тоненький дымок.

– Почему плата так реагирует? Ты ее просто ломаешь? Нет, так только нарвешься на напряжение. Дай-ка я попробую.

Эмма наклонилась, подумала, что здешняя плата совсем маленькая, и потеряла усталые глаза, чтобы лучше видеть всю эту мелочь.

– Сейчас развернется «деревом», – заметил Коля.

– Не напоминай. Разрушает это «дерево» просто отлично, – буркнула в ответ Эмма.

– Потому что это тебе не настоящие деревья. Это пародия на природу. Карикатура. Рисует тебе радужную картинку, а сама потихоньку подбирается к самому сердцу твоего планшета и сжигает его. Пожиратели схем какие-то...

– Самое лучшее название, – согласилась Эмма, перенаправила напряжение, и дверь поехала в сторону.

– Гляди-ка, ты соображаешь...

– Еще как. Пошли, что ли. Вообще убрать надо замок, пусть будет открыто. А то возни с ним больше, чем нужно. Чуть позже поставим обычный, с простым кодом...

Перед тем как пройти сквозь узкий проем, Эмма замерла всего на пару секунд, прислушалась к собственным ощущение-

ниям. В последнее время она очень сильно доверяла своей интуиции. Настолько сильно, что внутренние предчувствия теперь казались некоторыми ориентирами в пространстве. Указаниями, куда следует поворачивать.

И сейчас Эмма вдруг с убийственной ясностью поняла, что там, за порогом, – опасность. Незведанная, смутная, незнакомая – и от этого по-настоящему пугающая. Там опасно. Что представляло опасность – энергомодуль или, возможно, излучение от него, – Эмма не могла сказать.

Всего пару секунд она колебалась. Всего раз промелькнула мысль, что туда лучше не соваться, и тут же пропала. Выбора не было. Зато с ними пятнадцатые, и они защитят если что. Наверняка защитят.

Коля, видя ее колебания, отодвинул ее плечом и решительно вошел в дверь. И тут же послышался его восхищенный голос:

– Ни фиги себе...

Действительно, было «ни фиги себе».

Помещение оказалось круглым и сравнительно небольшим. Оно проходило аккурат по центру станции, соединяя собой все три уровня, – по крайней мере, когда Эмма перегнулась через блестящие металлические перила круглой галереи, огибавшей помещение, она увидела освещенные синим светом стены, уходящие вниз на полтора десятка метров. Энергомодуль представлял собой прозрачную трубу-колбу, наполненную тягучей, голубоватой жидкостью, в

которой блестящими искрами вспыхивали время от времени какие-то кристаллы.

Внутри колбы находилась *Жизнь* — это Эмма не просто поняла, почувствовала. Ощутила каждой клеточкой, наблюдая за медленным движением жидкости, за искрами, освещающими ее изнутри. Это было очень странно и очень красиво. Жидкости время от времени становилось тесно в колбе, и она поднималась к самому краю, закрытому плотной металлической крышкой. От крышки отходили толстенные витые кабели, они опутывали потолок, соединялись с электросервером в стене и передавали питание станции.

Как только жидкость поднималась до самой крышки, раздавалось тихое шипение, и сбоку в колбе открывались небольшие клапаны – Эмма их увидела. И вырывались тоненькие струйки пара, рассеивая в воздухе голубые искры.

Это походило на волшебство. На сказку, в которой вдруг находишь волшебный источник. Энергомодуль как раз и был таким источником. Правильнее даже сказать, он был сердцем станции. Неутомимым, неустанным. И движения жидкости (или плазмы, так будет вернее) казались ритмичными сердечными сокращениями.

Что ж, сердце станции было гигантским. Огромным, прячущим свое основание где-то в самом низу Нижнего уровня, там, где еле-еле горел свет и все казалось голубым и призрачным.

Толстые кабели, словно огромные вены, опутывали мо-

дуль в нескольких местах, соединяясь в специальных стыках. Они вились по стенам и по полу галереи, через них приходилось перешагивать, и Эмма даже один раз чуть не споткнулась.

– Осторожнее, – предупредил ее Коля, – давай теперь искать каракатиц. Хотя вряд ли они будут тут находиться. Сюда не так просто попасть.

Эмма кивнула и всей грудью вдохнула воздух. Он был по-особенному терпким и мягким. И каким-то... хорошим, что ли. Вот именно это определение и подходило лучше всего: «Хороший воздух». Это Эмма тоже чувствовала, улавливала и понимала. Почему – не могла сказать. Каких-то точных определений не было, но интуиция безошибочно подсказывала, что вреда от этого воздуха не будет точно.

И тут послышались шаги. Тихие и осторожные. Эмма услышала медленное сердцебиение, шорох одежды и легкое дыхание. Ребенок.

Здесь, у энергомодуля, находится ребенок. Что он тут делает?

– Кто здесь? – тут же крикнул Колька.

Пятнацатые насторожились, подняли руки с оружием. Хотя против кого воевать-то?

Так и есть, из-за поворота – галерея огибала энергомодуль правильным кругом – показалась девочка. Небольшая, может, лет семи-восьми. Светловолосая, тоненькая. С двумя длинными хвостиками за ушами, в розовых носочках и вель-

ветовом темно-бордовом сарафане. Такая себе пай-девочка, послушная и милая. Она посмотрела на Эмму и спокойно поинтересовалась:

– Вы что тут делаете?

– Это ты что тут делаешь? – рявкнул Колька. – Чего это вы все повадились шастать на Третий уровень? Кто тебя пропустил?

Девочка какое-то время молчала, разглядывая их, – ни тени испуга в глазах, ни капли смущения или растерянности. После бойко ответила:

– Я заблудилась. Нам надо уходить сейчас. Прямо сейчас. Иначе будет поздно. Для всех поздно.

– Заблудилась? Тут что, поблизости есть детская площадка? Кто тебе разрешал подниматься на Третий уровень? – Колька фыркнул и сейчас же велел пятнадцатому отвести девчонку вниз. – Пусть топает. Сегодня же соберем всех детей и выдадим новое правило. На Третий уровень дети не ходят! – закончил он свою злую тираду.

Эмма молчала. Что-то здесь было не так. Что-то не складывалось, не совпадало. От этой девочки тоже не пахло человеком. Пахло новой одеждой, новой резиной кроссовок, новыми металлическими пуговицами на сарафане. Хорошо пахла новенькая вельветовая ткань. Чудились еще какие-то неясные, смутно знакомые запахи, вызывавшие сильнейшую тревогу. Вот сейчас уровень беспокойства просто зашкаливал. Если бы у Эмминой интуиции был барометр, то стрелка

показывала бы ровно на двенадцать. Совсем близко к критической точке. Совсем близко к катастрофе.

Девочка охотно подчинилась, протянула пятнадцатому узкую розовую ладошку, улыбнулась – точно так же мило и славно, как до этого Женя. Эмме она кого-то смутно напонила. Что-то слишком знакомое промелькнуло в этих хвостиках за слегка оттопыренными круглыми ушами. Глаза чуть раскосые, на подбородке слишком знакомая ямочка – глубокая и выразительная. Девочка с ямочкой...

– Как тебя зовут? – спросила Эмма.

– Инесса, – тут же последовал невозмутимый ответ.

Инесса... Имя было памятным. Инессой звали девочку из так называемой Магнитной Пятерки – из прошлого выпуска. Год назад в первом выпуске старших классов было пятеро подростков, неразлучных друзей, любивших гонять на магнитных досках. Поэтому их так и называли Магнитной Пятеркой.

Эти пятеро были крепкой компанией и никого в свое общество не впускали. Эмма всегда восхищалась ими и частенько наблюдала за их соревнованиями. Магнитная Пятерка погибла – их усыпили роботы. Еще тогда, когда Мартин не подчинялся Федору, Таис, Эмме и Коле и назывался Моагом.

И сейчас, глядя на незнакомую девочку, Эмма вдруг поняла, что она слишком похожа на свою тезку – ту самую Инессу, погибшую год назад. Инессу из Магнитной Пятерки.

Слишком похожа. Та же ямочка, те же глаза, та же манера

слегка задирать голову вверх с чувством явного превосходства: мол, я вам вовсе не ровня.

– Инесса, – тихо проговорила Эмма и отвернулась.

Это все неспроста. Что-то во всем этом есть неправильное. Откуда эти дети? Инесса, Женя? Почему от них не пахнет людьми? Почему они во всем новом, ярком? И ведут себя так, словно бы они... Ну, словно бы они какие-то куклы, а не дети...

Один из пятнадцатых увел девочку, и Эмма поделилась своими опасениями с Колей:

– Странные дети, что Инесса, что Женя. Они словно куклы, а не девочки.

– Мне тоже они не нравятся, – тут же согласился Коля и опустился на колени, собираясь обследовать каждый уголок в поисках каракатиц.

Эмма собралась было сделать то же самое, но энергомодуль вдруг пришел в движение. Плазма внутри забурлила, заискрилась больше обычного. Из отверстий повалил пар, потом что-то зашипело и задвигалось. Завибрировал пол галереи, на котором стояли Эмма и Коля. И откуда-то сверху, с длинных кабелей раздалось тихое шуршание и пощелкивание.

Эмма подняла голову и услышала резкую ругань Кольки, который увидел то же самое, что и она.

От энергомодуля по толстым разноцветным кабелям ползли десятки мелких каракатиц. Прозрачных и провор-

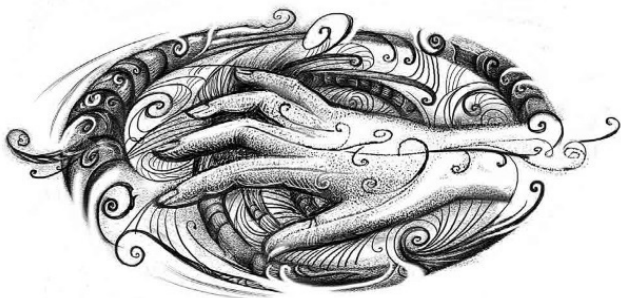
ных – сквозь их тела просвечивали синие, желтые, зеленые и красные кабели, – суетливых и почти бесшумных. Десятки и десятки... Они уверенно спускались вниз и заполняли собой стены и пол галереи. Их стало так много, что Эмма попятилась и схватилась за Колькину руку.

Вот она – настоящая опасность. Ее интуиция не ошиблась.

Глава 11

Таис. Людей тут нет

1

– Мы наверху, – проговорил Федор и, выразительно глянув на Таис, прижал палец к губам.

И без того ясно, что надо вести себя тихо, это даже дурак поймет. Таис поморщилась, переступила с ноги на ногу. После приблизилась к квадратному отверстию в полу, откуда они только что вылезли. Широкая лестница уходила вниз. Совсем скоро на ней появятся шестиногие, потому лучше не тратить зря время и искать укрытие.

Пушистик остался где-то внизу, бестолковая зверюга. Те-

перь вот переживай за него...

– Пойдем. – Федор проговорил это так тихо, что Таис еле-еле различила его шепот.

Кивнула и последовала за ним. Где-то здесь должен быть туалет, иначе действительно придется делать лужу прямо в коридоре...

Коридорчик между тем уперся в стеклянную прозрачную стену с раздвижными дверями. Вбок от дверей отходили длинные белые сервера. А за стеклом поблескивал прямоугольный стол-монитор, немного похожий на овальный стол в капитанской рубке на станции.

Двери весело зашипели, расходясь в стороны и словно приглашая войти. За ними овальное окно в космос и монитор – то, что предназначалось для людей. Вряд ли шестиногие будут пялиться на космос, звезды и станцию, висевшую совсем близко и удивлявшую своими огромными размерами.

– Вдруг ловушка? – с сомнением проговорила Таис, не решаясь войти.

– Глянем хотя бы.

– А если не выйдем? Если двери закроются?

– Таис, ты думаешь, я не взломаю замок? – возмутился Федор снисходительно и немного весело, взял Таис за руку и решительно потянул за собой.

И очень вовремя, потому что из квадратного отверстия в полу уже показалось прозрачное туловище с электронны-

ми мозгами. Шестиногий вытянул передние лапы и защелкал суставами с неутомимой деловитостью. Он был уверен, что вот-вот догонит нарушителей.

Едва Федор и Таис зашли в рубку управления, двери закрылись. Загорелись лампочки, и раздался приятный голос, сообщивший, что они находятся на борту крейсера-андроида, обладающего высоким интеллектом и носящего имя Иминуя.

– Вы попали в кабину наладчиков. Сообщаю, что в системе произошли определенные сбои, что-то нарушило работу серверов, отвечающих за работу двадцать первых и двадцать третьих. Требуется глобальное сканирование, которое я могу запустить только с помощью капитанов, – без всякого смущения доложила Иминуя.

– Чего ей требуется? – не поняла Таис.

– Посмотри, там вроде бы есть туалет, Тай. Пойди и посмотри. Сюда, видимо, приходили наладчики. Люди. Но только тогда, когда крейсер находился на Земле, а не в космосе. А вообще это самостоятельный крейсер, в управлении не нуждается.

– Назовите свои позывные, – потребовала Иминуя, – и предъявите допуск к работе. Откуда вы взялись на крейсере, если допуск не был активирован?

– Сейчас расскажем, – уверенно пообещал Федор и склонился над мониторами.

Таис уже заметила небольшую узкую дверь из матового

серого стекла, за которым угадывались ровные пластиковые плитки, но все еще топталась на месте и продолжала наблюдать за шестиногим. Тот, видимо, потерял след или еще что-то, потому что остановился в коридоре и замер. Не двигались щупальца, не щелкали суставы.

Федор оглянулся на него и спокойно пояснил:

– Видимо, здесь заканчивается сфера деятельности этих машин. Сигналы с серверов сюда не доходят. Тут место для людей.

– А людей здесь как раз и нет.

– Люди для Иминуи всего лишь обслуживающий персонал, который попадает сюда только со специальным допуском. Ты же слышала. Ну, мы в таком допуске не очень-то нуждаемся. Мы тут в безопасности.

– Рядом с Иминуей?

– Зрение Иминуи обращено во внешний мир, а не во внутренний. Здесь она полностью доверяет своим крошкам-многоножкам. Нас она плохо видит, лишь воспринимает присутствие людей в рубке. И это ее путает, потому что допуска на ремонт не было.

Действительно, Иминуя вдруг замолчала. Зависла, точно недоработанный файл. Таис воспользовалась туалетом, порадовавшись про себя, что здесь есть все-таки вода и довольно сносные удобства. Вернулась, присмотрелась к работе Федора и выдохнула:

– Думала, что лопну. Что теперь будем делать?

– Как – что? Подчиним себе Иминую. Это просто. Помоги мне, ладно?

– Так я в этом не разбираюсь вовсе...

– И не надо. Просто прими вот эти штуки. – И он вывалил в ладони Таис мелкие платы – полупрозрачные тонкие пластиковые квадратики, пронизанные еле заметными металлическими волосками.

– Вдруг совсем сломаешь крейсер? – с сомнением произнесла Таис, чувствуя, как теплые платы согревают ладони.

– Это мне и нужно. Сейчас мы его перенастроим! – Федор поднял голову и довольно улыбнулся. – Я, кажется, разобрался, что тут к чему. Доберусь сейчас до мозга Иминуи и вырублю его. Вот тогда и посмотрим, кто тут хозяин. Знаешь что, а посмотри, нельзя ли сделать горячего кофе. Есть все-таки хочется...

– Можно. Я уже видела. Рядом с туалетом есть небольшая ниша со шкафчиками и откидным столиком. Там и кухонный агрегат имеется. Пойду включу его. С ним совсем просто – нажимаешь нужные кнопки, и все. Воду он сам набирает.

– Вот и славненько... – пропыхтел Федор, снова углубляясь в сложный механизм гигантского сервера.

– Что ты там делаешь? – спросила Таис.

Она приблизилась к темной панели, стоящей на тонкой, полупрозрачной ноге, от которой отходили в разные стороны поддерживающие ветви-усики. Присела рядом на корточки.

Панель-экран был тонюсеньким и гладким. На нем вдруг появилось лицо женщины – красивое, совершенное. Мягкий овал, пронзительно-синие глаза, черные тонкие брови, высокий открытый лоб и ямочка на подбородке. Женщина улыбнулась и спросила:

– Что вы собираетесь делать?

– Сейчас увидишь.

– Вы допускаете ошибки в действиях. Вы, люди, всегда ошибаетесь. Вам следует немедленно остановиться, – улыбаясь, сообщила женщина.

Федор промолчал. Таис на всякий случай немного отодвинулась от монитора и тоже не стала ничего отвечать.

– Позвольте совершенному интеллекту решать за вас, – снова заговорила Иминуя убедительно и спокойно, – позвольте избавить вас от печальных последствий ошибок, пока не поздно.

Федор отступил на шаг и ловким движением открыл крышку серверного угла – точно такого же, какие были на нижнем уровне крейсера. Резко выдернул несколько плат, после сдвинул угловую установку, к которой крепились платы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.